Н. А. Павловъ

БРЕДЪ

Россія въ 19.. г.

ПАРИЖЪ

1928

Н. А. Павловъ

БРЕДЪ

Россія въ 19.. г.

ПАРИЖЪ

1928

2007340299

БРЕДЪ

«Еще не открылось, что будетъ»...
(посл. Іоанна 1-3).

«Не быть серпу и молоту вмѣстѣ: серпъ собираетъ, а молотъ дробитъ»...

«Это присказка, не сказка, — сказка будетъ впереди»...

I

Поѣздъ шелъ совсѣмъ медленно, благодаря тому, что пути подъ Иркутскомъ не ремонтировались. Плохи были шпалы; разболтаны и скрѣпленія. Составъ поѣзда былъ малъ; всего было четыре вагона; передѣланный заново служебный Восточно-Китайской дороги, рядомъ служебный же, для лицъ окружающихъ Наслѣдника, потомъ одинъ для прислуги и багажный.

Съ Наслѣдникомъ ѣхало пятеро его приближенныхъ. Среди нихъ не было ни церемоніала, ни мѣстничества. Каждый зналъ, что можетъ быть придется служить, но на какомъ посту — никто и не загадывалъ.

Старѣйшій изъ окружающихъ, Акимъ Петровичъ не считался первымъ лицомъ этого окруженія; онъ былъ чѣмъ-то вродѣ секретаря, или совѣтника Наслѣдника. Ему было шестьдесятъ лѣтъ. Служилъ онъ когда-то въ земствѣ, былъ и земскимъ начальникомъ и судьей. Участвовалъ въ тарифной и дорожнй комиссіи въ Петербургѣ. Съ высшимъ образованіемъ, серьезный эконо-

мистъ, недурной сельскій хозяинъ — онъ много въ своей жизни написалъ, но какъ истый русакъ, все откладывалъ изданіе своихъ книгъ, а во время революціи вывезъ кое-какіе матеріалы за границу.

Акимъ Петровичъ обладалъ изумительной памятью и способностью концепціи чужихъ мыслей. Начиная съ книгъ Васильчикова, Менделѣева и кончая Чупровымъ, Постниковымъ, Масловымъ, Анцыферовымъ и Воблымъ, — онъ прочелъ какъ русскую, такъ и заграничную экономическую литературу. Позналъ и финансовыя мудрости всякихъ финансистовъ: Бунге, Витте и разныхъ Озеровыхъ и Табурно. Зналъ теоріи борцовъ за серебро и бумажный рубль — Оля, Шарапова, Бутми и прочихъ.

Осѣвъ съ 1918 года въ Германіи, онъ началъ дѣлать сводки этихъ и своихъ прежнихъ трудовъ. Собралъ всѣ свои статистическія данныя, использовалъ труды нѣмецкихъ экономистовъ и составилъ полный обзоръ прежняго государственнаго и міровогo хозяйства.

Въ 19.... году Наслѣдникъ встрѣтилъ Акима Петровича и работая съ нимъ день за днемъ прошелъ весь курсъ финансоваго и экономическаго русскаго права и хозяйства.

Акимъ Петровичъ ненавидѣлъ многословія. Работы свои онъ высушивалъ до крайности, а когда говорилъ, то и слова произносилъ будто боясь выронить лишнее.

Трудны и скучны для Наслѣдника были эти бесѣды, но съ теченіемъ времени наставникъ такъ втянулъ его въ исторію вопроса и такъ захватилъ планомъ возможнаго будущаго хозяйства, въ сличеніи съ громадными прошлыми ошибками бюрократіи и самого населенія, что ученикъ сталъ во всемъ разбираться не хуже учителя...

Акимъ Петровичъ зналъ не одну теорію и науку, —

онъ зналъ жизнь, зналъ людей, зналъ деревню, мужика, торговлю, городъ, общество и рабочаго. Зналъ онъ и ходъ революціи съ 1900 г. и не плохо разбирался во всей путанной русской и международной политикѣ. Врожденный умъ, память и твердый духъ отличнаго семейнаго воспитанія, никогда ему не измѣняли. Въ губерніи его когда-то «уважали», но покопаться поглубже въ его познаніяхъ никто не удосужился...

Тихо жилъ онъ въ своей Свищевкѣ, съ любимой женой и дочерьми. Этихъ драгоцѣнныхъ людей большевики убили. Какъ? — не стоитъ говорить... какъ другихъ убивали...

Не прощалъ онъ всего происшедшаго — обществу и бюрократіи, этимъ Аяксамъ русской погибели. Осторожно, добывая изъ цыфръ, какъ изъ яицъ цыплятъ, выводы, — онъ пересказалъ Наслѣднику всю русскую жизнь за полъ вѣка; связалъ современность съ исторіей и развернулъ передъ нимъ такой образъ русской и западной жизни, что, какъ изъ жернова муку — можно было выгребать всѣ нужные матеріалы для будущаго.

Черезъ два года совмѣстной работы Наслѣдникъ спросилъ какъ-то своего учителя: «а вѣдь теперь, когда эти матерьялы собраны, можно думать и о томъ, какъ начать строить, хотя бы мысленно»?

— Стройте, ваше Высочество, не бойтесь, не ошибетесь! — отвѣчалъ, улыбаясь, совѣтникъ.

Онъ пламенно полюбилъ своего выученика, и гордился имъ, видя какъ осторожно, умно и горячо его ученикъ подходилъ къ плану хозяйства и управленія. Кодифицируя мысли лучшихъ своихъ и заграничныхъ политиковъ и экономистовъ, они оба все смѣлѣе и смѣлѣе создавали «свои» планы, и вѣрили въ нихъ.

Возбужденный разговоромъ, блестя взоромъ, Наслѣдникъ иногда вскакивалъ, и, положивъ красивую руку на плечо Акима Петровича, восклицалъ: — «много

мнѣ ясно, но еще не все, не оставляйте меня, голубчикъ, Акимъ Петрвичъ, я хочу добиться все знать, хочу — смѣть!..

И когда одинъ разъ онъ вскочилъ и крикнулъ — «могу и смѣю»! — Акимъ Петровичъ тоже взволнованный — всталъ, а ученикъ его, протянувъ руки, шагнулъ къ нему и со слезами на глазахъ, обнялъ его.

— Теперь я могу умереть спокойно, — сказалъ старикъ и услышалъ взволнованное, но властное: — «не смѣть, вы моя голова!» — «Нѣтъ, Государь, я хочу быть вашимъ maitre Chiko, охранять васъ». . .

— Ну отъ кого, договаривайте?..

— Отъ.. . глупыхъ совѣтниковъ, ваше Высочество...

... ...

Остальные спутники Наслѣдника были молодые. Курдюмовъ, сынъ богатаго Самарскаго крестьянина — агрономъ; раненный въ бояхъ Корнилова, онъ осѣлъ въ Болгаріи, работая на хуторѣ. Онъ былъ рѣзкій, волевой, зналъ землю и торговое дѣло.

— Мягче надо быть, сердце свое слѣдуетъ открыть. У васъ, сударь, мозгъ на мѣстѣ сердца... — выговаривалъ ему Акимъ Петровичъ.

— Сердце мое оставьте, оно бьется вѣрно, а голова нужна, въ нее то я не больно вѣрю, — подергивая рыжую бородку, хмуро отвѣчалъ Курдюмовъ.

Вторымъ былъ Петръ Ивановичъ Петренко; полтавецъ, сынъ ветеринара, юристъ по образованію. До 1905 года, состоя въ пятеркѣ Савинкова, былъ подъ надзоромъ полиціи. Наслушавшись въ партіи соціалистовъ — лжи, глупостей и мерзостей, онъ ушелъ изъ партіи, и въ 1906 году былъ подстрѣлянъ; ожилъ и потомъ былъ слѣдователемъ въ Полтавѣ. При большевикахъ оставался въ Россіи. Его огромную, худую фигуру видѣли и знали во время Волжскихъ возстаній. Смѣлый, но хитрый и осторожный — онъ выдѣлился

своей энергіей и черезъ Акима Петровича извѣстенъ былъ Наслѣднику. Какъ вожаку первой охраны «Волжскихъ земляковъ», и позже «дружинъ Тараса», эти организаціи ввѣрили ему довезти петиціи къ Наслѣднику въ Сибирь. ...«Вы никогда не предадите нашего дѣла?» — спросилъ его, послѣ долгихъ бесѣдъ съ нимъ въ Читѣ, Наслѣдникъ.

— Не предамъ, а кончу съ собой при первой ошибкѣ, — тихо сказалъ великанъ, смотря въ глаза вопрошавшаго...

... ...

Яковъ Валерьяновичъ, бывшій офицеръ первой пѣхотной гвардейской дивизіи. Раненъ былъ четыре раза въ бояхъ съ нѣмцами. Рода былъ онъ стараго, дворянскаго. Отецъ его, сановникъ, не жаловалъ сына за своенравіе и монархизмъ. Когда, въ 1917 году, одинъ изъ его батальоновъ бунтовалъ, онъ поднялъ за порядкъ сосѣднюю роту Сибирскихъ стрѣлковъ, и, перебивъ до двухъ сотъ своихъ, усмирилъ мятежъ. У большевиковъ онъ сидѣлъ три раза въ тюрьмѣ. Годъ работалъ у отчаяннаго Дутова, потомъ у Мамантова и въ отрядѣ Сибирскаго героя Каппеля. Всегда и всюду онъ былъ впереди. Когда Колчакъ былъ убитъ, онъ служилъ два года у японца-промышленника Косаки-ру, гдѣ онъ пользовался замѣчательной библіотекой по вопросамъ экономики и политики.

Друзья Наслѣдника, богатѣйшіе Гималайскіе купцы и два Токійскихъ профессора писали ему о дарованіяхъ Якова Валерьяновича и Наслѣдникъ вошелъ съ нимъ въ связь. Тѣ-же купцы дали ему въ 19.... году деньги на поѣздку въ Америку и Европу для изученія положенія вещей...

— Вамъ придется смѣнять Чичерина, задача нелегкая, уменъ былъ разбойникъ — говорилъ ему Акимъ Петровичъ.

— Если приведется служить Государю, во многомъ буду слѣдовать ему, не становясь разбойникомъ... а впрочемъ, кто нынче не разбойникъ? — посмѣиваясь, отвѣчалъ красивый, закаленный въ бояхъ, другъ Наслѣдника...

Четвертымъ былъ Погодинъ, Дмитрій Сергѣевичъ; сынъ ученаго и лѣсовладѣльца Вологодской губерніи. Начисто ограбленный, Погодинъ остался въ Россіи, голодая и кормя мать и изувѣченнаго большевиками брата. Кончилъ онъ математическій факультетъ и извѣстенъ былъ правителямъ - большевикамъ, желавшимъ его привлечь «спецомъ» по финансамъ. Въ 19.... году, онъ попался на глаза американцу коммерсанту, и, схоронивъ свою мать и брата, вырвался въ Америку. Работая на эллингѣ, онъ выдвинулся въ директора и позже попалъ въ одинъ изъ крупнѣйшихъ банковъ. Американская группа капиталистовъ, тайно боровшаяся противъ интернаціонала, привлекла его въ свои ряды, давая ему важныя и опасныя порученія въ Парижѣ и Лондонѣ. Погодинъ дѣлалъ карьеру, но, получивъ депешу отъ своего земляка и друга Ивана Сидоровича, по прозвищу Смѣха, вызывавшаго его къ Наслѣднику, онъ, бросивъ дѣло, явился въ Сибирь...

Вотъ эти то лица и были сплочены около Наслѣдника. Люди — не геніальные, но простые, умные и почти всѣ сверстники.

Наслѣдникъ зналъ ихъ не болѣе года, но, казалось, онъ имъ довѣрился. Довѣрился, насколько въ тѣ времена кому-нибудь вѣрить было можно...

II.

А собраны были всѣ эти люди, отсутствующимъ въ поѣздѣ Иваномъ Сидоровичемъ Смѣхомъ. То былъ простой человѣкъ, изъ семьи, не то уѣзднаго торговца, да еще кулака, не то мельника. Сибирскій онъ былъ чело-

вѣкъ, кондовый, чалданъ, какъ и отецъ его, твердый, дикій, но всегда бодрый. Кремень былъ человѣкъ. Сметка его была удивительная. Мальчишкой, въ 15 лѣтъ, отецъ гонялъ его по губерніямъ и тайгамъ, скупать товарный лѣсъ. По Тоболу, Енисею и Ангарѣ, Ванюшку зналъ и старъ и младъ. Попалъ онъ на войну, раненъ былъ: ухо было оторвано, животъ прострѣленъ. Когда армія разбѣжалась, онъ махнулъ на старину и тамъ узналъ, что его отца и брата разстрѣляли, имѣніе до чиста сожгли, лавку отобрали. Тогда то и взялся Иванъ новымъ хозяевамъ — шкодить. Имѣлъ онъ главныхъ двухъ пріятелей — калмыка, да русскаго и партію молодцовъ подъ рукой. Но натворили они бѣдъ хуже всякихъ войскъ; взрывали мосты, жгли склады, устраивали погромы, мутили всѣхъ, кого можно было мутить. Ни къ какимъ бѣлымъ они не примыкали.

— Самому дороже... одинъ то я все могу, какъ птица. Нехай попробуй, меня излови, а какъ подъ началъ попаду, муху и ту, безъ приказа не задавишь...

При этомъ красные его не знали. Видѣли, что торгуетъ человѣкъ по линіи всякой москателью и всегда молчитъ. Раза два только больно били его и въ чекѣ пытали! Его судятъ — а онъ смѣется...

— Ты чего молчишь, да все зубы скалишь, сукинъ сынъ? — спрашиваютъ.

— А чего мнѣ говорить, коли я не знаю, чего вы спрашиваете? — скажетъ и засмѣется.... И отпускали, и за дурака какого-то почитали... Везло ему, и везеніе спасло его...

Въ 19... году, задумалъ онъ собирать «умныхъ» людей. «Не всѣ же дураки» — говорилъ онъ себѣ, и наслухомъ узналъ до двадцати подходящихъ образованныхъ людей, и изъ нихъ то и облюбовалъ лучшихъ. Петренку онъ зналъ еще слѣдователемъ. Съ «бариномъ» работалъ, въ Оренбургской губерніи у Ду-

това. Объ «американцѣ» Погодинѣ развѣдалъ у друзей-японцевъ и американцевъ, изъ отрядовъ Нансена. Многихъ повидалъ, и собралъ онъ въ Верхъ-Исетскѣ, подъ «калибръ» рабочихъ. Тамъ они сговорились, намѣтили себѣ десятокъ друзей, и повели тяжелую компанію противъ большевистскихъ «головокъ». Не связываясь съ партіями, всѣ они, какъ ищейки, порознь, выискивали села, города, заводы и людей, среди которыхъ злоба росла и не знала удержу. Всюду, гдѣ выбирались смѣлые люди, готовые на новый кровавый, послѣдній ударъ — появлялся кто-нибудь изъ нихъ. Самъ Смѣхъ, какъ - то само собой, становился головой многихъ партизанскихъ группъ и пронырливый какъ ужъ, не унимаясь, велъ свою отчаянную компанію, и мѣтилъ, и записывалъ надежныя мѣста и стравливалъ и отправлялъ къ праотцамъ красныхъ.

... ...

За мѣсяцъ до описываемыхъ событій, на западной границѣ, началось первое серьезное броженіе въ арміи. Въ виду агрессивныхъ дѣйствій Польши и Румыніи, которыхъ то возбуждали, то охлаждали «великія» державы, на границы бывшей Волынской губерніи, а также Бессарабіи, — Москва уже въ третій разъ сдвинула большое количество войскъ. Неурядицы въ транспортѣ и продовольствіи вызвали бунты въ частяхъ. Въ январѣ былъ убитъ командующій и много офицеровъ штаба, а на сѣверѣ Волыни, часть корпусовъ отложилась отъ высшаго командованія, и, возглавляемая молодымъ генераломъ, близкимъ другомъ Александра Валерьяновича, объявила себя революціонной, отступая къ Бѣлоруссіи.

Переворотъ совершился въ три дня. Число перебитыхъ чиновъ насчитывалось сотнями. Вѣрныхъ Москвѣ частей почти не было. Огромную помощь оказывали Бѣлорусскіе партизаны-лѣсовики. Кровавое столк-

новеніе произошло въ отрядахъ Сѣверной арміи, гдѣ отчаянно сопротивлялись генералы ударныхъ большевистскихъ дивизій... Эти то остатки арміи, съ боемъ отступали въ направленіи Петербурга..

На протяженіи Смоленскаго и Минскаго фронта и глубже къ Волыни, разнесшаяся вѣсть о возстаніи привлекла партизановъ. Бунты ширились, но, благодаря скрещиванію въ передвиженіяхъ войскъ и распыленности отдѣльныхъ частей, наступилъ невообразимый хаосъ и сумятица...

Спасло положеніе, вѣрнѣе, собрало вновь армію въ массивъ — безразсудное и неожиданное нападеніе въ районѣ Радзивилово-Верба - Семидубы — польскихъ корпусовъ... Авангардный бой развивался успѣшно для нашихъ войскъ. Поляки въ безпорядкѣ отступили за границу, но слухъ о наступленіи зарвавшагося противника достигъ всѣхъ фронтовъ и въ три дня армія подтянулась подъ командованіемъ новыхъ возставшихъ генераловъ.

Командующій, бывшій большевикъ, таившійся долгіе годы въ рядахъ Красной арміи, открылъ свое лицо, проявивъ въ эти рѣшительные дни неустрашимую смѣлость, талантъ и способность безъ ошибки оріентироваться. Тяжело раненный въ одной изъ стычекъ, онъ успѣлъ послать въ Сибирь отвѣтъ правителю, что войска южной арміи готовы ему подчиниться.

Телеграммы и слухи съ Сибирскаго фронта о побѣдахъ правителя и его наступленіи къ Уралу съ каждымъ днемъ поднимали настроеніе южной и отступавшей отъ границы Смоленской арміи.

Узнавъ о событіяхъ на фронтѣ и объ арестѣ восьми надежнѣйшихъ комиссаровъ и генераловъ, посланныхъ на усмиреніе, — Москва растерялась и не смѣла принимать какихъ либо мѣръ, ожидая, что армія «сама» одумается.

Но сама армія не одумывалась и, попавъ въ твердыя руки новаго командованія, быстро мѣняла духъ, становясь на сторону Сибирской новой власти.

А тамъ, волной, перекатами и стремительно двигалась побѣдоносная сила порядка и права. Широко, крыльями раздвигалось это движеніе до Архангельска и къ низу, до низовьевъ Волги, подымая униженныя казачьи станицы и киргизовъ Семирѣчья, Акмолы, Тургая, Оренбурга и Астрахани.

Лавой и облавой шло преслѣдованіе всего, что было близко къ большевикамъ. Огромныя разстоянія уже не играли роли. Большая лавина людей стремилась къ Москвѣ по пути, радіусами въ тысячи верстъ, и сопротивленіе съ каждымъ днемъ слабѣло... Великій Востокъ шелъ на усмиреніе запада. . .

. . . .

Въ то же время въ Малороссіи начиналось пятое крестьянское возстаніе, подготовленное Петренко, и мѣстные бунты сливались съ погромами городовъ и разваломъ въ обѣихъ частяхъ арміи. Революція охватила шесть губерній. Начинались безпорядки и въ Москвѣ.

Въ январѣ, учтя размѣръ этихъ безпорядковъ, Иванъ Смѣхъ и его друзья открыли свое лицо. Четверо, въ разныхъ концахъ Россіи, а Смѣхъ въ Томской губерніи, выступили въ крестьянскихъ массахъ. Въ то же время по городамъ Сибири началась свалка между соціалистами всѣхъ толковъ, а Амурскія и Монгольскія пограничныя воинскія части, подготовлявшіяся къ возстанію издавна, стали продвигаться къ Иркутску подъ командой сибиряка «Вѣкового*)»...

Иванъ Смѣхъ рѣшилъ, не откладывая, бросить **имя.** Онъ, Яковъ Валерьяновичъ и Вѣковой знали о переѣздѣ Наслѣдника въ Сибирь, и Смѣхъ, не зная его лич-

---

*) Появится въ очеркѣ «1962 годъ».

но, а лишь по отзывамъ друзей, не спрося никого — объявилъ это имя.

Молвою, стихiйно, понеслось это имя изъ края въ край Сибири. Были и другiе имена, но то ли опоздали они быть объявлены, то ли слабы были голоса ихъ называвшiе, — но новое имя сразу полюбилось народу, взяло верхъ, и сначала произносилось шопотомъ, а потомъ загремѣло, и уже по всей восточной Россiи понесся второй вопросъ, сердитымъ нетерпѣливымъ крикомъ — «гдѣ онъ!».

На зовъ этотъ Наслѣдникъ отозвался изъ Сибири, но никто не умѣлъ разсказать толкомъ о его мѣстопребыванiи. Газеты отзывались глухо, объявивъ лишь о прiѣздѣ Наслѣдника, но дать описанiя происходящаго не могли...

Однако, людской говоръ шелъ, ширился и становился все требовательнѣе..

Наконецъ, въ мѣстностяхъ, откуда панически побѣжали большевистскiя власти, начиная отъ Томска, по линiямъ Челябинскъ, Самара, Оренбургъ и параллельнымъ — Саратовъ, Царицынъ и глубже, вплоть до Харькова, появились десятки, слѣдовавшихъ караванами аэроплановъ, которые разбрасывали тысячи печатныхъ листовъ — «наказовъ» правителя именемъ Наслѣдника... Спустя недѣлю, по линiямъ Сызрань—Казань и Грязи, появились бронированные сибирскiе поѣзда, развозившiе тотъ же наказъ по городамъ и станцiямъ. Многiе изъ этихъ поѣздовъ были подорваны и команды истреблены красными...

Въ «Наказѣ» отъ имени Наслѣдника — повелѣвалось избрать прямой и всеобщей подачей голосовъ, собранiемъ селъ и городовъ, въ день 5-го февраля, выборщиковъ на народный соборъ, отъ старыхъ губернiй, малой великой и бѣлой Россiи, а также Крыма, Кавказа, Сибири и степныхъ областей. Приказывалось, загото-

вивъ списки первой куріи, ждать назначенія дня губернскихъ выборовъ и дня открытія Собора. При этомъ наказъ объяснялъ, что, въ случаѣ какой либо помѣхи, собраніямъ селъ и городовъ, допускалась отсрочка не болѣе 15 дней....

Народъ сталъ подниматься...

Наказъ передавался изъ села въ село. Мѣстами началась безтолочь, но общій крикъ «выбирать», доходилъ до самыхъ глухихъ мѣстъ... Все насторожилось и люди ждали новыхъ событій и дня выборовъ...

Наказъ этотъ и назначеніе дня выборовъ застали большевиковъ врасплохъ. Ихъ власти могли жестокими мѣрами остановить собранія въ десяти или ста мѣстахъ, но не могли задержать выборовъ въ тысячахъ остальныхъ...

Слухи обратились въ реальное дѣйствіе и народъ поголовно принялъ въ немъ участіе. На разстрѣлы и тюрьмы населеніе отвѣчало бѣшенными бунтами и мщеніемъ и послѣдніе комиссары Поволжья обратились въ бѣгство. Начиналась анархія, перекинувшись во всѣ гарнизонныя и фронтовыя части большевиковъ. Однако все это не мѣшало выборамъ въ Соборъ... Выборы проходили въ однихъ мѣстахъ истово и спокойно, а въ иныхъ кроваво, горячо и шумно. Списки выборныхъ прятались и сельчане, а въ городахъ вооруженные люди, защищали избранниковъ. По тому же наказу въ селахъ и уѣздахъ были избраны, для охраны порядка, новые, но опять же Совѣты...

Населеніе горячо отозвалось и на этотъ приказъ, и въ Совѣты, и по старому — въ старосты и старшины выбирались лучшіе люди... Въ то же время въ Москвѣ начиналась паника. Вся «головка» и большевиковъ и интернаціонала — таяла, уѣзжая въ Петербургъ и на Югъ, въ Одессу.

У Москвы не хватало силъ посылать новые кара-

тельные отряды; въ гарнизонахъ начинались возстанія, и дезертирство начиналось массовое...

... ...

Въ январѣ же, быстрыми переходами къ Иркутску, стягивались и объединялись военныя группы Правителя, дально-восточная, Омская и къ ней подходилъ корпусъ южно-степной, съ генераломъ С., шедшимъ изъ Харбина, куда въ свое время посланы были люди Смѣха...

Во главѣ отрядовъ, какъ-то самъ собой выдвинулся, заранѣе намѣченный Наслѣднику Смѣхомъ, пожилой, суровый, бывшій кадровый офицеръ. Когда-то предсѣдатель Земской Управы, этотъ твердый старикъ, отдавъ революціи двухъ сыновей, долго болтался по Россіи и Монголіи, служилъ у большевиковъ и въ арміи и комиссаромъ. Съ 1918 года онъ не терялъ связи со Смѣхомъ и былъ его совѣтникомъ. Послѣднее время онъ былъ на виду въ арміи красныхъ, командуя Сибирской частью, а до этого, маяча отъ Харбина до Перьми и Вятки, онъ положилъ основаніе крестьянскму союзу имени «Ермака», смыкая группы этого союза на востокѣ съ казачьими и войсковыми частями.

Сибирское населеніе знало и привыкло къ всегда невозмутимо спокойному и величавому Василію Васильевичу.

— Большевикъ онъ, или еще какой, и не разберешь? — поскребывая спину, говаривали объ немъ крестьяне и солдаты...

— Кой чортъ онъ большевикъ! Развѣ большевики такіе съ лица бываютъ. Богъ шельму мѣтитъ, большевика съ рыла сразу угадать можно: — дурной, глазами зиркаетъ, а этотъ старикъ смотритъ на тебя прямо, говоритъ мало, думаетъ весело, осанка въ немъ барская, а засмѣется, такъ душѣ весело станетъ — оцѣнивали его сторонники по крестьянскому союзу.

Крестьянскій союзъ преслѣдовали издавна жестоко, но угадать его духа и раскрыть такъ и не удалось:

— Большевики мы, сроду такіе, а коммунисты — это слово мы плохо понимаемъ — говаривали «союзники»... Такъ и крутились, и страховались кое-какъ отъ Москвы, поговаривая: «ни то мы, ни другое, а промежду всего хотимъ быть сами по себѣ».

Василій Васильевичъ сумѣлъ связать до сотни ячеекъ по Сибири и у казаковъ, а когда Смѣхъ прислалъ къ нему умнаго и смѣлаго Петренко, то старикъ, подговоривъ многихъ офицеровъ краснаго корпуса, которымъ командовалъ раньше въ Томскѣ, переловилъ ночью сомнительныхъ, арестовалъ и поразстрѣлялъ красныхъ главарей, сорвалъ телеграфные провода и радіостанціи и объявилъ себя начальникомъ области...

Связавшись черезъ своихъ людей съ Дальнимъ Востокомъ и Омскомъ, онъ образовалъ первый и сразу огромный Сибирскій комъ, отдавъ бывшимъ Семеновцамъ и друзьямъ распоряженіе «очиститься» отъ красныхъ въ тылу. . .

Эта «очистка», длившаяся недѣлю, привела бы въ ужасъ всякаго «цивилизованнаго» человѣка. Но Василія Васильевича ни испугать, ни удивить было нечѣмъ.

— Я коса и прокошу дорогу русскимъ людямъ до Москвы, а тамъ дѣло не мое.

Онъ вызвалъ Смѣха и, договорившись съ нимъ и Петренко, объявилъ:

— Ну, не теряя часа, связывайте меня съ его Высочествомъ. Я буду готовъ. Три корпуса у меня въ рукѣ. Мое дѣло рубить вершняга и сдвинуть комъ впередъ, а ваше — не трусить. . .

Эти трое взялись очищать дорогу Наслѣднику. Смѣхъ доставилъ и передалъ Письмо Наслѣдника. Василій Васильевичъ письма этого никому не показалъ и

безъ чьего - либо совѣта напечаталъ сказанный «наказъ», обнародовавъ его съ паперти Церкви въ Иркутскѣ и послалъ броневые поѣзда и аэропланы разнести его по странѣ...

— Я этихъ людей отдаю въ жертву. Наказъ обязаны раздать. Погибнутъ? .. Божія воля. . . Люди тамъ — орлы, — говорилъ онъ.

Послѣднимъ его актомъ въ Иркутскѣ было оглашеніе среди команднаго состава письма Наслѣдника, назначавшаго его, до созыва въ Москвѣ Земскаго Собора... Правителемъ.

— Не я, такъ другой. Спорить нечего. Я беру на себя это званье. Моя цѣль — честная. Богъ не оставитъ ни Наслѣдника, ни меня, ни васъ. Впередъ! — кончилъ Василій Васильевичъ свое слово къ окружающимъ офицерамъ и людямъ всякихъ классовъ, собравшихся у него, въ домѣ бывшаго акцизнаго управленія...

— Каждый изъ васъ знаетъ, что онъ долженъ дѣлать. Учить васъ некогда.. Не болтайтесь безъ дѣла. Послѣ многолѣтней лжи и грабежа, заведите честность. Послѣ трусости — храбрость и рѣшительность. Я буду безгранично требователенъ, но всегда съ вами и думаю о васъ всѣхъ. . .

Блестящій взоръ, гордая осанка, звонкій голосъ, — все было ладно въ этомъ старикѣ, и его сразу и всѣ безропотно приняли. . .

А, когда, 20-го января, подъ его разумнымъ командованіемъ два головныхъ сибирскихъ корпуса приняли на линіи Томскъ-Челябинскъ бой съ сильнѣйшей, наскоро сформированной Волго-Камской частью красной арміи и эти корпуса выявили чудеса храбрости, слава о Василіи Васильевичѣ разошлась, какъ и о Наслѣдникѣ, вихревымъ порядкомъ. Вскорѣ и за Ураломъ, и въ Поволжьѣ о Василіи Васильевичѣ знали всѣ.

Славой покрылась и первая армія. На плечахъ вы-

носила она полки красныхъ. Не зная пощады и не щадя себя, безъ отдыха и сна, дивизіи продвигались къ Уралу...

Двинутыя красныя части были одни разбиты на голову, другія, зная за собою бунтующій тылъ, таяли въ дезертирствѣ. Услышавъ объ успѣхахъ правителя, вторая линія — войскъ Москвы, дошедшая до Сызранскаго узла, — передалась подъ его власть, пославъ впередъ команды, объявить о своей покорности.

Сибирь ожила... Въ населеніи пробудился неслыханный духъ бодрости и участія къ дѣлу правителя. Ясный солнечный январь и снѣжный настъ помогалъ походу. Народъ зашевелился по деревнямъ. Годъ былъ урожайный и крестьяне, сознавая трудности правителя по продовольствію арміи, вывозили на линію продукты, одежду, валеный товаръ, пироги и водку.

Всѣ партизанскіе отряды вливались въ армію правителя. Въ составъ объявленнаго ополченія входили и молодые, и бывшіе солдаты. Правитель основывался на воинскихъ уставахъ большевиковъ и объявлялъ частичную мобилизацію по готовой регистраціи. Спокойный, властный, ни минуты не колеблющійся, онъ умѣлъ все предусмотрѣть и назначалъ впередъ лучшихъ людей, и своихъ и бывшихъ въ красной арміи...

Кто-то робко сказалъ: «надо бы... тылъ, и хоть какое нибудь правительство»... Правитель, усмѣхаясь, отвѣтилъ: «что, стараго захотѣли? Вооруженный народъ не нуждается въ тылѣ и походныхъ чиновникахъ. Я — правительство и я — солдатъ и моя обязанность взять Москву и передать ее Царю и выборнымъ народа. Нынче, видно, Сибири приходится завоевывать Москву».

Къ концу января установлена была связь съ пограничной арміей, которая, разбившись на части, бунтовала и разбѣгалась. Съ полученіемъ наказа Правителя, безпорядки стали утихать, и командующій, бывшій красный

генералъ К. объявилъ командованіе и армію подчинеными Правителю.

Еще удачнѣе шли возстанія въ Нижнемъ Новгородѣ и въ районѣ до Вологды. Туда успѣлъ пробраться Александръ Валерьяновичъ. Съ наказомъ Правителя, именемъ его, онъ всталъ во главѣ гарнизоновъ и образовалъ ополченіе. Населеніе его приняло на «ура», и видя передъ собой дерзкаго, незнающаго страха, умнаго и блестящаго начальника, старая вѣрная область подчинилась, какъ одинъ и формировала свою армію...

Крѣпче всѣхъ держался Московскій округъ, и вѣрные большевикамъ, нѣкоторые «украинскіе» корпуса. Но среди нихъ у большевиковъ не было вождей. Шумѣвшіе первое время въ рядахъ арміи евреи и коммунисты были оборотнями и падали духомъ.

Кровавый пылъ главарей карательныхъ отрядовъ остывалъ... Разносился слухъ, что красные правители уѣзжаютъ въ Петербургъ и заграницу, и этого было довольно, чтобы всѣ смычки соціалистическаго патріотизма полѣзли по швамъ. Громадное соціалистическое чудовище — уродство вершинъ цивилизаціи качалось, и всѣ его гнилыя подставки ломались. Наглость, — главное орудіе евреевъ и соціалистовъ, больше не дѣйствовала. Кровавые инстинкты еще всей силой работали, но на кровь и жестокость, населеніе, хотя еще и не вооруженное, отвѣчало кровью и свирѣпостью. Считать мертвыхъ и ужасаться было некогда...

Передъ тѣмъ, чтобы хлопнуть дверью, главные вожаки соціализма начали жечь города. Пылала Казань. Массовые пожары начались въ Крыму и въ Смоленскѣ. На тло выжжена была часть Тамбова. Пять разъ поджигался Черниговъ... Но паники не было. Населеніе терпѣло и ожидало. У всѣхъ на языкѣ былъ Земскій Соборъ, Наслѣдникъ и правитель...

Всѣ сибирскіе, степные и волжскіе поѣзда были пе-

регружены войсками правителя. Его головные отряды продвигались уже къ Харькову, Курску и съ сѣвера,—къ Нижнему.

Большинство красныхъ комиссаровъ переѣхало въ Петербургъ, и оттуда потокомъ текли декреты, листки, разнося по Россіи новые посулы. Но всѣ эти писанія больше не читались. Ихъ рвали въ клочья, жгли пачками и по губерніямъ комиссаровъ вѣшали и топили въ прорубяхъ...

Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло вершится. Сказка растягивалась и превращалась въ анархію.

Одинъ изъ старыхъ генераловъ позволилъ себѣ дать совѣтъ правителю:

— Системку бы надо, ваше превосходительство, скоординировать бы недурно движеніе... Вѣдь въ исторіяхъ революцій...

— Эка вы тоже скажете, — перебилъ генерала, навѣстившій правителя, Смѣхъ, — да развѣ возможно обозрѣть Россію и что въ какомъ углу дѣлается? Нѣтъ, все идетъ веретеномъ — системки оставьте ученымъ; играть словечками некогда, — система въ головѣ Василія Васильевича!»...

И правда, по широкому лбу, въ скулахъ, обросшихъ щетинистой сѣдой бородой, въ искрахъ взора правителя — виднѣлась мысль и воля; изъ нихъ слагалась его система тайныхъ дѣйствій. И въ тотъ часъ старикъ былъ доволенъ. Онъ получилъ донесеніе о удавшихся рейдахъ четырехъ эскадръ аэроплановъ, дѣлавшихъ трехдневный налетъ на химическіе заводы Петрограда. Въ дѣлѣ было сорокъ аэроплановъ, въ томъ числѣ двадцать добровольческихъ японскихъ, которыхъ однихъ правитель допустилъ въ армію...

Ночное нападеніе на заводы, съ направленія Гельсингфорсъ-Архангельскъ, было такъ неожиданно и безумно храбро, что почти всѣ заводы, всѣ заготовки

отравляющихъ газовъ, завѣсъ и другихъ приспособленій, гибли подъ развалинами строеній... Масса летчиковъ была убита, частью взята въ плѣнъ красными...

А внутри страны, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, началась группировка соціалистовъ. Во Владимірѣ и Ярославлѣ они захватили власть и кое-гдѣ начались уличныя схватки. Правитель зналъ, что все дѣло въ быстротѣ хода событій, и оставаясь въ Харьковѣ, онъ издалъ второй наказъ...

III.

Наказомъ утверждались начальники войскъ, произведшихъ въ арміи переворотъ. Часть ихъ вызывалась въ Смоленскъ на совѣщаніе.

Опредѣлялся порядокъ губернскихъ выборовъ въ Соборъ и объявлялся съѣздъ выборныхъ въ Москву къ 28-му апрѣля.

Никакого паѳоса и никакихъ призывовъ наказъ не содержалъ; тонъ его былъ рѣзкій, дѣловой. Любители пышныхъ фразъ и паѳоса были разочарованы. Зато народъ, на 5-й день появленія указа, поднялся на дыбы, и въ деревняхъ все заходило ходуномъ. Всѣ повалили въ помѣщенія новыхъ совѣтовъ, перечитывали списки выборныхъ первой куріи, торопили ихъ въ губернію, составляли охранительные отряды. О Наслѣдникѣ говорили осторожно и главный интересъ былъ къ Собору. Въ народѣ забродили были и темные слухи: будто двухсотътысячная армія красныхъ, отступившая было къ Твери, опять идетъ на Москву; будто убиты правитель и Наслѣдникъ, и многіе увѣряли, что Германія опять вступилась за большевиковъ. Но въ этотъ разъ всѣ слухи не только не убивали духъ народа, но наоборотъ, поднимали его къ желанію Собора. Злобное преслѣдованіе большевиковъ усилилось...

Телеграфъ, окончательно взятый въ руки правителемъ, извѣстилъ о назначенiи командующимъ армiями полковника К., извѣстнаго въ прежней армiи и отличившагося у большевиковъ въ Польскiй походъ 1920 года.

К., продолжая образовывать три массива армiй, выдѣлилъ сто тысячъ сабель въ карательныя части, которыя съ составами полевыхъ судовъ спѣшно направлялись въ мѣстности не повинующiяся правителю. Вторая армiя, въ которую влились отряды прибывшихъ изъ за границы бѣженцевъ, подступала отъ Смоленска къ Москвѣ, около которой держались разрозненные большевики...

Серьезнаго боя, какъ ждали, не произошло. Красная армiя продолжала разлагаться. Ихъ командующiй, когда-то правая рука Буденнаго — казакъ С., вынужденъ былъ разстрѣлять около двухъ тысячъ ненадежныхъ солдатъ русскихъ и евреевъ. Съ этого дня въ красной армiи началось избiенiе коммунистовъ. Партизанскiе отряды крестьянъ Тверской и Новгородской губернiй заходили въ тылъ. Конные и пѣшiе мужики, съ дрекольями и топорами, ловили бѣгущихъ...

Лишь головная часть красной армiи отступала въ порядкѣ къ Петербургу...

... ...

Убѣдившись, что власть и армiя большевиковъ теряетъ силы, Василiй Васильевичъ разослалъ на аэропланахъ и телеграфическiй третiй наказъ. Гласилъ онъ слѣдующее: «Въ древней Руси, при Царѣ Иванѣ IV, въ Астраханскихъ и Уральскихъ степяхъ, въ двухъ воеводствахъ, во время чумы, властью завладѣли разбойники, согнувъ подъ свою пяту крестьянъ и горожанъ. Разославъ гонцовъ Царь повелѣлъ народу по селамъ и городамъ избрать свои суды, и всѣхъ тѣхъ причастныхъ къ разбойному дѣлу, велѣно было судамъ тѣмъ привести на отвѣтъ и расправу. Безъ войскъ, самими жителями,

надъ обидчиками былъ совершенъ народный судъ, и въ степяхъ наступило спокойное житье.

Долгіе годы надъ жителями Россіи издѣвалась разбойничья наемная и продажная власть; выгнанная нынѣ народомъ и войсками, она смѣетъ еще поднимать голову, при приближеніи часа народного Собора. Собору — невмѣстно удѣлять время на расправу съ оставшимися въ странѣ душегубами, которые, вымотавъ народную душу, и по нынѣ, по наглости своей, не смиряются и не бѣгутъ изъ предѣловъ опозоренной и измученной ими родины. Коли такъ — пусть самъ народъ очиститъ себя отъ плевелъ. Самъ народъ долженъ выказать свой разумъ, совѣсть и рѣшимость, — распорядиться своимъ судомъ надъ обидчиками.

Я, правитель Наслѣдника престола, беру на себя право и даю народу дозволеніе: отъ 1-го марта по 8-е марта с. г. приказываю я по селамъ и городамъ избрать свои суды и тѣмъ судамъ даю я право привлечь и подвергнуть строгому отвѣту — всѣхъ обидчиковъ, кои въ селѣ, деревнѣ, городѣ чѣмъ - либо обижали и притѣсняли людей, используя въ злобу и насиліе бывшую коммунистическую власть. Для правильнаго и скораго окончанія народнаго суда — отъ сего дня и по 8-е марта — послѣдняго дня суда — приказываю прекратить изъ селъ и городовъ всякое передвиженіе, и непослушныхъ сему приказу — предписываю ловить и тоже судить. Ввѣряя великое дѣло освобожденія народа отъ насильниковъ — рѣшенію народной совѣсти — я вѣрю, что судопроизводство и исполненіе приговоровъ будетъ произведено съ полнымъ безпристрастіемъ, по всей совѣсти и справедливости»...

Далѣе слѣдовало краткое объясненіе о такомъ же порядкѣ судовъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ и о порядкѣ выборовъ временныхъ судей.

Наказъ этотъ разошелся по рукамъ быстрѣе дру-

гихъ. Онъ былъ ясенъ и населенiе приступило къ его выполненiю. Можно было ждать рѣзни, но ничего этого не произошло. Народъ отнесся къ дѣлу серьезно. На тысячахъ сходахъ избраны были суды и отдавая себѣ отчетъ въ важности акта, началось народное судбище надъ всякаго рода виновными.

Въ однихъ селахъ обидчиковъ вязали и запирали въ амбары. Въ нѣкоторыхъ, въ одинъ день, осудили и казнили на мѣстѣ; въ третьихъ — сѣкли; въ четвертыхъ — клеймили лобъ звѣздой.

Коли- бы можно было все слышать, донесся бы людской говоръ и гулъ, стоящiй надъ Россiей. Началась чистка — отъ людей упырей — творившихъ, одни сознательно, другiе по глупости, всякiя насилiя...

Особенно ревностно отнеслись къ суду въ Малороссiи, но тамъ кое-гдѣ начались еврейскiе погромы, и Василiй Васильевичъ для прекращенiя побоища долженъ былъ выслать сильныя воинскiя части.

Картина происходящаго была ясна правителю. Первые дни можно было ждать стихiйнаго насилiя, но населенiе скоро успокоилось, понявъ значенiе слова «народный судъ», и таковой протекалъ въ порядкѣ. Массы арестованныхъ ждали послѣдующаго приказа...

Больше всего казнено было въ первые дни, и какъ неожиданно оказалось — въ городахъ. Самыя жестокiя расправы были въ Верхнемъ Поволжьѣ. Страшенъ былъ тамъ послѣднiй день суда — 7-е марта. Народъ будто испугался, что обидчики останутся цѣлы и во многихъ мѣстахъ обвиненные избивались толпою...

... ...

Къ 15-му марта правитель вылетѣлъ на аэропланѣ въ Томскъ. Представляясь, онъ долженъ былъ доложить и о народномъ судѣ, который былъ скрытъ отъ Наслѣдника...

Слушая докладъ, Наслѣдникъ сидѣлъ, закрывъ ли-

цо рукою, и долго не подымалъ головы. И когда онъ ее поднялъ, Василій Васильевичъ понялъ, по глазамъ и подергиванію лица, какую муку пережилъ этотъ незнакомый ему человѣкъ.

— Чудовищно то, что вы сдѣлали — произнесъ Наслѣдникъ.

— Ихъ чудовищное длилось годы... мое — семь дней, ваше Высочество. —

— А что будетъ дальше? —

— Коронные, гласные суды будутъ введены черезъ два мѣсяца — Государь. За невозможностью открытія дѣйствій судебныхъ палатъ, временно, инстанціей будетъ сенатъ.

— Какого состава?

— Розыскано шестнадцать сенаторовъ. Другъ извѣстнаго вамъ Манухина Д. — работаетъ, собирая штаты, ждемъ и прибытія бѣженцевъ.

— А ваши народные суды?

— Дадутъ отчетъ въ совершенномъ — губернскимъ совѣтамъ. Рѣшеніе совѣтовъ будетъ окончательное.

— Даже несправедливыя рѣшенія останутся безъ обжалованія?

— Безповоротно. Я не могу иного допустить. Судилъ народъ... судьей его акта явитесь только вы, ваше Высочество, если...

— А если я амнистирую лишенныхъ свободы... уже теперь?

— Вы пойдете противъ воли народа, Государь. Она выявлена. Не дѣлайте этого...

— Да, вы правы... подумавъ, отвѣтилъ Наслѣдникъ. — Но помните: послѣ рѣшенія совѣтовъ, я прикажу сослать всѣхъ заключенныхъ въ одно мѣсто на Уралъ. Всѣхъ оставшихся и невысланныхъ я прощу въ Москвѣ...

— Вы правы, Государь, не бояться оставшихся. Ихъ

будетъ мало, остальные каются. Другіе бѣгутъ. Вотъ депеши изъ Москвы, Воронежа, Рязани, Полтавы, — бѣгство паническое... но не всѣ спасаются. Многихъ ловятъ по дорогѣ... Само населеніе перехватываетъ бѣглецовъ, стремящихся скрыться черезъ Черное море...

Наслѣдникъ не могъ дальше продолжать разговора и жестомъ предложилъ правителю удалиться...

IV.

Несравненную энергію проявляли командующій арміями К. и состоявшій при немъ Александръ Валерьяновичъ. Въ одинъ мѣсяцъ составъ арміи увеличился почти вдвое. Бѣжавшіе изъ рядовъ солдаты-большевики, попадали подъ народный судъ. Часть ихъ вела партіями партизанскіе, воровскіе бои и набѣги. Послѣдняя красная армія отступала къ Петербургу. Сборныя, сдававшіяся части формировались К. въ новые корпуса и направлялись на Польскую и Румынскую границу. По слухамъ, флотъ выкинулъ Андреевскій флагъ, крейсируя около Кронштадта, который колебался, боясь еще засѣвшихъ тамъ коммунистовъ.

К. перемѣшалъ составъ частей до неузнаваемости. Порѣдѣвшіе офицерскіе кадры реформировались унтеръ-офицерами. Форма измѣнена не была; сняты были лишь всѣ красныя и шутовскія отличія.

Во многихъ частяхъ штабамъ удалось поднять боевое возбужденіе въ арміи, внушивъ ей цѣль — спасеніе родины...

Не допуская митинговъ, командующій приказывалъ офицерамъ читать свои короткіе приказы: и приказы были удачны, сильны, внушая, что страна будетъ еще долго въ опасности и что солдатъ отвѣчаетъ какъ за цѣлость границъ, такъ и за народный порядокъ. Под-

нятъ былъ вопросъ и о гвардіи. Правитель сообщилъ командующему взглядъ Наслѣдника: «исторія Старой Гвардіи кончилась въ подвигахъ войны 1914 года. Задачи арміи иныя, чѣмъ прежде. Охрана порядка и цѣлости страны возлагается на всю армію. Этотъ долгъ ложится на каждаго солдата; отсюда не должно быть никакихъ излюбленныхъ и «царскихъ» частей. Вся армія — гвардія, по смыслу этого слова — охраны; и охрана земли, власти, строя и народа ложится на всю армію. Всѣ же наименованія полковъ — возстанавливаются». Правитель добавилъ, что Государь Наслѣдникъ, довѣряясь командованію — не потерпитъ двоедушія, нерѣшительности и лѣни начальниковъ и полагая, позже, кромѣ обязательнаго, ввести начало доброхотнаго служенія, потребуетъ безпрекословной дисциплины, слабость каковой способствовала гибели страны...

Объявленіе, что гвардія формироваться не будетъ, вызвало среди бывшихъ офицеровъ гвардіи ропотъ.

На одномъ изъ смотровъ подъ Смоленскомъ, К. собралъ около себя офицерство, и, объявивъ волю Наслѣдника, громко скомандовалъ: «кто осуждаетъ это рѣшеніе, господа офицеры Россійской Арміи, шагъ впередъ.

Линія офицеровъ бывшей гвардіи дрогнула. Изъ сотенъ присутствовавшихъ посунулись было трое, но быстро вдвинулись въ ряды.

— Иначе и не могло быть, господа офицеры. Я теперь знаю, что ни одинъ офицеръ никогда не произнесетъ слова осужденія противъ Власти, которую мы будемъ призваны охранять цѣной нашей жизни. Измѣна прошлаго смѣнилась вѣрностью, не имѣющей предѣла! — закончилъ свое обращеніе, горячо любимый арміей, К.

... ...

Во всѣхъ дѣйствіяхъ и начинаніяхъ правителя ска-

зывалась уловленная имъ черта характера Наслѣдника: нелюбовь къ praeses magnificus, театральности, къ пышности, къ паѳосу словъ и ко всякой картинности. Если онъ и не любилъ ничего сѣраго и скучнаго, то и не впадалъ въ крайности, и особенно не терпѣлъ выставлять впередъ свою будущую царственную роль; онъ считалъ, что въ прошломъ было слишкомъ много ошибокъ, преступленій и крови, чтобы, готовясь къ часу освобожденія, поднимать народное чувство, какъ къ празднику.

Вотъ почему и самыя событія, идущія по волѣ и внѣ воли правителя и самого Наслѣдника — носили печать серьезнаго дѣйствія, въ которомъ ни картинности, ни порывамъ, равно какъ и мести за прошлое — мѣста не было...

На югѣ событія проходили сравнительно тихо. Новыя попытки — бывшихъ Петлюровцевъ, успѣха не имѣли. Населеніе занято было выборами въ Соборъ, судами и борьбой съ отчаянными отрядами, оставшихся около границы большевиковъ. Кавалерія освобождала деревни отъ ихъ налетовъ и въ народѣ говорили о правителѣ съ довѣріемъ... Но главнымъ вліяніемъ на успокоеніе народа, и противъ самостійнаго движенія, были дѣйствія Петренко, присланнаго въ Кіевъ наладить дѣло выборовъ и совѣтовъ.

Опираясь на свой крестьянскій союзъ и сдѣлавъ одно громадное собраніе, сказавъ рѣчь, Петренко прочелъ возваніе правителя. Въ немъ говорилось, что Малороссія — родина Россіи, ставшая потомъ ея же сильнѣйшей окраиной и что Россія безъ нея, какъ и Малороссія безъ Россіи существовать не могутъ. «Народъ Украины долженъ помнить, что отдѣленный отъ Россіи, — онъ потерялъ бы право на русскія въ Сибири и степяхъ земли, въ которой все будущее малороссовъ.

Пусть скажутъ вамъ поляки и бѣлоруссы — каково имъ лишиться права на Сибирскія земли»...

Послѣдняя фраза ошеломила не думавшихъ объ этомъ раньше крестьянъ, лучшихъ съ поконъ вѣковъ переселенцевъ, — и мысль эта подхвачена была всѣмъ населеніемъ. Самостійники притихли, а появившіеся изъ Праги, Берлина и Парижа свои и иностранные агенты пропаганды независимой Украины теряли почву и съ опаской прислушивались къ угрозамъ крестьянъ, желавшихъ единой Россіи.

Откровеннѣе всѣхъ встали за Царя, за Соборъ и за старые порядки казачьи области. Станицы вооружались и шумно праздновали приближеніе дня Собора. Большевики были жестоко перебиты. Захватчики казачьихъ земель выгнаны. Донская республиканская партія была слаба, и во главѣ казачьяго движенія на югѣ стояли — кубанцы, а на востокѣ — всѣ сибирскія и степныя казачьи области.

Безъ всякихъ осложненій за Наслѣдника поднимался Крымъ, и отовсюду доходили слухи о ликованіи всѣхъ мусульманскихъ народностей, какъ Черноморскихъ, такъ и Каспійскихъ и восточно-степныхъ. Бунтъ въ Крыму длился три дня, во время выселенія евреевъ-переселенцевъ.

Тревожнѣе всего было на Кавказѣ. Тамъ работали англійскія, нѣмецкія и турецкія деньги. Поднялись племенныя усобицы. Жестокой была расправа съ большевиками, но кое-гдѣ, за отдѣленіе отъ Россіи, стояли организованныя банды соціалистовъ подъ личиной націоналистовъ...

— Москва ждетъ своего младшаго брата на великій Земскій Соборъ, — гласило короткое, рѣшительное воззваніе правителя Кавказу...

Важно и серьезно проходилъ процессъ перехода отъ анархіи къ законности — въ Сибири и степяхъ. Отъ

Читы до Тобольска, Урала и Байкала все и сразу встало за Царя. Глыбой набиралось народное желаніе, выражаясь реальными дѣйствіями. Залегла въ головахъ сибиряковъ нерушимость Царской власти и единой Россіи. Дѣловая и кондовая Сибирь стала давать въ армію и ополченіе молодыхъ людей. Ихъ былъ избытокъ, и двинувъ половину корпусовъ въ Россію, правитель задержалъ остальные въ Томскѣ и въ Забайкальѣ. Какъ вѣтромъ сдунуло большевиковъ изъ Сибири... и ненавистно было въ Сибирскихъ деревняхъ и тайгахъ слово «соціализмъ». Долго потомъ на деревьяхъ тайгъ болтались скелеты подвѣшенныхъ подъ злую руку красныхъ...

Къ концу марта у главнокомандующаго подъ ружьемъ стояла на границахъ и внутри Россіи — кромѣ Сибирской — полумилліонная армія...

Безшумно, напрягая всѣ усилія штабовъ, К. формировалъ вторую армію, направляя ея части къ Польской и Бессарабской границѣ...

Правитель былъ освѣдомленъ, что Польша, Румынія и даже Югославія — находятся въ какихъ-то переговорахъ съ новой коалиціей Англіи и Германіи. Тревожны были слухи и съ Босфора.

Эта коалиція хотѣла отъ чего-то страховаться. Отъ чего? — правитель еще не зналъ, но счелъ полезнымъ и самъ страховать Россію со стороны запада. Безъ дипломатіи онъ былъ спокоенъ и надѣялся не на переговоры — а на силу...

Наступали дни развязки, и заботясь о границахъ запада, — правитель торопилъ К. покончить съ остатками арміи большевиковъ. Они медленно, но отступали отъ Твери, въ линіи Бологое-Петербургъ...

Въ подкрѣпленіе первой сибирской арміи, К. направилъ туда же два корпуса, въ томъ числѣ — добровольческую бѣженскую дивизію...

V.

Если въ арміи организація протекала стройно, то въ устройствѣ внутренняго порядка — трудности были почти непреодолимыми. Въ то время, какъ среди военныхъ были испытанные бойцы партизаны, Сибиряки и чины старыхъ и бѣлыхъ армій, для управленія не хватало ни старыхъ, ни молодыхъ людей. Всѣ старые аппараты были разбиты. Негдѣ и не съ кѣмъ было работать. О учрежденіи министерствъ нечего было и думать...

Правителю нужно было найти хоть сто дѣльныхъ людей; но найти ихъ было трудно. Правитель назначилъ было съ первыхъ дней начальникомъ сообщеній — стараго, опытнаго, покаявшагося инженера, но уже черезъ недѣлю открылись новыя злоупотребленія. Всѣ до того изворовались и изолгались, что требованіе какой-то честной службы — казалось всѣмъ дикимъ...

Полевой судъ и разстрѣлъ — былъ отвѣтомъ правителя на открытое имъ хищеніе...

Наконецъ, во главѣ ж.-д. сообщеній, кромѣ Сибирскихъ путей, — имъ поставленъ былъ американецъ Уайтъ — говорившій по-русски. Этотъ американецъ, начавъ службу въ Канадѣ со стрѣлочника, занималъ у одного изъ ж.-д. королей высокій постъ.

Въ голодный 1921-й годъ, участвуя въ экспедиціи Нансена, онъ изучалъ состояніе Россіи. Брата его посадили въ тюрьму и убили, и самъ онъ едва унесъ ноги за свои обличенія. Съ тѣхъ поръ онъ остервенѣлъ и сталъ фанатикомъ противъ красныхъ...

Правитель зналъ его по Владивостоку и вызвалъ въ Самару, предложивъ ему постъ начальника сообщеній. Уайтъ прыгалъ отъ радости, узнавъ о назначеніи, но на другой день явился грустный.

— Что вы? — сердито спросилъ правитель.

— Не могу служить — былъ отвѣтъ.

— Это что за вздоръ, приказъ отданъ.

— Я не могу. Моя мать еврейка! Это чортъ знаетъ что за неудача! Я только что вспомнилъ...

— Да будь она хоть крокодилъ, ваша мать, мнѣ то что! — заоралъ на него всегда сдержанный правитель.

Уайтъ кинулся его обнимать и клялся все привести въ порядокъ...

И началъ!

Выписалъ четырехъ друзей, набралъ лучшихъ русскихъ, переставилъ весь личный составъ и удвоилъ всѣмъ жалованье.

— Вы съ ума сошли! — напалъ опять на него правитель.

— Нисколько, я увеличилъ ставки, оговоривъ, что оставлю жалованье тѣмъ, кто мнѣ угоденъ, а остальныхъ let them go to h! . . Смѣта же будущаго года — старая. А этотъ годъ особый, и я удваиваю содержаніе, — какъ праздничное...

Уайтъ сталъ царькомъ дорогъ. Онъ не щадилъ за лѣнь и разѣватость, поднимая на службу съ низшихъ должностей. Правитель поставилъ дороги на военное положеніе по образцу итальянскаго закона 1888 года и облегчилъ Уайту управленіе... Уже въ мартѣ Уайтъ подалъ правителю записку и предложеніе американскаго треста взять на себя возстановленіе дорогъ.

— Я васъ не уполномачивалъ запродавать Россію, — вспылилъ правитель...

— Вы не торопитесь сердиться, генералъ. О запродажѣ нѣтъ рѣчи, а если Америка возстановитъ движеніе въ пять лѣтъ въ норму 1917 года — худого не будетъ?...

— Это не мое дѣло рѣшать, — сердито оборвалъ правитель.

— А если этотъ же трестъ гарантируетъ Наслѣднику всѣ необходимые первые займы по курсу сто, и процентомъ ниже всѣхъ остальныхъ промессъ, плохого не будетъ?

Правитель молчалъ...

— И если — началъ было Уайтъ, но его остановилъ отвѣтъ: «довольно, я не отклоняю, будетъ время, доложите Наслѣднику, если все это не сказка»...

— А все происходящее — не сказка? — смѣясь, спросилъ Уайтъ, и вызвалъ улыбку строгаго стараго лица правителя...

— Ну, кипятокъ, двигайте дороги, у меня недовозъ хлѣба. Въ городахъ и въ арміи скоро будетъ нехватка, — распутывайте графики — и не подведите меня!

Правитель хмурилъ лобъ, чуя скорый недовозъ. Хлѣбнаго налога онъ вводить не хотѣлъ. Выручилъ совѣтъ вездѣсущаго Ивана Смѣха и правитель выпустилъ воззваніе къ крестьянамъ: «Государство нуждается къ апрѣлю въ хлѣбѣ. Въ арміи недостатокъ. Управленія для закупки у меня нѣтъ. Я прошу крестьянъ меня выручить. Спѣшно доставить изъ деревень къ 20-му марта, до распутицы, съ посѣвной десятины по одному пуду разнаго зерна, подъ квитанцію станцій, въ зернохранилища и завозные склады. Расчетъ за хлѣбъ на станціяхъ 1-го іюля. Вѣрю, что крестьяне окажутъ помощь родинѣ».

Никто не наблюдалъ изъ какой губерніи началась доставка. Началась она разомъ въ ста мѣстахъ, гакомъ, въ круговую, шутя и охотно. На станціи потянулись обозы. Везли хоть и безъ толку и въ разнобой, но хлѣбъ давали чистый, сухой, благо годъ передъ тѣмъ былъ ведринный. Съ 150 милліоновъ десятинъ посѣвной площади крестьянскаго хлѣба было много и продовольствіе городовъ и арміи было обезпечено...

Происходило подлинное чудо; никто не ожидалъ

такого дружнаго отвѣта на призывъ мало еще извѣстной власти. Слухи доходили, что кое-кто по деревнямъ упирался, но такимъ по базарамъ и въ селахъ давали бучку и заставляли везти.

Авторитетъ правителя выросъ неимовѣрно. Всѣ сомнѣвавшіеся въ новой власти притихли. Крестьянство этимъ пудомъ хлѣба показало на чьей оно сторонѣ.

Этотъ же вывозъ хлѣба повліялъ и на выборы въ Соборы. Съ мѣстъ шли самыя добрыя свѣдѣнія...

Но не всюду шло ладно. Въ Коломнѣ, въ вагонѣ главнокомандующаго и его малаго штаба — были брошены бомбы. К. былъ убитъ и число жертвъ было огромное...

Въ армію прибылъ Петренко, кандидатъ на постъ министра юстиціи. Армія поднялась, требуя казни безъ суда виновныхъ. Заступившій мѣсто убитаго К. — генералъ Т. вмѣстѣ съ Петренко вели спѣшное дознаніе. Виновниками оказались соціалисты-революціонеры партіи Савинкова. Заговоръ состоялъ изъ трехъ сотъ человѣкъ. Полевой судъ приговорилъ всѣхъ къ повѣшенію... Правитель объявилъ партію соціалъ - революціонеровъ впредь до открытія Собора внѣ закона. . .

Въ ставку правителя начали поступать телеграммы изъ Англіи, Чехословакіи и Германіи; правительства этихъ странъ запрашивали о казни трехъ сотъ и взывали во имя «правъ человѣческихъ» остановить «неслыханный русскій терроръ». Оставшіеся за рубежомъ группы соціалистовъ обращались ко всѣмъ странамъ міра, моля объ укрощеніи правителя.

Правитель отвѣчалъ: «не имѣю времени разъяснять и заниматься второстепенными вопросами. Я дѣйствую за свой страхъ и отвѣчаю Наслѣднику престола и Собору, интересуясь лишь правами русской націи, а не общечеловѣческими; прошу ваше превосходительство изба-

вить нашу страну отъ вашего новаго вмѣшательства, что я дѣлаю по отношенію къ правительству вашей великой страны».

«Конфликты», — эти проявленія международныхъ «нервовъ», выходили изъ моды. Европа была отучена отъ нихъ большевиками, которые разваливали международное право, издѣваясь надъ нимъ и разоблачивъ немало беззаконій. Напоминать державамъ о соучастіи въ 1921 и 22 г. въ террорѣ большевиковъ, рабочихъ — правитель не хотѣлъ.

Къ тому же Европѣ было не до Россіи. Франція напряженно переговаривалась съ угрожающими Германіей и Италіей, и старалась найти себѣ союзниковъ. Неудачная монархія Германіи боролась съ демократіей и одновременно опиралась на нее, устраивая послѣ двухъ революцій разстроенное хозяйство. Англія, дѣлая уступку за уступкой Индіи и Египту, принимала гордыя позы — но всѣ знали ея безсиліе...

Метрополія слабѣла. Кризисы не прекращались...

Правитель разбирался въ положеніи запада. Онъ отлично зналъ, что ни одна страна активно не вмѣшается въ русскія дѣла. Уроки 1917 года и большевиковъ не забылись...

Теперь, когда не годами, а часами, стихійно, наново строилась Россія, и надо было не направлять политику, а спѣшно слѣдовать за самотокомъ событій, — правитель и его сотрудники заняты были лишь внутренними дѣлами. Протестъ соціалистовъ былъ такъ слабъ и въ странѣ опредѣлилось такое ничтожество этой партіи, что правитель отмелъ самый вопросъ, предоставивъ управляться на мѣстахъ самимъ совѣтамъ...

....

— Обязываю командующихъ держать въ извѣстности части о всѣхъ событіяхъ, и напоминаю о возложенной на армію задачѣ — возстановить порядокъ для

введенія законнаго строя въ государствѣ, — гласилъ приказъ новаго командующаго арміей, молодого генерала Т. Такой же смѣлый и умный, какъ его предшественникъ, онъ быстро пріобрѣлъ популярность...

На второй день вступленія его въ командованіе, начались ожесточенные бои въ районѣ Бологое. Лѣтописецъ кратко описывалъ происшествія этихъ боевъ. Онъ сознавалъ, что «рука не въ силахъ держать перо, а мысль — диктовать»... до такой степени упорны и ожесточенны были атаки. Плѣнныхъ не брали, и поля были завалены трупами...

Послѣдніе большевистскіе полки показали, что они умѣютъ драться... Теряя артиллерію, обойденные и Смоленскими корпусами и подошедшимъ изъ Перми 3-мъ Сибирскимъ Корпусомъ, — они принимали штыковой бой, теряя двѣ-трети состава людей...

— Не сдаемся — раздавался хриплый крикъ шедшихъ въ атаку, и шеренги ложились и добивались остервенѣвшими солдатами правителя...

Въ самомъ Петербургѣ и въ окрестностяхъ шла неистовая рѣзня. Послѣдніе четверо комиссаровъ изъ оставшейся «головки» совѣтовъ, еще держались, ловя своихъ дезертировъ и казня правыхъ и виновныхъ...

Правитель потребовалъ отъ командующаго посылки Сибирскаго корпуса спѣшно идти на Петербургъ, назначивъ диктаторомъ Сѣверной области строптиваго, но смѣлаго генерала В...

— Кровь, опять кровь и день и ночь стоны! — писалъ лѣтописецъ, не имѣя силъ сообщать подробности.

....

Въ концѣ марта закончились выборы второй куріи. Предсѣдатели губернскихъ совѣтовъ просились явиться къ правителю. Отвѣчалъ онъ такъ: «никому не трогаться съ мѣста, принимать рѣшенія самимъ, дѣйствуя моимъ именемъ».

Выборнымъ въ Соборъ разрѣшалось ѣхать въ Москву къ 15-му апрѣля. Первыми появились Сибиряки и Волжане.

Въ Москвѣ началось неописуемое возбужденіе...

Наспѣхъ выбранный совѣтъ Московской губерніи, съ отдѣлами по участкамъ города — имѣлъ мало авторитета. Москва бурлила, почему долго не входитъ правитель и войска. Разбои, налеты и выступленія оставшихся шаекъ большевиковъ и налетчиковъ не прекращались.

Правитель разрѣшилъ всякія сходки; и они собирались, но при малѣйшей попыткѣ ораторовъ возвращаться къ «старымъ лозунгамъ» — народъ ихъ срывалъ. Говорить больше было **не о чемъ.**

Москва ждала Собора... и Царя...

Изъ ближайшихъ къ Москвѣ городовъ, а также по Курской, Рязанской дорогѣ и изъ Бѣлоруссіи, потянулся конный и пѣшій народъ. Несмотря на распутицу, Москва наполнялась...

Къ Благовѣщенію, правитель и войска стали подходить.

Сѣрая, не нарядная, походнымъ порядкомъ, медленно двигалась масса войскъ. Путь былъ тяжелый; снѣгъ таялъ, но морозы утренники еще поддерживали дороги..

Московскій гарнизонъ, выстроенный шпалерами, встрѣчалъ войска у Тріумфальныхъ воротъ. Толпы москвичей, вдоль дороги были молчаливы.

Молчаливо шли и войска, впереди которыхъ, съ малой свитой, на неважномъ конѣ, въ походной формѣ ѣхалъ Василій Васильевичъ... Проѣхавъ Тріумфальныя ворота, поднявшись на стременахъ, онъ снялъ свою мѣховую шапку и высоко ее поднялъ...

Какъ по уговору, однимъ отрывистымъ, оглушающимъ крикомъ «ура» отвѣтила привѣтствіемъ толпа и, по знаку правителя, замолкла...

Не сказавъ ни слова, онъ тронулся дальше. Молчаливо, изрѣдка снимая шапку, онъ проѣхалъ черезъ густо стоящія толпы по Тверской. Остановился онъ у разграбленной, полуразрушенной часовни Иверской Божьей Матери. Въ ней онъ долго молился, передъ спасенной, но оставленной безъ ризъ и украшеній иконой. Выйдя изъ часовни, сдѣлавъ знакъ рукой, онъ громко сказалъ:

— Ждите терпѣливо, молитесь, ведите себя безупречно, сами охраняйте порядокъ. . .

Заливъ площадь, улицы и ряды, массы народа стояли безъ шапокъ. . .

Подали коляску, и правитель отбылъ къ Патріарху.

Часть войскъ занимала бывшіе судъ и казармы Кремля. Загаженный и разоренный послѣдними, передъ бѣгствомъ, стычками, Кремль приводился въ порядокъ. Пострадали больше всего — дворецъ, Церкви, палаты. Все было заперто.

Въ день въѣзда правитель совѣщался съ прибывшими членами губернскихъ совѣтовъ и уполномоченными, имѣющими ѣхать на мѣста.

На пятый день пребыванія въ Москвѣ онъ издалъ указъ объ открытіи Земскаго Собора на 9-ое мая, призывая населеніе до сего срока спокойно производить полевыя и заводскія работы.

Опытъ довѣрія газетамъ не удался. Съ перваго же выхода четырехъ газетъ, началась партійная ругань, внося опять духъ злобы и разложенія. Правитель закрылъ газеты, издавая лишь Вѣстникъ событій и приказовъ. . .

А событія нагромождались, и слѣдить за ними и создавать ихъ было трудно. Но правитель не терялся,

хотя многое дѣлалъ машинально. Онъ былъ увѣренъ лишь въ томъ, что красная власть потеряла всякій авторитетъ и что спасенія ей нѣтъ.

Ставка правителя была на народъ. Онъ видѣлъ, что въ народѣ не слишкомъ пылко, но какъ-то необыкновенно сосредоточенно, проявлялось новое чувство патріотизма, и онъ увѣренъ былъ, что никакого поворота къ прошлому уже не произойдетъ. Правитель телеграфировалъ Наслѣднику о желательности его прибытія. . .

Принявъ посланца отъ командующаго арміями, онъ передалъ письмо на его имя; заканчивалось оно такъ: «увеличьте напряженіе. Не давайте пощады краснымъ и малодушнымъ. Постарайтесь въ двѣ недѣли сломить сопротивленіе послѣднихъ вооруженныхъ силъ противника». . .

VI.

Такимъ было положеніе, когда поѣздъ Наслѣдника подходилъ къ Томску.

Наканунѣ вечеромъ, въ поѣздѣ, Акимъ Петровичъ бесѣдовалъ съ окружающими Наслѣдника. Въ этотъ разъ Акимъ Петровичъ былъ разговорчивъ и посвящалъ друзей въ нѣкоторые планы Наслѣдника; всѣ они были близки къ Наслѣднику, нерѣдко бесѣдовали съ нимъ, но зналъ его одинъ, неразлучный съ нимъ, Акимъ Петровичъ.

— Образованный ли онъ человѣкъ, спрашиваете вы меня, — задумчиво говорилъ старикъ. — И да, и нѣтъ. Его образованіе среднее и. . . не законченное.

— Но онъ много читалъ, изучалъ? — спросилъ пріѣхавшій изъ арміи Александръ Валерьяновичъ.

— Читалъ много, но изучалъ слабо. Послѣдній годъ онъ много работалъ. Способенъ онъ очень. Знаетъ фи-

нансовое право и исторію финансовой политики Англіи, и прошлую — Россіи. Отлично знаетъ исторію и нашу, и европейскую, и, оригинально то, что онъ всегда сравниваетъ эти исторіи по эпохамъ.

— Онъ великолѣпно знаетъ крестьянское дѣло, — вставилъ Курдюмовъ.

— Знаетъ. Но вы говорили объ образованности, я и отвѣтилъ. Учености въ немъ нѣтъ, но его пониманіе вопросовъ глубокое. У него развитъ правовой нервъ...

— Такъ вотъ и скажите намъ его ближайшіе планы.

— Невѣренъ вопросъ. «Ближайшіе» — растяжимо и нерѣшительно, а Государь весь — рѣшимость, и у него по ряду задачъ, или еще нѣтъ плана и если и есть, то безповоротный. . . Видите ли, господа, Государь мнѣ не все говоритъ. Онъ больше спрашиваетъ и свѣряется. Передъ нимъ всегда статистическая сводка и запись цѣлаго ряда мнѣній.

— Да, — вставилъ Дмитрій Сергѣевичъ, — Государь нашелъ ключъ къ статистикѣ. На цифры у него сметка особая. Вчера, напримѣръ, онъ сдѣлалъ выкладки возможной добычи угля въ Сучанѣ по японскимъ матерьяламъ. Большевики вѣдь сдали Японіи всѣ права на эксплоатацію Дальняго Востока. Разсчетъ его замѣчателенъ. Онъ выводитъ, что раціональная эксплоатація копей собьетъ всѣ американскія и японскія ставки и что по плану Краффорда нашъ уголь будетъ, по себѣстоимости, конкурировать чуть ли не съ бѣлымъ. . .

Онъ, если любитъ вопросъ, то не отстанетъ отъ него. По металлургіи онъ ученикъ этого мага Фракерса. Вотъ планъ его по Сибири я знаю: второй путь магистрали и два на югъ. Помните, я показывалъ проектъ? Его замыселъ — развить Приморскую и Амурскую область и создать Сибирскій центръ, очень интересенъ.

— Проекты то, вѣроятно, хороши, а деньги? — перебилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

Старый земецъ на этотъ разъ рѣзко отвѣтилъ:

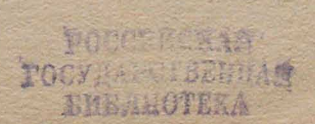
— Разъ навсегда я говорю, что Наслѣдникъ ни на какой отдѣльный планъ не пойдетъ. Каждая реформа у него связана съ общимъ развитіемъ и способностями народнаго труда. Уроки прошлаго вѣка, бросаніе въ стороны, случайныя направленія экономической политики, финансовые эксперименты, то по пути протекціонизма, то срывы къ старому — все было неразумно. Равномѣрная помощь всѣмъ народностямъ, всѣмъ классамъ и всѣмъ территоріямъ, съ преимуществомъ покровительства важнѣйшимъ отраслямъ, — таковъ его планъ. Отсюда и вопросъ денегъ является не первымъ, а уже разрѣшеннымъ.

— Это какъ? — опять перебилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— Притокъ средствъ въ казну явится соотвѣтственно выполненію самимъ народомъ производственнаго плана.

— Ждать?!

— Хотя бы и ждать, и ждать долго, взявъ въ руки и перестраивая толкомъ хозяйство. Называйте его натуральнымъ или полукапиталистическимъ, или дикимъ, какъ хотите. Вѣдь не хватитъ милліардовъ, чтобы скоро его возстановить въ норму 1914 года, да и нормы и формы хозяйства ему видятся совсѣмъ иначе. Брать же деньги за счетъ распродажи всего лучшаго въ ущербъ общему плану, — Государь не допуститъ. Онъ обусловитъ входъ иностраннаго капитала нормами и расцѣнками міровыхъ рынковъ всѣхъ производствъ и товаровъ. Онъ допуститъ раціональную эксплоатацію, но не революціонную и разбойничью. Ему отлично извѣстно, насколько Западу необходимъ экспортъ издѣлія, и какъ онъ задушенъ перепроизводствомъ, — и на паническіе договоры гг. Витте, его послѣдователей или большевиковъ онъ не пойдетъ.



— А если иностранцы выработаютъ свои нормы, тарифы и прочее... хищническіе?

— Во первыхъ, между странами такого соглашенія не состоится; они готовы сами перервать себѣ горло, лишь бы добиться рынковъ сбыта; а затѣмъ, у Государя ясное представленіе тѣхъ maximum'овъ уступокъ, дальше которыхъ онъ ни Собору, ни правительству не дастъ идти. Нѣтъ, господа... онъ непреклоненъ, его не обманешь! — усмѣхнулся Акимъ Петровичъ.

Прекрасно, но раньше надо вырѣшить общее отношеніе власти къ капиталу; существуетъ вѣдь циклъ вопросовъ: банки, биржа, валюта и прочее...

— Примѣнительно къ твердому хозяйственному плану, власть непреклонно очертитъ границы власти у насъ капитала. Строгое различіе между финансовымъ и промышленнымъ капиталомъ усвоено Государемъ очень ясно. Оказывая широкое содѣйствіе производственному капиталу, онъ рѣзко ограничитъ развитіе финансоваго, и законы, карающіе спекуляцію, будутъ безпощадны. Предпринимательство вольетъ въ страну золото, и не трудно учесть, какое количество и въ какой срокъ осядетъ въ странѣ. Не забывайте главнаго: работу областей, ихъ предпріимчивость и жизненность. Съ другой стороны — монопольное хозяйство: нефть, уголь, платина, спиртъ, табакъ, сахаръ, элеваторы, эксплоатація части желѣзныхъ дорогъ, государственное страхованіе, создадутъ необходимый, равномѣрный и прогрессивный притокъ средствъ. Наконецъ, — экспортъ сырья. Послѣ хаоса разбойничьяго хозяйства, легче всего возстановить экспортное зерновое хозяйство и достигнуть стараго торговаго баланса. Освобожденная отъ налоговъ и насилій земля удвоитъ запашку... Помните наши разсчеты, Дмитрій Сергѣевичъ? Они вѣдь не утопичны? Государь внесъ много своего оригинальнаго и реальнаго. Ну, объ этомъ послѣ. Въ Москвѣ вы узнаете

его планъ промышленнаго сельскаго хозяйства. Правительство будетъ посвящено. Найдемъ время подумать и о системѣ денежнаго хозяйства.

— Это правительство будетъ отвѣтственно передъ Соборомъ? — направилъ разговоръ въ другую сторону Курдюмовъ.

— Слово — отвѣтственное — старый и глупый жупелъ, какъ и формулы — демократическія и иныя. Мысль Государя ясная: безотвѣтственныхъ въ странѣ не будетъ никого. Отвѣтственно будетъ не только правительство, но и Земскій Соборъ, и областные соборы. Отвѣтственъ будетъ прежде всѣхъ самъ онъ, какъ и всѣ, передъ закономъ, оставаясь, какъ источникъ закона, сверхъ закона, какъ царь. Установивъ съ Соборомъ нормы основного закона, Государь не допуститъ ни одного отступленія отъ него. Безсмысленное начало безотвѣтственныхъ выборныхъ отъ народа и отвѣтственность передъ безотвѣтственными, одинаково и такихъ же служащихъ народу, будетъ совершенно исключено. Законъ будетъ одинаково и равно карать одинаковымъ судомъ всякія правонарушенія: министра, командующаго арміей, канцлера, архіерея, депутата, редактора газеты, купца, урядника, солдата, крестьянина и рабочаго. Отъ той же подчиненности закону не уйдетъ самъ Государь, доколѣ онъ не проведетъ черезъ законодательное учрежденіе или не одобритъ другой болѣе совершенный законъ. Нисходящій отъ него законъ или восходящій на его одобреніе, — обязателенъ для него, какъ и для всякаго.

Назначая должностныхъ лицъ изъ состава тѣхъ же соборовъ и со стороны, Государь не видитъ въ нихъ какихъ-то своихъ приверженцевъ. Они всѣ и одинаково служатъ не ему лично и даже не народу, а странѣ...

Кромѣ сената и суда гражданскаго и уголовнаго, Государь полагаетъ ввести смѣшанно-выборный судъ,

— распорядительный — административный, каковой будетъ судить дѣйствія всѣхъ служебныхъ лицъ, всѣ учрежденія, не исключая и Собора и выборныхъ въ мѣстные совѣты и соборы. Его схема областныхъ судовъ очень интересна, какъ интересенъ проектъ закона о печати и рабочихъ.

Сенатъ, соборы, правительство и судъ, — вотъ четыре высшихъ, назовемъ, аппарата управленія и законодательства, надъ которыми стоитъ совершенно обособленно Царь, ни съ кѣмъ и ни кѣмъ не связанный.

— Но, вѣдь, назначая правителя, Государь беретъ отвѣтственность на себя, — замѣтилъ Курдюмовъ.

Всегда сдержанный Акимъ Петровичъ, —вскипѣлъ.

— Вы непремѣнно хотите сдѣлать его отвѣтственнымъ по управленію, включая его въ механизмъ власти? Такъ договаривайте и совѣтуйте взять за образецъ любую страну Европы и подогнать народъ и Царя подъ парламенты, опять подъ партіи радикаловъ, соціалистовъ, фашистовъ, монархистовъ и всего прочаго. Неужели не надоѣло вамъ все это до одури? Неужели вы такъ и не вдумались въ сущность самодержавной власти?

— Нѣтъ, я хотѣлъ только... — замялся Курдюмовъ.

— Ничего вы не хотѣли! Вамъ подай трафаретъ, слѣпокъ съ формы, подобіе или копію чего-то европейскаго. Ваши головы не воплощаютъ полнаго несходства Россіи со всѣми странами. Какъ бы де связать власть, запутать ее и сдѣлать отвѣтственной. Передъ кѣмъ? Передъ Европой, обществомъ или народомъ? Да гдѣ оно, это ваше общество и народъ и кѣмъ оно выражается — печатью или митингами? Что, или Государи Александръ II и Николай II не отвѣтили? Этого вы хотите? По заслугамъ? И развѣ эти убійства успокоили

и удовлетворили народъ? Нѣтъ-съ, Боже Царя храни отъ прошлаго!

Нѣтъ, господа, и вы еще въ себя не пришли и ничего не поняли... Понялъ народъ! Царь будетъ внѣ механизма правленія. Власть Царя — для страны. Все механическое ему противопоставляется. Онъ заводитъ механизмъ и даетъ ему скорость и направленіе. Дѣлимости царской власти быть не можетъ, иначе, это не власть, а шайба, винтъ, колесо... Тогда берите президента, мѣняйте ихъ и вольничайте партіями!

Царь единый хранитель закона и верховный судья среди народа. Хозяинъ veto большинства или меньшинства.

Его первая прерогатива: утвердить съ Соборомъ незыблемый основной законъ, незыблемый, вплоть до своего правопреемника, обязаннаго созвать соборъ... Всѣ остальные законы проходятъ черезъ законодательные механизмы, возносясь до него. Воленъ онъ ихъ утверждать или отвергать, но теченіе законодательства не останавливается.

Онъ не можетъ «заниматься» подписываніемъ бумагъ и давать заключенія о пенсіи вдовѣ Пампушкиной и о назначеніи камергера Тутышкина. Онъ скрѣпляетъ лишь важнѣйшіе акты, не переставая осуществлять Россію, ея исторію, всегда сдумываясь съ народомъ, побуждая и помогая ему думать, рѣшать и на мѣстѣ спокойно работать..

— Какъ складывается государственный механизмъ? — спросилъ, послѣ наступившаго молчанія, Курдюмовъ.

— Будетъ шесть раздѣловъ: хозяйственный, законодательный, военный, административный, судебный и иностранный. Въ подробности я не вхожу. Отъ перваго министра до безлошаднаго мужика всѣ дѣла государства возлагаются на все населеніе, раздѣломъ территоріальнымъ, въ трехъ его пластахъ: уѣздахъ, областяхъ и

въ столицѣ, гдѣ управленія вѣдаютъ законы и дѣла общегосударственнаго значенія. При этомъ главная хозяйственная работа новымъ закономъ, возлагается, по мысли Государя, на область. . .

— Такъ это полная ломка старыхъ основныхъ законовъ? — спросилъ молчавшій до сихъ поръ Яковъ Валеріановичъ.

— Да, называйте ломкой, если угодно. Государь объявитъ Собору свою волю. Онъ или останется или, при малѣйшемъ противодѣйствіи, уйдетъ. Работать и сдумываться онъ заставитъ всѣхъ, начиная съ волости или прихода. Дальше идетъ главная мелкая единица — уѣздъ. Наслѣдникъ мнѣ не вѣритъ, что у насъ въ прошломъ почти никто, нигдѣ, никогда, ничѣмъ и ни передъ кѣмъ не отвѣчалъ. И, знаете, оно такъ и было. Отсюда наше пресловутое «кое какъ». Въ будущемъ всюду пройдетъ принципъ взаимоотвѣтственности. Въ областяхъ и Намѣстникъ, и Соборы будутъ оглашать и привлекать къ суду за правонарушенія. Работая подъ надзоромъ намѣстника, Соборы имѣютъ право запросовъ, обжалованій въ Сенатъ и челобитныхъ. Судъ — независимый, какъ былъ, введется въ государственное устройство и, начиная съ Кассаціоннаго суда и до волостного, — охраняетъ законъ и право, но не на основѣ французскаго simple ordre, а на началѣ мѣръ противъ безпорядка. Продвигая народную мысль на новые пути, мы подойдемъ къ замѣнѣ права силы, — силою права, помня завѣтъ Наслѣдника: «свободу, долгъ и право личности». Области, дробя Россію географически и экономически, разовьютъ эти начала...

Повторяю схему строя: волость, уѣздное управленіе и земство, остаются въ предѣлахъ старыхъ, но расширенныхъ правъ: школа, медицина, дороги и всѣ отрасли хозяйства. Глава: уѣздный начальникъ, съ совѣтомъ изъ представителей: земства, города и правитель-

ственныхъ учрежденій. Земство независимо ведетъ свое хозяйство. Губернаторъ и упрощенныя учрежденія — исполнительные органы Намѣстника. Губернское земство упраздняется, смѣняясь совѣтомъ мѣстнаго хозяйства при губернаторѣ, для объединенія порядка управленія и хозяйства уѣздовъ. Наконецъ, областной центръ: права и обязанности Намѣстника, назначаемаго Государемъ, и областныхъ учрежденій опредѣляется особымъ положеніемъ. Всѣ дѣла управленія, хозяйства, суда и законодательства разрѣшаются въ области, доходя до Намѣстника и Собора.

Дѣла области доходятъ до Государя въ случаяхъ споровъ между центромъ и областью или, когда требуется измѣненіе органическаго закона, или, если есть разногласіе между областями и, наконецъ, по изъявленію желанія вмѣшательства самого Государя.

Намѣстникъ имѣетъ доклады у Государя на правахъ министра. Онъ глава области. Ему подчиненъ совѣтъ области и учрежденія губерній.

Областной соборъ образуется изъ цензовыхъ выборныхъ уѣздными земствами (или прямо отъ уѣздовъ) по два или по три человѣка отъ уѣзда, на пятилѣтіе. Собору принадлежитъ, въ предѣлахъ закона, право издавать постановленія и мѣстные законы, устанавливать налоги и сборы, вѣдать во всѣхъ отрасляхъ хозяйство области, избирать изъ своей среды представителей въ областной совѣтъ и въ центральные совѣты и совѣщанія, подавать челобитныя и проч. Соборъ распоряжается областнымъ имуществомъ, распредѣляетъ и получаетъ налоги, прямые и добавочные — косвенные. Финансы области отдѣлены отъ государственныхъ, но сохраняютъ единство кассы. Область взыскиваетъ государственные доходы, поступающіе въ центральную Казну. Государственные контролеры и ревизующіе сенаторы имѣютъ надзоръ за финансовымъ хозяйствомъ области, уѣздовъ, селеній,

городовъ, банковъ, кредитныхъ кассъ и всѣхъ казначейскихъ учрежденій. Финансовое хозяйство, заключено въ банкѣ области — отдѣленіи Государственнаго банка — Казны. Объ эмиссіонномъ правѣ области особое положеніе. Соборъ имѣетъ право инициативы развитія сельскаго и всего промышленнаго хозяйства области, включительно до устройства заводовъ, фабрикъ и т. п. на средства области. Предсѣдатель собора имѣетъ докладъ у Государя.

Въ центрѣ остаются учрежденія: законосовѣщательный и административно - судебный. Законосовѣщательный: малый соборъ, созываемый перманентно изъ состава Земского Собора, съ двумя постоянными совѣтами: государственнымъ (дѣла управленія, сообщеній, наукъ, почты, военныя, иностранныхъ дѣлъ) и народохозяйственнымъ (сельское хозяйство, промышленность, монополіи и проч.). Составъ малаго Собора — 30 выборныхъ отъ Земскаго Собора и по одному отъ Области. Предположенія этого Собора направляются на заключеніе подлежащей Области. Составъ Совѣтовъ — по 30 лицъ смѣшаннаго состава, по назначеію и выборныхъ областныхъ соборовъ. Исполнительные органы: сенатъ, вѣдающій обнародованіемъ и исполненіемъ законовъ, и кассаціонный судъ, вѣдающій отвѣтственность всѣхъ должностныхъ учрежденій и лицъ.

Хозяйственные органы: государственный банкъ и министерства: финансовъ, контроля, сообщеній, почтъ, иностранныхъ дѣлъ, военное, морское и юстиціи. Министерства же сельскаго хозяйства, промышленности, наукъ и искусствъ будутъ не самостоятельными, а какъ органы объединенія и статистики. Министерство внутреннихъ дѣлъ преобразуется въ отдѣлъ государственной полиціи. Народное образованіе, отъ школы до университета сосредоточивается въ Областяхъ

Такова, господа, схема будущаго устройства, на

началахъ Самодержавія самоуправляющейся страны. Верховная власть получитъ надлежащую ей свободу дѣйствій и освобожденіе отъ бюрократіи, а народъ... вспомнимъ Гете: «лишь тотъ свободной жизни властелинъ, кто дни свои въ борьбѣ проводитъ трудовой»...

Русскую лѣнь надо забыть! — кончилъ Акимъ Петровичъ.

— Сколько областей полагаетъ Наслѣдникъ? — спросилъ Петренко.

— Семь, кромѣ казачьихъ, Степныхъ, Сибирскихъ и инородческихъ. Онѣ видятся такъ: **Московская:** губ. Смоленская, Ярославская, Костромская, Калужская, Нижегородская, Владимірская и Московская.

Серединная: Тульская, Орловская, Рязанская, Курская, Тамбовская, Воронежская и Пензенская.

Украинская: Кіевская, Волынская, Подольская, Полтавская, Черниговская, Харьковская.

Новороссійская: Херсонская, Екатеринославская, Ставропольская, Таврическая, Черноморская и Бессарабская...

— Ого! — раздался чей-то голосъ, — значитъ война...

— Да, война неизбѣжна. Бессарабія и части Волыни и Подоліи будутъ наши! — вѣско отвѣтилъ Акимъ Петровичъ и продолжалъ:

— Дальше идутъ: **Волжская:** Саратовская, Симбирская, Самарская, Оренбургская, Астраханская и Уральская.

Волжско-Камская: Казанская, Вологодская, Вятская, Уфимская и Пермская.

Петровская: Новгородская, Псковская, Олонецкая, Архангельская, Тверская и Петербургская.

О прирѣзкахъ Минской, Могилевской и другихъ частей скажу послѣ...

Слѣдующія — Донскіе, Кубанскіе и Терскіе казаки

объединяются по ихъ волѣ въ одну область или останутся по старому. Далѣе — Кавказъ и **степныхъ двѣ:** Акмолинская и Тургайская, и вторая — Семирѣчье и Семипалатинскъ. Сибирскихъ видятся пока три: Томская и Тобольская; вторая — Енисейская, Иркутская и Забайкальская и третья группа — Якутская, Амурская и Приморская. Перестроенія, конечно, будутъ географическія. Всего 12 областей, кромѣ Кавказа, казаковъ и Средне-Азіатской съ Ташкентомъ: Закаспій, С. Дарья, Самаркандъ, Ферганъ, Туркестанъ и ханства.

Государь охотно приметъ измѣненія, которыя предложитъ соборъ...

Вотъ, господа, и все, что я согласился вамъ передать о волѣ Наслѣдника. Не скрою, его заботитъ мысль, откуда найдетъ онъ 12 - 15 намѣстниковъ? Найдутся ли люди большого ума, честности и напора? Вопросъ трудный. Наслѣдникъ надѣется, что такіе люди найдутся въ самихъ областяхъ. Онъ глубоко вѣритъ, что съ годами роль административной власти сведется къ наблюденію за закономѣрностью дѣятельности совѣтовъ и соборовъ.

— Трудовъ это дѣло стоитъ, — вмѣшался прибывшій въ то утро Иванъ Смѣхъ. — Поэтому нужны еще до 50 губернскихъ старшинъ, да нѣсколько сотъ уѣздныхъ. Охотниковъ то будетъ много. Скрываться нечего — дѣло трудное. Люди вѣдь нужны, чтобы не было пылинки въ глазу, да не по прежнему, — разѣватые! У большевиковъ вѣдь были люди цѣпкіе. А если опять слабыхъ наберемъ — пропадемъ!... Гдѣ людей взять? Прошелъ я всю Россію насквозь. Навидался. Воровская стала. Какъ теперь этотъ воровской духъ вытравлять будемъ?

Ну, да скажу я къ примѣру такъ: брать надо что есть хорошаго, своего, коренного. Какіе мы есть, такіе и есть, не нанимать же со стороны людей. Да и тамъ, я чаю, плохихъ то не оберешься. Людей надо брать съ го-

ловой и обязательно отъ какого-нибудь дѣла. Такъ я и думаю, хоть и трудно, а сотню то уже не ахти какъ трудно подобрать...

На это горячо отвѣчалъ Дмитрій Сергѣевичъ:

— Неоспоримо, что найти людей трудно. Но идеаловъ искать нечего. Время дастъ людей. Но мы должны быть убѣждены, что плутамъ, лѣнивымъ и попустителямъ пощады не будетъ. Малѣйшее снисхожденіе къ годамъ, ошибкамъ, происхожденію и инымъ заслугамъ, — все сразу пропало. Требовательное отношеніе къ новымъ людямъ должно быть строже осужденія прежнихъ виновниковъ и большевиковъ. Гнать, отдавать подъ судъ придется все глупое, слабое и нечестное... А иначе все, что теперь дѣлается — игра!..

— Не запрокидывайтесь, — остановилъ его Акимъ Петровичъ, — и не преувеличивайте. Не къ мѣсту ваше сомнѣніе. Погодите, я договорю. Не на словахъ, а на дѣлѣ Наслѣдникъ будетъ суровѣе васъ къ такимъ паразитамъ и не намъ его учить, какъ требовать...

— И я знаю его рѣшимость, и передамъ вамъ бесѣду съ крестьянской депутаціей. Отсюда заключайте. Вотъ какъ было дѣло, — вмѣшался Яковъ Валерьяновичъ. — Смыслъ словъ Государя такой:

Крестьяне безъ права собственности жили бѣдно и безпорядочно. Революція и потомъ соціалистическій строй еще ухудшили ваше положеніе. Отобравъ отъ помѣщиковъ землю, власть не отдала ее вамъ, а назвала ее государственной собственностью. У васъ отняли право даже на ваши прежнія земли. Не забывайте этого никогда. Теперь никакихъ и ни у кого собственныхъ земель нѣтъ, онѣ всѣ государственныя. Такимъ образомъ нѣтъ и захвата крестьянами чужихъ земель. Вамъ дано временное право пользоваться землею безъ срока и безъ твердыхъ границъ этого пользованья. Хотите вы

оставаться въ такомъ положенiи? Нѣтъ? Не хотите? Ну, конечно. Спросивъ ихъ это, Наслѣдникъ высказалъ мысль, что при такомъ захватѣ земли государствомъ, нѣтъ ни юридическихъ, ни фактическихъ признаковъ захвата земель однихъ у другихъ. Новая власть, не затрагивая вопроса о расхищенiи и разгромѣ имущества, обязана возстановить всѣ виды права оставшейся собственности, начиная съ упраздненiя навсегда общиннаго владѣнiя, поссесiй, правъ пользованiя земель въ Сибири и другихъ, чѣмъ-либо ограниченныхъ.

Производить новаго и еще болѣе грубаго насилiя, чѣмъ прежнiе правители, актомъ передачи крестьянамъ государственныхъ, взятыхъ у другихъ, земель и отданныхъ имъ въ пользованiе, — онъ не допуститъ. Захватъ 26 миллiоновъ десятинъ 120 миллiонами крестьянъ (по 500 сажень на душу), земельнаго вопроса не разрѣшитъ, и такой преступной нелѣпости, — акта захвата, — власть укрѣпить не смѣетъ. Земельный вопросъ, такъ же, какъ и право собственности, не политика, а право надзаконное и сильнѣйшее изъ правъ человѣческихъ. Если Ленинъ отобралъ земли для государства, то не Монархiи эти земли дарить ея случайнымъ захватчикамъ. Жалка была бы Монархiя, которая въ угоду и ради подкупа крестьянскихъ голосовъ пошла бы на новое чудовищное беззаконiе, худшее, чѣмъ у большевиковъ, взявшихъ землю для государства.

Далѣе Наслѣдникъ высказалъ, что онъ считаетъ необходимымъ существованiе средняго землевладѣнiя, но владѣнiя въ рукахъ хозяевъ-работниковъ, а не тунеядцевъ, имѣвшихъ лишь занятiе «имѣть землю». Всѣ земли, которыя не обрабатывались владѣльцами, сдавались въ аренду, и тѣ земли, на которыя владѣльцы не осядутъ для немедленной работы, останутся временно въ распоряженiи Государства и, парцеллированныя, будутъ немедленно распроданы крестьянамъ по твердой

цѣнѣ. Одинаково закрѣпятся купчими всѣ земли за Ураломъ за бывшими ихъ пользователями. Земель, которыя раньше сдавались въ аренду владѣльцами, было около 20 милліоновъ десятинъ, они и продадутся крестьянамъ. Останется частно - владѣльческихъ земель не болѣе 6 или 7 милліоновъ десятинъ, изъ числа около милліарда десятинъ крестьянскихъ и свободныхъ земель. Владѣльцы этихъ земель, какъ дѣятели, необходимы на мѣстахъ, и польза ихъ для страны очевидна.

Вводя начало интенсивнаго, промышленнаго сельскаго хозяйства, Наслѣдникъ считаетъ главною обязанностью власти придти къ таковому на помощь всею силою государства. Одинаково, онъ считаетъ, что власть обязана удержать среднихъ владѣльцевъ, работавшихъ раньше самихъ.

— Передайте союзу крестьянъ мое мнѣніе, — кончилъ Наслѣдникъ, — потворства революціи отъ меня не ждите, а захватъ у однихъ въ угоду другимъ, — безчестнѣйшее потворство. Земель въ Россіи для крестьянъ множество — около милліарда десятинъ, и я признаю на нее права крестьянъ, какъ главной силы государства.

Когда Дмитрій Сергѣевичъ кончилъ, Акимъ Петровичъ передалъ о своей дальнѣйшей бесѣдѣ съ крестьянами.

— А мы-ста думали, что кои земли у совѣтовъ въ рукахъ, вернутъ хозяевамъ, а которыя у насъ, чтобы, значитъ, народу предоставить, — прорвался одинъ изъ депутатовъ союза крестьянъ.

На вопросъ Акима Петровича, слѣдуетъ ли вернуть заводы, фабрики, дома, лѣса и прочее владѣльцамъ, — крестьяне отвѣчали:

— Это ужъ какъ есть, безпремѣнно, всѣ такъ то говорятъ. . .

Но на второй вопросъ, за что же у сельскихъ хо-

зяевъ, да еще у лучшихъ земли отнимать? — кто-то отвѣтилъ:

— А оно такъ сложилось, чтобы барской земли не было вовсе.

Старый и жестокій результатъ пропаганды и натравливанья общества сидѣлъ еще въ головахъ многихъ, и разубѣждать не стоило. Были ли довольны крестьянскія депутаціи или недовольны, сказать было трудно. Но слова Наслѣдника всѣмъ запомнились, особенно, когда онъ сказалъ:

— Я иду къ народу, а не отъ народа. Если народъ меня приметъ, я не поступлюсь своей властью перваго надъ народомъ и въ средѣ его. Никто меня не купитъ, и въ законѣ я буду равенъ со всѣми и равенъ ко всѣмъ.

Не радостно было настроеніе депутаціи отъ земельныхъ собственниковъ.

Наслѣдникъ принялъ десять депутатовъ и объявилъ имъ свой взглядъ: объ общемъ возвратѣ земель не могло быть и рѣчи. Надѣяться сохранить земли могли тѣ, кто до войны сами и безъ остатка эксплоатировали свои участки, т. е., не болѣе десятой части всѣхъ помѣщиковъ и пятой всѣхъ владѣній. У остальныхъ, — владѣльцевъ латифундій, останется надежда на сохраненіе небольшихъ участковъ при усадьбахъ...

Принята была Наслѣдникомъ и группа, назвавшихъ себя демократическимъ объединеніемъ На многіе вопросы Наслѣдникъ отвѣтилъ кратко:

— Не трудитесь повторять все писанное и сказанное за 50 лѣтъ. Я ничего не имѣю, чтобы вы повѣствовали объ удобствахъ республики, но мнѣ это слушать не интересно. Если кромѣ словъ за вами есть сила, — выступайте, и если Соборъ пожелаетъ республику, — испо-

лать вамъ. Но помните: если Соборъ признаетъ Монархію и я буду у власти, — я не допущу и тѣни революціоннаго движенія. Революція — это высшее изъ преступленій противъ покоя государства, и власть обязана съ ней бороться, какъ съ таковымъ. Пользуйтесь свободой слова; я защитникъ этой свободы, поскольку она не возбуждаетъ революціи. Выраженіе недовольства, а таковое всегда будетъ, найдетъ себѣ мѣсто въ честной печати, въ Соборахъ и собраніяхъ. Говорите, совѣтуйте, осуждайте, ищите правды. . но никакой лжи, никакого возмущенія, никакой клеветы власть не допуститъ. Военный судъ, а послѣ — гражданскій, обязаны будутъ стоять за правду и порядокъ.

— Демократы, — смѣялся Курдюмовъ, — возмутились словами Наслѣдника, что власть сумѣетъ защитить народъ, порядокъ и трудъ.

— Но, вѣдь, это наша прерогатива, — сказалъ кто-то изъ бывшихъ Пражскихъ профессоровъ, — отсюда недалеко и до республиканской монархіи! . .

— А промышленники были у Наслѣдника? — спросилъ Смѣхъ.

— О, нѣтъ, многіе еще за границей, а «нэп-маны», наполовину разбѣжались съ евреями. . .

Разговоръ западалъ.

— Эхъ, покончить бы скорѣе съ большевиками, тогда вздохнемъ, —началъ было самый мягкій изъ всѣхъ, Курдюмовъ.

— А вы забыли слова Наслѣдника, — перебилъ его Петренко, — онъ считаетъ, что довольствоваться ихъ изгнаніемъ, — не умно. Покончить съ ними не трудно. Но этого мало. Надо хозяйствомъ и управленіемъ доказать безсмыслицу для Россіи соціалистическихъ доктринъ и надо навсегда отвадить населеніе отъ нелѣпыхъ помысловъ даже подобія прежняго.

— Значитъ, революція будетъ продолжаться и при Царѣ?

— Думайте, какъ хотите, — отвѣтилъ Курдюмову Акимъ Петровичъ.

— Во всякомъ случаѣ, Наслѣдникъ прекрасно сдѣлалъ, что высказался по самымъ больнымъ вопросамъ. Такая рѣшимость — не бывалая.

— Но и рискъ большой, — вставилъ Петренко.

— Рискъ — не подходящее слово.

— Въ происходящемъ нѣтъ игры. Наслѣдникъ правдивъ и простъ. Онъ мудреныхъ словъ не любитъ, и за его словами — дѣло. А опасность всегда есть. Мы обязаны его охранять, — заключилъ бесѣду утомленный Акимъ Петровичъ.

Но не успѣлъ онъ этого сказать, какъ въ вагонъ вбѣжалъ дежурный офицеръ со словами:

— Скорѣй къ Государю!

Онъ успѣлъ лишь сказать, что черезъ него же къ Акиму Петровичу попросились два офицера, сказавшихся бывшими командирами частей при Колчакѣ. Наслѣдникъ былъ на площадкѣ и самъ пожелалъ говорить съ ними. Старшій, въ формѣ Уссурійскаго войска, прошелъ за Наслѣдникомъ въ отдѣленіе. Черезъ десять минутъ раздался выстрѣлъ...

Вбѣжавшіе увидѣли слѣдующее: офицеръ, въ лужѣ крови, лежалъ мертвый. Наслѣдникъ стоялъ блѣдный, но спокойный. Акимъ Петровичъ, поднявъ съ полу бумагу, прочелъ: «лишаю себя жизни за свое безумство»... Наслѣдникъ приказалъ убрать трупъ и ушелъ въ сосѣднее купэ...

Только одинъ Акимъ Петровичъ замѣтилъ странное: онъ узналъ револьверъ... Наслѣдника.

За ужиномъ Наслѣдникъ сказалъ:

— Уберечь меня трудно, но я хочу и добьюсь покончить съ убійствами въ Россіи. Придется ли для это-

го жертвовать людьми и держать страну годами на военномъ положенiи? Быть можетъ, самъ народъ меня послушаетъ. Не знаю, какъ, но я усмирю въ русскихъ бѣса вѣчнаго недовольства.

Присутствующiе не узнали въ тотъ вечеръ Наслѣдника. Онъ весь пылалъ и взглядъ его былъ жестокъ. Не игралъ онъ по обычаю и въ шахматы. На утро узнали, что онъ исповѣдывался у ѣхавшаго въ поѣздѣ священника...

VII.

Получилось извѣстiе, что Томскъ запруженъ народомъ, а полицiи не было. Окружающiе тревожились. Въ Томскѣ, на перронѣ, ждали до пятидесяти депутацiй изъ Омска, Тобольска, Ташкента и другихъ городовъ.

Поклонясь, но не останавливаясь передъ депутацiями, Наслѣдникъ вышелъ съ вокзала на площадь, направляясь къ Собору. Навстрѣчу ему двигалось духовенство. Наслѣдникъ быстро пошелъ тоже навстрѣчу и приложился къ кресту. Митрополитъ перекрестилъ его и облобызалъ.

Наслѣдникъ поднялъ руку и отчетливо громко произнесъ:

— Съ доброхотнымъ помысломъ и яснымъ сознанiемъ всего населенiя, я молитвенно призываю Господа Бога помочь намъ укрѣпить и успокоить измученную Россiю.

И только. Ничего больше Государь не сказалъ.

Никто, и съ роду родовъ, не слыхалъ такого крика восторга и надежды, какимъ отвѣтила Наслѣднику Сибирь. Радостный, звенящiй крикъ стихiи былъ какой-то молитвенно-призывный. Ура раскатывалось волнами по залитому народомъ городу. Десятки тысячъ голосовъ все напряженнѣе и громче будто взывали о чемъ-

то , и вдругъ, неожиданно, какъ по уговору, раздалось могучее и стройное: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

Вся масса людей, и съ ней Наслѣдникъ и все духовенство встали на колѣни. Долго и безпрерывно пѣлись молитвы. Пѣлись, какъ народная клятва, какъ заповѣдное, давно скрываемое желаніе...

Акимъ Петровичъ стоялъ въ сторонѣ съ друзьями и, не сдерживаясь, плакалъ. И не одинъ онъ плакалъ: слезы были на глазахъ тысячъ людей, волненіе разросталось и было неописуемо... Женщины и многіе мужчины рыдали...

Друзья Государя сознавали, что на этой площади никого кромѣ Него и измученнаго неправдой, но здороваго духомъ народа, — нѣтъ; нѣтъ совѣтниковъ, нѣтъ чиновъ, нѣтъ общества... Народъ и Царь составляли одно... Живое связывалось съ живымъ.

Въ крикахъ и пѣніи угадывалось таинство оздоровленія народнаго. И молитвы, и пѣніе были покаянныя, но вмѣстѣ и праздничныя, полныя духовнаго откровенія и надеждъ...

А они, совѣтники, были во всемъ этомъ — будни, понедѣльники. Ихъ дѣло было смиренное, не показное. Ихъ долгъ — быть въ тѣни совершающагося.

Наслѣдникъ стоялъ спокойно. Лицо его было одухотворенное, серьезное. Онъ зорко оглядывалъ толпу. Онъ будто зналъ всѣхъ людей, будто зналъ, что все такъ и должно произойти. Статный, привлекательный, онъ ни однимъ жестомъ не выказывалъ стѣсненія. По окончаніи молебствія, выйдя изъ храма, онъ сѣлъ на поданную ему чью то лошадь, и въ тѣсномъ объятіи толпы тронулся къ вокзалу...

Не улыбаясь, онъ внимательно глядѣлъ всѣмъ въ лицо...

— Ура и крики не прерывались...

Изъ Томска, принявъ нѣсколько депутацій, Наслѣдникъ направился въ Екатеринбургъ. Тамъ, въ домѣ убіенной Царской Семьи и на шахтѣ онъ служилъ панихиды.

Населеніе, бросая работы, стремилось на его пути, и толпы, сдержанно, стараясь его не тревожить, выстраивались его встрѣчать.

Быстрѣе молніи неслась по Россіи вѣсть о неслыханномъ по числу массъ и по подъему духа пріемѣ Наслѣдника народомъ въ Сибири.

Съ той поры вся Россія стала ждать его проѣзда и пріѣзда. . .

Безъ уговора, по всѣмъ деревнямъ и городамъ звонили колокола. Не зная маршрута, народъ собирался наугадъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ . .

Надъ поѣздомъ Наслѣдника неслась организованная добровольцами Томска и Иркутска эскадрилья въ двадцать аэроплановъ.

Получивъ извѣстіе, что Наслѣдникъ перевалилъ черезъ Уралъ. Правитель направился къ нему на аэропланѣ въ Челябинскъ.

Россія еще бурлила. Возстанія соціалистовъ, дѣйствовавшихъ съ остатками коммунистовъ продолжались. Въ Херсонской губерніи, въ Прикаспіи и на югѣ, въ Одессѣ и Николаевѣ, вспыхивали бунты, подавляемые самосудомъ народа. Туда стекались всѣ бѣгущіе за границу. На Кавказѣ кроваво боролись партіи приверженцевъ Россіи съ малочисленными, но отчаянными сепаратистами. Кубанцы собирали полки, желая сами расправиться съ бунтовщиками и помогали грузинамъ и горцамъ.

Въ Петербургѣ была анархія, но на его окраинахъ въ полномъ порядкѣ фрмировалась послѣдняя красная армія, направляя головные эшелоны за Гатчино, Тосно и къ югу отъ Пскова; эта армія надѣялась пробиться въ

Эстонію и Латвію и съ моря получить помощь Англіи. Туда-то командующій арміей направилъ корпусъ охотниковъ, съ ядромъ офицеровъ бывшей добровольческой арміи.

Созвавъ въ Москвѣ нѣкоторыхъ командировъ частей, правитель далъ понять, что желательно обойтись безъ массоваго кровопролитія.

Командующій ударнаго корпуса, когда-то блестящій генералъ гвардіи, отвѣтилъ правителю:

— Если вы хотите мягкости, реформируйте нашъ корпусъ. Въ немъ нѣтъ ни одного чина, который бы не рвался туда. Тамъ будетъ рукопашная, и пощады не будетъ.

Этотъ честолюбивый генералъ подчинился правителю, вставъ въ ряды строевыхъ. Еще недавно около него группировался заговоръ желавшихъ pronunzimento. Узнавъ обо всемъ, правитель созвалъ офицеровъ и предложилъ имъ бросить затѣю или быть немедленно вывезенными за границу. Пылкіе фантазеры смирились и рвались доказать свою вѣрность — боемъ. . .

Въ красной арміи оставалось около 60-ти тысячъ штыковъ и великолѣпная артиллерія. Въ ея составъ входили отряды Ч. К., русскіе коммунисты и еврейскіе батальоны. Послѣдніе — разбѣгались. При штабѣ скрывалось нѣсколько десятковъ главарей Москвы и до сотни комиссаровъ. Большинство «вождей» уже успѣло осѣсть въ западныхъ странахъ, гдѣ они дѣлали видъ, что и они «тоже» эмигранты. Не пускали ихъ къ себѣ нѣмцы, забывая, что спасеніемъ своимъ Германія обязана большевикамъ...

На пересѣкъ красной арміи посланы были два корпуса, груженные въ спѣшно оборудованные неутомимымъ Уайтомъ бронированные поѣзда. . .

Съ пріѣздомъ въ Челябинскъ, послѣ доклада у Наслѣдника, правитель зашелъ къ Акиму Петровичу. Оба старые, опытные, — поняли, что хитрить и соперничать другъ съ другомъ — глупо. То были совершенно разныя фигуры. Сходны они были лишь рѣшимостью.

Посасывая трубку и какъ-то подергиваясь большимъ худымъ тѣломъ, правитель дѣлился впечатлѣніями отъ бесѣды съ Наслѣдникомъ:

— Не разберу я его конечной мысли: вижу, что уменъ, но не пойму его ясно...

— Я съ нимъ около двухъ лѣтъ и тоже плохо его знаю. Вотъ ужъ подлинно человѣкъ себѣ на умѣ, — задумчиво отвѣчалъ Акимъ Петровичъ.

— Одолжите, батюшка, повѣдайте! По финансовому, промышленному и земельному вопросу рѣшенія его я знаю, но какъ у него складывается строй, все никакъ не усвою. . .

Акимъ Петровичъ не сразу отвѣтилъ. . .

— Наслѣдникъ живетъ это время — механически. Онъ — какъ на льдинѣ въ полую воду плыветъ, несомый теченіемъ исторіи. Онъ скроменъ, и говоритъ: я самъ по себѣ, но вѣрю, если Россіи нужна Царская власть и если буду Царемъ, то по волѣ Божіей. Я сознаю, — говоритъ онъ, — что монархіи въ Россіи надо было бы появиться гораздо позже. Россіи нужно пережить послѣднюю стадію западной болѣзни — республику и всѣ муки раздѣленія. Народъ долженъ былъ бы все испытать, вымученно заслужить монархію и дожить до окончательнаго органическаго сростанія своихъ частей. Стихія Россіи требовала этого опыта, но мнѣ внутренній голосъ говоритъ: пора, народъ не вынесетъ новыхъ испытаній. И я ѣду въ Москву. . . а тамъ видно будетъ, пусть народъ рѣшаетъ. . .

— Но строй, какъ ему видится строй? — перебилъ правитель.

— Погодите. Наслѣдникъ сознаетъ, что раньше 30-40 лѣтъ Россiю возстановить нельзя. Хоть бы начать удачно, выполняя сѣрую работу... Онъ еще не радостно ѣдетъ, не чувствуя въ себѣ Царя... Онъ не любитъ высокаго слога — «жертвенность» и всякаго паѳоса.

— Все это хорошо, но декорумъ нуженъ...

— Ну, этого не ждите... впрочемъ, кто знаетъ, обаянiе властью можетъ и имъ завладѣть. Теперь о строѣ: Наслѣдникъ не прощаетъ происшедшаго старой бюрократiи. Винитъ онъ ее больше, чѣмъ соцiалистовъ. Онъ безповоротно рѣшилъ сразу провести областное самоуправленiе, и вѣритъ, что сложенiе силъ, руководимыхъ имъ самимъ и черезъ намѣстниковъ, дастъ порядокъ и подыметъ на дыбы трудъ и производство. У него въ головѣ своя, особая областная конституцiя. Съ большой свободой и инициативой этихъ областей, но при напряженномъ контролѣ власти...

— Понимаю, все это при сохраненiи за центромъ дѣлъ общегосударственнаго значенiя, финансовъ, сообщенiя, контроля, военныхъ и иностранныхъ. Ну, а сепаратизмъ областей? Его вы не боитесь? — спросилъ Василiй Васильевичъ.

Въ прежнемъ состоянiи Россiи, сепаратизмъ разлагалъ бы; при областяхъ этого не будетъ. Не будетъ его и въ массахъ, а агитаторы всегда были и будутъ. Сепаратизмъ — революцiя, и ей поднять голову не дадутъ. Надо думать, что прежнихъ бездарныхъ придворныхъ намѣстниковъ не будетъ. Было время, когда надо было ограничиться губернскими Думами, а теперь область и ничего иного.

— Какъ бы работа въ областяхъ не пошла въ разнобой?

— Разнобой будетъ, и бояться его нечего. Какая-нибудь изъ областей непремѣнно выдѣлится и лучше

всѣхъ поведетъ хозяйство. По ней и станутъ равняться не только остальныя, но власть будетъ имѣть показательный образецъ. . . Этого то и ждетъ Наслѣдникъ. . .

— Вѣрю, — перебилъ правитель, — остается спросить, Земскій Соборъ оставленъ будетъ какъ. . . парламентъ?

— Ни въ какомъ случаѣ — горячо отвѣтилъ Акимъ Петровичъ, — ни законодательными, ни бюрократическими учрежденіями страна перегружена не будетъ. Законы хозяйства и труда разрѣшаются на мѣстахъ. Областной соборъ будетъ работать два мѣсяца въ году, созываемый и распускаемый намѣстниками. А Земскій Соборъ, избранный на десять лѣтъ, созывается Государемъ въ исключительныхъ случаяхъ. Возможно, что и второго созыва не понадобится. Земскій Соборъ озираетъ состояніе государственной жизни и высказываетъ Государю свое сужденіе. Утвердивъ основной законъ, Соборъ имѣетъ о немъ сужденіе лишь съ согласія Верховной власти.

Для согласованія же дѣятельности правительства и областей, ежегодно на одинъ мѣсяцъ, не въ публичныхъ засѣданіяхъ, собирается Малый Соборъ въ составѣ 30 выборныхъ отъ Земскаго Собора и по одному отъ областныхъ. Кругъ вѣдѣнія этого собранія опредѣляется Государемъ и будетъ протекать въ его присутствіи.

Правитель всталъ и, подойдя, обнялъ Акима Петровича.

— Вотъ это мнѣ по душѣ. Я боялся, что Земскій Соборъ обратится въ парламентъ. Но какъ бы интеллигенція не запѣла старыхъ пѣсенъ, да еще съ голоса, все того же запада...

Акимъ Петровичъ тихо засмѣялся, говоря: «не бойтесь, западъ шагаетъ назадъ, да еще какъ! И соціализмъ и парламентъ въ агоніи... На обезумѣвшій капитализмъ надѣнутъ цѣпи. Западъ удушенъ перепризводствомъ;

тамъ не кризисы, а катастрофы... Уже на что Америка, — народъ поднялся на соціалистовъ, заперты границы, поговариваютъ о монархіи... Канада подаетъ примѣръ»...

— Я вѣрю и сознаю, что Наслѣдникъ ѣдетъ въ добрый часъ... найдемъ ли людей, вотъ вопросъ?..

— Найдутся молодые, новые. Послѣдніе старики издали помогутъ...

— А окруженіе, Акимъ Петровичъ, вопросъ не маленькій?

— Наслѣдникъ относится къ нему безразлично. Онъ помнитъ поведеніе старыхъ. Помнитъ и слова покойнаго Государя — кругомъ трусость, ложь и измѣна. Никакого министерства двора не будетъ. Никакихъ гофмаршалскихъ частей, ни придворныхъ чиновъ. При выходахъ будутъ назначаться офицеры и приглашаться члены Собора и Совѣтовъ. Царскими имѣніями будутъ управлять не генералы, а специалисты. И знаете, что Наслѣдникъ рѣшилъ? По лѣтамъ онъ будетъ жить въ имѣніи и хочетъ почему то поселиться въ Казанской губерніи, или въ Бѣлой Церкви. Столица ему мнится въ Москвѣ или въ Кіевѣ или въ Казани. Еще не рѣшено. Онъ много думаетъ и объ образованіи Сибирскаго центра...

Разговоръ стариковъ продолжался еще долго, и въ заключеніе Василій Васильевичъ спросилъ: «ну, а последнее и самое трудное, какъ деньги? золотой то телецъ этотъ самый»?

— Все зависитъ отъ событій ближайшихъ мѣсяцевъ, отъ поведенія народа и Собора. Какъ бы Европѣ не было необходимо сырье, и какъ бы не нуждалась она въ экспортѣ своего издѣлія, она будетъ вести свою линію... удавленія, я назову, Россіи. Европѣ не удался планъ раздѣла Россіи и захвата ея частей. Страны опоздали и не воспользовались нашимъ развaломъ. По счастью ввезенные къ намъ соціалистическіе воры навели тамъ страху... Но перспектива нашей монархіи

западу далеко не улыбается. Наслѣдникъ это знаетъ, и потому ни одного шага къ странамъ не дѣлаетъ, и о содружествѣ съ коронованными собратьями никогда не говоритъ...

— Вы это сознаете? значитъ какой же выходъ безъ займовъ? У насъ же все развалилось, нѣтъ инвентаря, промышленность свернута, шпалы гніютъ, заводы стоятъ, солдаты босые...

— Знаю, но вы же говорили, что послѣдніе годы большевики существовали всего съ ста милліонами золота, и что они могли бы терпѣть еще десятки лѣтъ? Какъ думаете вы, можемъ мы терпѣть?

— Можемъ... но въ любой часъ можемъ и сорваться...

— Выходъ есть, — спокойно отвѣчалъ Акимъ Петровичъ. — При областномъ правленіи и хозяйствѣ Наслѣдникъ видитъ реальную возможность полнаго развитія частной предпріимчивости. Области позаботятся о себѣ сами, энергичнѣе, чѣмъ сдѣлалъ бы это тотъ же старый бюрократическій центръ. Областные соборы, оказавшись лицомъ къ лицу съ нуждой населенія, изыщутъ свои средства, привлекутъ предпринимательскій капиталъ, въ томъ числѣ и съ согласія правительства — заграничный: такимъ образомъ задача казны значительно облегчится и отвѣтственность разложится между силами страны по частямъ.

— А не перепутаетъ это, какъ сторону предложенія кредитовъ и финансированій, такъ и насъ, въ расчетахъ, бюджетѣ государственномъ и областей и прочемъ?

— Не спутаетъ; во первыхъ власть не допуститъ мотовства, грюндерства и спекуляціи. Затѣмъ — дѣятельность частныхъ банковъ будетъ ограничена до минимума и числомъ банковъ и оборотами. Банки будутъ работать лишь въ предѣлахъ области.

Все сосредоточится въ государственномъ банкѣ, съ его областными отдѣлами и сѣтью кредитныхъ товариществъ. Накопленіе средствъ создастся быстрое. Правительство не будетъ производить безпредметныхъ займовъ. Расширится начало подтоварнаго кредита, ипотечнаго, вещнаго и иныхъ...

Биржа будетъ ограничена изъятіемъ изъ котировки государственныхъ бумагъ и части дивидендныхъ, оперируя лишь акціонерными цѣнностями. То, что было трудно сдѣлать при сосредоточіи всѣхъ финансовыхъ органовъ въ центрѣ, гдѣ рука руку мыла, будетъ осуществляться нормально при областномъ хозяйствѣ и контролѣ. Мѣста для грюндерства, вліянія европейскихъ биржъ и банковъ, для хищеній, взятокъ, почти не останется. То, что не разоблачалось въ узлѣ канцелярій и департаментовъ и въ нѣкоторыхъ кабинетахъ международныхъ банковскихъ мошенниковъ, будетъ уловимо въ хозяйствѣ области, и всякія панамы въ корнѣ пресѣклись бы соборами, независимыми намѣстниками, областнымъ правленіемъ и контролемъ. У министровъ не будетъ своихъ чиновниковъ и генераловъ, и графовъ, и купцовъ, коимъ потворствовали и которыхъ приходилось прикрывать. Милліарды окажутся въ распоряженіи не безотвѣтственныхъ, за ошибки и хищенія бюрократіи и парламента, а въ вѣдѣніи областей, которыя, тратя свои деньги, должны будутъ сами ихъ добывать и оборачиваться. Но есть и еще одно: придется брать примѣръ съ большевиковъ въ ихъ гоненіи на спекуляцію. Власть потребуетъ отъ суда примѣненія безпощадныхъ мѣръ наказанія за всѣ виды воровства и лихоимства.

— Все это будетъ, и я вѣрю въ будущее, но поймите же, народныя силы растрачены, хаосъ во всемъ, не за что взяться, все гнилое. . . Средства необходимы сейчасъ. . .

— Понимаю, Василій Васильевичъ, и успокаиваю васъ. Какъ бы не тѣснилъ насъ Западъ, средства найдутся. Не забывайте главнаго: наша земля свободна отъ долга; вся бывшая надѣльная земля, вся Сибирь и степи не заложены. И такихъ земель — до милліарда десятинъ. Во всемъ мірѣ ипотечные долги на землю; у насъ земля свободна. Рядомъ съ объявленіемъ земли собственностью ея пользователей, будетъ учрежденъ государственный Земельный банкъ, и съ нимъ откроются широкія возможности равномѣрнаго привлеченія заграничнаго капитала къ ипотечнымъ кредитнымъ операціямъ. Если Соборъ уяснитъ себѣ эту мысль и встанетъ твердо на начало собственности и предпріимчивости и не побоится очень осторожно ввести землю въ сферу кредита... обезпеченіе займовъ реально и лучшей гарантіи капиталу не существуетъ...

— И Наслѣдникъ на это согласится? Вѣдь Цари сумѣли сохранить народу землю не заложенной?

— Да, это ихъ заслуга. Но въ этой опекѣ была и другая сторона: убивалась всякая предпріимчивость, земля замерла въ рукахъ лѣниваго и неподвижнаго народа. Впрочемъ, не будемъ спорить. Наслѣдникъ пойдетъ на земельный заемъ лишь въ крайности и на землю, какъ на товаръ, смотрѣть не позволитъ.

— А уплата заграничнаго долга?

— Соборъ долженъ его признать. Но какія бы то ни было спекулятивныя претензіи странъ - кредиторовъ — исключаются. Ростовщическіе аппетиты сумѣемъ обуздать...

Правитель задалъ послѣдній вопросъ:

— А если Соборъ не приметъ основныхъ положеній Наслѣдника: земля, область и прочее, — созывать новый?

Акимъ Петровичъ долго не отвѣчалъ и потомъ тихо сказалъ:

— Я вамъ довѣрю мысль Наслѣдника, но раньше спрошу: вы, кончивъ свою миссію, уйдете?

— Да, я вѣрю въ милость Государя. Онъ меня освободитъ. Замѣнитъ молодымъ. Періодъ диктатуры будетъ длительный.

— Такъ вотъ, слушайте. Наслѣдникъ не допуститъ комедіи, двухъ-трехъ созывовъ Собора. Государь вѣритъ въ народное собраніе и зорко учитываетъ народное настроеніе. Политическаго шутовства и переворотовъ онъ не допуститъ. Онъ позитивистъ, знаетъ комедію жизни, знаетъ, что люди — младенцы, и тѣмъ не менѣе онъ встрѣтится съ Соборомъ, какъ съ народомъ. Ничего нѣтъ легче, и этотъ, и другой соборъ выгнать вонъ... Но Государь смотритъ иначе. Онъ выслушаетъ, призоветъ къ дѣлу, объявитъ свои условія и если его планъ встрѣтитъ отпоръ, то онъ уѣдетъ, предоставляя Собору устраиваться съ кѣмъ угодно, но не съ нимъ... Но если ему покорятся, онъ весь отдастся служенію, и я вижу, какъ изъ тихаго и простого, онъ подымется надъ всѣми нами... Царемъ!

Правитель слушалъ, волнуясь...

— Ну, а теперь моя очередь васъ спросить, — сказалъ на прощаніе Акимъ Петровичъ, — а если соборъ сорветъ этотъ уже чудесно проявленный духъ народный, или вмѣшается улица, вы какъ поступите?

Правитель засунулъ свою трубку въ карманъ и, хрустнувъ пальцами и криво улыбнувшись, отвѣтилъ:

— Въ первомъ случаѣ я соборянъ повѣшу, а во второмъ... отъ людей паръ до небесъ пойдетъ, если попробуютъ. Я, Акимъ Петровичъ, человѣкъ старый и что дѣлать — знаю...

— Ну, да Богъ милостивъ, — кончилъ онъ и перекрестился, — съ нами Богъ, разумѣйте языци! Отъ васъ сегодня хорошее слышалъ: поставимъ народу Царя, ум-

наго, честнаго. Спайка будетъ чудесная! Хорошо у меня на душѣ и самъ не знаю, що се значимо. . .

За окнами несла пурга. Заворотили къ ночи черныя тучи, и въ полѣ неслась безтолковая мятель, будто послана была отъ мачехи зимы напугать подходящую весну...

Но не мѣшала та пурга крѣпко заснуть старому правителю. По матери великороссъ, по отцу малороссъ, онъ мягко стлалъ, да жестко было спать. Захоти онъ, и ленинскій терроръ разыграетъ и съумѣлъ бы политику подвести не хуже и Наполеона, и Кромвеля, и кого угодно. Но умный старикъ на геніальность не претендовалъ, и какъ рулевой, знай себѣ, правилъ по серединѣ, желая довезти своего Государя до берега Москвы, а тамъ — чудилось ему, — самъ Государь побѣдитъ и своимъ саномъ, и личностью. . .

VIII.

Въ апрѣлѣ, изъ Челябинска, Наслѣдникъ держалъ путь на Кіевъ. Слыша о встрѣчахъ его въ Сибири, и по Волгѣ, и на югѣ, народъ заходилъ ходуномъ.

Остановки были въ Самарѣ, Сызрани и въ Воронежѣ. Наслѣдникъ, выходя на вокзалъ, коротко бесѣдовалъ съ представителями губернскихъ совѣтовъ.

Въ Кіевѣ, какъ и въ Томскѣ, и въ Екатеринбургѣ, Наслѣдникъ сѣлъ на чью-то офицерскую лошадь и по Крещатику, безъ свиты, тронулся въ Лавру. Неожиданно онъ остановился среди толпы и, не повышая голоса, поднявъ лишь руку и снявъ фуражку, внятно и звучно произнесъ:

— Будемъ беззавѣтно любить и чтить великій Кі-

евъ, гдѣ родилось наше величайшее въ мірѣ Государство...

За минуту до того полная тишина нарушилась оглушающимъ стономъ «ура». Массы народа дрогнули. Громовые клики Кіевлянъ, волнами и рокотомъ, понеслись по улицамъ. Народъ рвался приблизиться къ Наслѣднику и первымъ рядамъ, сцѣпившимся руками, пришлось отчаянными усиліями удерживать напоръ толпы.

Медленно, среди раздвигавшагося народа, Наслѣдникъ прослѣдовалъ въ Лавру, гдѣ его ожидало бѣлое и черное духовенство во главѣ съ Митрополитомъ...

Обѣдня уже отошла, и Наслѣдникъ просилъ Владыку отслужить всенародное молебствіе. Какъ и въ Томскѣ, напряженное состояніе завершилось всеобщимъ колѣнопреклоненіемъ и могучимъ, много разъ повтореннымъ пѣніемъ: «Спаси, Господи, люди Твоя»...

Массы все прибывали. Чернымъ черно было на площадяхъ, улицахъ и крышахъ. Населеніе побросало полевыя и всякія работы и стремилось на путь Наслѣдника, возвращавшагося одиноко на вокзалъ.

— Ждите рѣшенія собора и заботьтесь неустанно о порядкѣ края, — отвѣтилъ онъ на привѣтствіе собравшихся губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ.

Командующій войсками въ Малороссіи доложилъ о явившихся депутаціяхъ, въ томъ числѣ — еврейской. Наслѣдникъ отложилъ пріемъ депутацій до іюня и добавилъ:

— Приму и еврейскихъ посланцевъ въ числѣ иновѣрческихъ группъ. Всѣ иностранцы, полезные и безвредные странѣ, встрѣтятъ сочувствіе власти, а если соборъ признаетъ евреевъ составною частью націи страны, они будутъ равноправны.

Желая забѣжать событія и побаиваясь отвѣтствен-

ности, командующій, генералъ старой школы, доложилъ о признакахъ броженія въ народѣ и о возможности погромовъ, которые временно утихли...

А предсѣдатель кіевскаго совѣта, промышленникъ, человѣкъ прямой и рѣзкій, сказалъ:

— Беру на себя смѣлость, ваше Высочество, сказать, что поголовщина неминуема. Евреевъ сметутъ. Они бѣгутъ зря на границы, создавая панику. Только ваши слова могутъ воздѣйствовать...

Окружающіе слышали эти слова, и они мгновенно передались въ толпу, окружающую вокзалъ. Гулъ голосовъ, гулъ ропота и угрозъ, не ускользнулъ отъ слуха Наслѣдника, и онъ возвысилъ голосъ:

— Люди Украины, слушайте чутко слова и рѣшенія Земскаго Собора и мои. Въ наступающіе важные дни каждое слово и рѣшеніе будетъ взвѣшено и каждое дѣйствіе народа — учтено. И я требую, чтобы эти серьезнѣйшіе дни протекали среди населенія безъ насилія и крови. Слышите ли? Я этого требую...

Опять оглушительное, радостное «ура» понеслось съ вокзала на площадь и грозными перекличками еще долго стояло надъ городомъ, оглашая Днѣпръ и разносясь въ окрестности.

На Кіевъ палъ ясный весенній вечеръ. Народъ былъ взволнованъ и искрененъ. Ждали новаго, и оно появилось въ лицѣ этого проѣхавшаго среди тысячъ людей Наслѣдника. Извела людей до нельзя бѣдность, недостатокъ всего, наушничанье, слухи, угрозы, шпіонство, ожиданія, разочарованія, безденежье, голодовка, болѣзни, бунты, застѣнки, кровь и вѣчная, окаянная среди всѣхъ, — ложь...

Подыматься сталъ народный духъ. Явилась надежда и зашептали старые крестьянскіе и бабьи голоса:

— Надежда Царь! Авось, да хорошее придетъ... Господь не оставитъ.

И въ глазахъ людей еще долго стоялъ образъ ѣхавшаго среди нихъ человѣка, съ добрымъ и яснымъ, ласково улыбающимся лицомъ, со взоромъ, говорящимъ:

— Я радъ быть съ вами. . .

Въ поѣздѣ настроеніе Наслѣдника омрачилось неожиданнымъ событіемъ. На вокзалъ прибыла большая группа «бывшихъ людей» и пріѣхавшихъ эмигрантовъ, частью чиновниковъ, частью прежнихъ владѣльцевъ латифундій и бывшихъ придворныхъ, во главѣ съ графомъ Г., молодымъ и самонадѣяннымъ человѣкомъ.

Четверо изъ этой группы какъ то проникли въ вагонъ и уговорили Акима Петровича ихъ представить.

Вмѣсто короткаго слова, графъ Г. произнесъ пространную, увѣщевательную рѣчь, кончавшуюся такъ:

— Мы полагаемъ, ваше Высочество, просить васъ остаться въ Кіевѣ, дабы успѣть организовать подобающую сану вашему и торжеству въ Москвѣ, — окруженіе изъ людей съ извѣстнымъ прошлымъ, именами и заслугами былой мощи Государства Россійскаго. Мы хотѣли бы, чтобы вы,, какъ по бархатному ковру, вступили въ Кремль, дабы возглавить имѣющую возстать конституціонную монархію. Вступая вновь въ семью цивилизованныхъ странъ, новая Россія займетъ не послѣднее мѣсто, и мы готовы, ваше Высочество, обставить ваше вступленіе должной торжественностью, окружая васъ вѣрными людьми. . .

Знакомъ руки Наслѣдникъ остановилъ графа.

— Хочу вѣрить, что вами руководитъ чувство, но не одобряю выступленія отъ несуществующей корпораціи. Я удивленъ слышать о заслугахъ вашихъ. Отъ предковъ нѣкоторыхъ изъ васъ заслуги неотъемлемы, какъ и отъ всего бывшаго помѣстнаго дворянства. Но вы являетесь не отъ него, и оно бы такъ не представилось. Затѣмъ, — заслуги прежняго, многихъ бывшихъ, стерты потомками ихъ въ 1917 году, и вы это, вѣроятно, помните.

Работайте, господа, и страна васъ оцѣнитъ. Но кромѣ всего, я хочу чтобы всѣ знали, что будущему Государю никакихъ ковровъ для шествія не нужно. Происходящее — жизнь, а не комедія, правда, а не форма, суть, а не фантазія. Безъ всякихъ торжествъ проходитъ въ жизнь правда, и если суждено быть Царству, то объ этомъ узнаютъ безъ всякой рекламы и безъ помпы всѣ, кто Россіей интересуются и кто ее любитъ.

Наслѣдникъ склонилъ голову въ знакъ конца бесѣды и удалился...

— Государь создаетъ себѣ враговъ... Но гдѣ и у кого истинные друзья? — подумалъ Акимъ Петровичъ, глядя на недовольныя лица первой общественной делегаціи.

На маленькой станціи, недалеко отъ Чернигова, Наслѣдникъ пожелалъ сдѣлать остановку. Ему хотѣлось послѣдній разъ переговорить съ приближенными и съ прибывшимъ командующимъ арміей, съ Петренко и двумя кандидатами на старшинъ въ Волжскую и Казанскую область. Первый былъ торговецъ, умный, но извѣстный своей рѣзкостью. Второй, былъ помѣщикъ, и работая съ Васильемъ Васильевичемъ, первый поднялъ крестьянское возстаніе въ Спасскомъ уѣздѣ; его особенно любили татары, мордва и чуваши.

Эти старшины, отъ имени населенія, пріѣхали просить созыва областныхъ соборовъ, ручаясь за порядокъ. «Лишь бы Государь вступилъ скорѣй на Царство», — значилось въ сотняхъ посланныхъ адресахъ. Тѣ же пожеланія шли изъ губерніи Тамбовской, Пензенской и изъ Серединной области...

— Не худо бы, Государь, людей нашихъ послушать. Ревомъ реветъ народъ. Измаялись, ждать не желаютъ. Коммунистовъ въ чистую засудили. Перевѣшали наро-

ду пропасть, нѣкоторыхъ еле отстояли. Боятся, что въ Москвѣ опять «говорить» начнутъ. «Довольно, говорятъ, болтать, Христа ради, говорятъ, довольно! Своими соборами вродѣ какъ опору хотятъ вамъ сдѣлать. Ужъ простите, хорошо говорить то я не гораздъ», — докладывалъ Волжскій старшина.

Наслѣдникъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Нельзя до Земскаго Собора созвать и спросить всѣ соборы. Терпите, придетъ ваше время огромной работы. Если Богу угодно, я самъ пріѣду открыть областные соборы. Будемъ вмѣстѣ ставить двѣнадцать столбовъ Россіи.

Взволнованный старшина поцѣловалъ протянутую руку Наслѣдника, а потомъ началъ его тискать, обнимать и въ лицо поцѣловалъ.

— Умно это ты, Государь, сказалъ, а главное, что самъ пріѣдешь. Такъ и перескажемъ народу. . . дождемся. . .

Все было бы ладно въ тотъ теплый весенній день, если бы не мелкій случай, нарушившій настроеніе Наслѣдника.

Навстрѣчу ему, во время прогулки по платформѣ, вывалился изъ двери пьяненькій начальникъ станціи и, ругаясь, чуть не сшибъ съ ногъ Акима Петровича. Лицо Наслѣдника перекосилось отъ гнѣва. Онъ схватилъ пьянаго за воротникъ и, держа на вѣсу, сдалъ подбѣжавшимъ людямъ.

— Отдайте его подъ судъ, сказавъ суду, что я первый и послѣдній разъ дѣлаю незаконное постановленіе, — посадить этого пьянаго на служебномъ посту, на годъ въ тюрьму. Пусть знаютъ, — я изгоню пьянство и кабаки и рестораны. Я буду неумолимъ къ безпутнымъ и распутнымъ.

Дмитрій Сергѣевичъ, финансовый докладъ котораго былъ на очереди, тихо сказалъ Акиму Петровичу:

— Ну, ау мой планъ развитія винокуренія! Подвернись же это лбище некрестимое, чортъ бы его побралъ!

Акимъ Петровичъ засмѣялся:

— Да, это кандидатъ на врага Государя. А что скажутъ наши поборники «веселія пити», всякихъ кабацкихъ наслажденій, всякихъ Яровъ, Роде и прочихъ? Такая оппозиція пойдетъ подъ знамена Керенскихъ и Милюковыхъ, съ ихъ свободами. . .

— Будетъ просто, — вмѣшался Петренко. — Они останутся около вертеповъ Парижа, Берлина и Монте-Карло. Они расплодили и тамъ русскій разгулъ. Страна поклонится Наслѣднику, если онъ спасетъ отъ него общество и народъ.

Живя недѣлю на станціи, Наслѣдникъ выслушивалъ послѣдніе доклады. . . Очень волнуясь, кончилъ свою рѣчь Дмитрій Сергѣевичъ, вставляя въ нее рядъ «ученыхъ» словъ.

— Изъ финансоваго хаоса нельзя ничего сразу создать. Приходится пользоваться аппаратомъ банка большевиковъ. Боюсь, ваше Высочество, что мы внесемъ хаосъ въ хаосъ, перелагая часть бюджетныхъ правъ на областные соборы, пока не вырѣшатся налоговый, эмиссіонный и другіе вопросы. Необходима напряженнѣйшая, подготовительная работа, новые аспекты съ опредѣленіемъ доходностей областей. Правда, по заготовленнымъ примѣрнымъ смѣтамъ и сложеніи цифръ доходовъ областей, — размѣръ государственныхъ доходовъ превышаетъ расчеты, сдѣланные по старымъ системамъ центра. Но все это гадательно. Трудность такого перестроенія финансоваго хозяйства громадна. Разгрузка государственнаго банка на конторы,

частно банковская политика, новый нормальный уставъ банковъ, кредитная система и все остальное — неимовѣрно сложно.

Наслѣдникъ его остановилъ:

— Уѣздъ — корень жизни и хозяйства страны. Бюджетъ уѣздовъ опредѣлится скорѣе и точнѣе всего. Вѣдь у насъ есть сводка сложенія бюджетовъ уѣздовъ по губерніямъ? Опредѣлимъ и производственныя, и податныя способности областей. Заработали бы уѣзды; а валъ областной задвигается...

— Да, ваше Высочество, система трансмиссій не такъ уже сложна. Мы ее координируемъ по отраслямъ, и изъ новой формы, Богъ дастъ, родится новое «русское дѣло», но не ясно мнѣ, какъ при такой географической и экономической парцеляціи хозяйства, — подойдемъ мы къ вопросу неизбѣжныхъ займовъ, гарантій и прочему?

— Правительство откроетъ собору и черезъ него народу глаза на положеніе вещей. Проснется же патріотизмъ. И, если проснется, народъ будетъ еще терпѣть нужду...

— Только бы выиграть время. Съ проведеніемъ закона о собственности я поведу планъ вашего Высочества, поставить сельское хозяйство на раціональный промышленный путь. Къ сельскому хозяйству, въ стройномъ групповомъ поселковомъ устройствѣ единицъ хозяйства, парцелированныхъ на территоріяхъ, примѣрно, въ сто тысячъ десятинъ, при независимости, свободѣ и правѣ личной предпріимчивости хозяевъ, — съ паевымъ началомъ и участіемъ въ прибыляхъ, вложеннаго въ групповыя хозяйства капитала, притокъ иностраннаго капитала будетъ сильный. При такой системѣ, развитіе сахарнаго, мукомольнаго, масличнаго, лѣсообрабатывающаго и другихъ отраслей, — возможно. Проведеніе электрической силы, улучшеніе скотоводства, селекція сѣмянъ, склады орудій, агрономиче-

ская помощь, ирригація и осушеніе, съ участіемъ крестьянъ, пріобрѣтающихъ акціи, — все это осуществимо и, ставъ на путь рентабельнаго участковаго, группового хозяйства, — области подымутся и найдутъ средства...

— Планъ есть, но не будемъ загадывать, — перебилъ Наслѣдникъ, — я радъ, что среди васъ шестерыхъ нѣтъ разногласій. Это — главное. Представьте финансовый вашъ планъ правителю для напечатанія и представленія Собору.

Уходя, Дмитрій Сергѣевичъ остановился.

— Ваше Высочество, у меня ворохъ проэктовъ, присланный отъ эмиграціи. Въ числѣ ихъ — проэкты бывшихъ министровъ и масса любительскихъ, партійныхъ...

Наслѣдникъ улыбнулся и, подумавъ, сказалъ:

— Когда будетъ время, интересно познакомиться съ проэктами возрожденія.

Встрѣтивъ Акима Петровича, Дмитрій Сергѣевичъ передалъ ему свое впечатлѣніе отъ разговора:

— Сознаю, что въ нашемъ построеніи не мало диллетантскаго, и съ точки зрѣнія науки — авантюризма. . .

— А развѣ міровая финансовая наука — не сплошной авантюризмъ? Не скромничайте, вашъ законопроэктъ серьезенъ.

— А все таки беретъ сомнѣніе.

— Въ чемъ? Развѣ есть другой выходъ? Или возвращаться къ старому? Къ преступному авантюризму Витте и рабскому слѣдованію его экспериментамъ послѣдующими чиновниками? Эхъ, голубчикъ мой, развѣ же всѣ науки не оказались диллетантскими? Науки и проблемы разбиты эпохой, разоблачены и требуютъ пересмотра. Берите изъ наукъ мудрое, но не склоняйтесь передъ ихъ непререкаемостью. Идите твердо — **деньги землѣ.** Она все вернетъ сторицей. . .

Откровененъ былъ докладъ Наслѣднику командующаго арміей:

— Армія, ваше Высочество — орда. Въ ней живетъ еще революціонный духъ. Она оспариваетъ у крестьянства заслугу сверженія большевиковъ. Въ рядахъ ея застряли скрытые соціалисты и всякіе преступники. У большевиковъ солдатъ жилъ, хотя и въ тискахъ, но на виду. Ихъ казнили, били, какъ собакъ, но принципъ — «чего моя нога хочетъ» — царилъ. Въ походахъ было безудержное мародерство. Въ рядахъ — шпіонство, подкупъ, любимчики. За каждымъ полкомъ стояла часть какихъ-то вѣрныхъ власти. Затѣмъ, съ революціей введено огромное жалованіе, и чуть что — ропотъ. Улучшеніе идетъ, но еще туго. . .

Наслѣдникъ выслушалъ мрачное сообщеніе и отвѣтилъ рѣзко:

— Я для того и ввѣрилъ вамъ, молодымъ, военное дѣло, чтобы вы его быстро возстановили. Дѣлайте чудеса, но создавайте и духъ, и строй арміи. Если духъ народа поднимется до сознанія необходимости порядка и покорности власти, — на высотѣ будетъ и духъ арміи. Отъ васъ всѣхъ я требую суровой дисциплины. Расформировывайте, очищайте отъ преступниковъ, собирайте изъ лучшихъ частей ядро. Дѣло ваше. Россія ждетъ отъ васъ не разговоровъ, не жалобъ, а дѣйствій. . .

Иного характера велась бесѣда Наслѣдника съ Иваномъ Сидоровичемъ Смѣхомъ.

Всегда бодрый, улыбающійся, съ готовымъ острымъ и ироническимъ словомъ, Смѣхъ ходилъ понурый и не казался на глаза Наслѣднику.

А любилъ онъ его, какъ свое дитя. Караулилъ каждый его шагъ, каждое рѣшеніе, и чуя то ту, то другую ошибку, забѣгалъ то къ Акиму Петровичу, то къ «самому» и предупреждалъ. И Наслѣдникъ, и Акимъ Петровичъ знали, что всякое слово Смѣха всегда «навѣрняка»,

и втайнѣ считали его лучшимъ совѣтникомъ. Сметка и знанія у Смѣха были огромныя, и нюхъ на людей — волчій.

Наслѣдникъ замѣтилъ наконецъ перемѣну въ своемъ другѣ и спросилъ:

— Что смѣхъ не веселъ, голову повѣсилъ?

— Не до смѣху, ваше Высочество, уѣзжать надо. . .

— Какъ, передъ Москвой уѣзжать? Ну, этому не бывать! — воскликнулъ Наслѣдникъ.

— Не могу, ей Богу, не могу, Государь. Не примите за ослушаніе. И почему не могу, не скажу. Простите за дерзновеніе. . .

Не любилъ и самъ Наслѣдникъ преувеличенныхъ шутокъ, и къ царственной фамильярности и опрощенію душа его не лежала. Не любилъ онъ и пустыхъ словъ и дѣлъ и такихъ же людей. Всячески избѣгалъ онъ снобовъ, кривлякъ и нахаловъ. Смѣха же онъ любилъ не только дружески, но и какъ собирательнаго лучшаго русскаго, и съ сотней такихъ, — думалось ему, — Россію бы онъ скоро устроилъ. . .

Втроемъ сидѣли они въ палисадникѣ станціи. Вечеръ былъ теплый, безвѣтренный, и лишь изрѣдка налеталъ влажный вѣтерокъ, играя кудрями Наслѣдника, да молодой листвой тополя въ садикѣ.

Изъ поля доносилась пѣсня хохла, да чей нибудь окрикъ или свистокъ паровоза. Населенію было сказано, что пріѣхалъ де какой-то генералъ. Потолпились люди и отошли. . . Караулили станцію — сибирскій конвой, да еще какое-то чучело, изображавшее жандарма, да четыре гуся при немъ, какъ при жандармахъ водится. Но и гуси были какіе-то чудные, — знай себѣ полощатся въ лужѣ у семафора. . . Оранжевый закатъ окрасилъ станційку и сидящихъ людей. . .

Грустно было Наслѣднику разстаться съ Смѣхомъ Привыкъ онъ его знать возлѣ, да и связь ихъ была большая. Коли бы не Смѣхъ, не тронулся бы онъ въ Москву. Его рѣзкій уговоръ запалъ Наслѣднику въ голову, и онъ помнилъ грубыя, но страстныя слова, повитыя русской мукой, и бѣдой, и нуждой великой:

— Не смѣешь ты не идти, когда нуженъ Царь народу, когда молитъ онъ взаправду у Бога Царя. Рано ли, поздно-ли, то не твое дѣло. Но Россія въ твоей рукѣ нуждается. . . — окрикнулъ его тогда Смѣхъ, колеблющагося.

И, помолясь, онъ тогда и рѣшился выступить.

А Смѣхъ, сидя невдалекѣ, на сочной травѣ, разглядывалъ изподлобья своего ставленника и тоже съ тоской думалъ о разлукѣ.

Не слезливъ былъ Смѣхъ, но вѣтромъ видно обдуло или пылью глазъ повредило, но Акимъ Петровичъ видѣлъ, какъ онъ украдкой смахнулъ слезу, чтобы «тотъ» не видѣлъ. . .

А Наслѣдникъ чертилъ палкой по влажному чернозему и послѣ долгаго молчанія заговорилъ своимъ пѣвучимъ голосомъ:

— Ну, поѣзжай съ Богомъ. Ты воленъ въ себѣ. Заслужилъ отпускъ, что говорить. . . А надолго уѣдешь ты?

— До осени, видно, а тамъ повелите, вернусь повидать.

— Жить возлѣ, а не повидать.

— Нѣтъ, Государь, жить возлѣ — не по мнѣ. Завидовать будутъ. Мнѣ по масти то моей и должности нѣтъ.

— А въ имѣніи, гдѣ я буду жить. . . управляющимъ?

— Вотъ это дѣло! — первый разъ радостно вспыхнулъ Смѣхъ. — Это я управлю. Въ помощникахъ буду у Акима Петровича. На удивленіе хозяйство заведемъ! Ей

Богу! . . И заводы будутъ: сахарный и крахмальный. И складъ товаровъ оборудуемъ, и мастерскія, и машинъ навеземъ, и дороги по нѣмецкому образцу устроимъ, и вродѣ театра для мужиковъ, и школу церковную заведемъ. Вродѣ, какъ маленькую Россію наладимъ, на удивленіе всѣмъ и на показъ! Чтобы народъ кругомъ примѣръ бралъ, и нашею помощью бы, — не даромъ, нѣтъ — упаси Богъ, а за деньги пользовался бы. . . На паяхъ бы мы мужиковъ къ себѣ приняли. . . чтобы отъ того образца и заведенія и намъ, и имъ прибыль бы была. Вродѣ, какъ Петръ — потѣшное хозяйство заведемъ. . .

Горячо сказалъ это Смѣхъ и затихъ и опять осунулся. . .

— Сдѣлаемъ, Смѣхъ, все сдѣлаемъ. И хорошо, что ты Церковь не забылъ. Не надо забывать, что государство не фабрика, а живой организмъ, и что главная его духовная сила — вѣра народная.

Смѣхъ опять ласково взглянулъ на Наслѣдника и залюбовался имъ. Строгое было лицо Наслѣдника, часто напряженно задумчивое. И тѣмъ краше была появляющаяся и быстро меркнувшая улыбка. Изнутри шла та улыбка, будто душа вспыхивала и передавала радость лицу. . .

— Все это вещи большія, а хотѣлъ я сказать на прощаніе одну вещь. . . Можно ли?

— Говори, Иванъ Сидоровичъ, слушаемъ, — былъ отвѣтъ.

— Не бойтесь, ваше Высочество, областного строя. Знаю, иногда васъ опаска беретъ. Ну, только выхода иного нѣтъ и твердо стойте на немъ. Еще говорили мы о людяхъ. Мало у насъ ихъ, словъ нѣтъ, но избраннымъ, Государь, вѣрить надо. Дробить власть и раздавать права безъ вѣры въ людей — нельзя. Пять ли, десять, а найдутся настоящихъ, на нихъ и слѣдуетъ положиться.

Но требовать, чтобы не смѣли врозь идти. Чтобы за спиной ничего другъ про друга не смѣли говорить. Заглазничество — русскую повадку, — надо вывести. Иначе пропадемъ мы! Второе дѣло, — чтобы среди умныхъ и честныхъ не завелся бы дуракъ и плутъ, — по годамъ ли, по чину, по родству ли какому. Разбередитъ такой человѣкъ компанію... и пошло тогда тлѣть злое, да глупое. А хорошимъ людямъ вѣрить надо... Изъ смычки такихъ людей довѣріе потечетъ къ хорошимъ, а дуракамъ и плутамъ никакой законъ не писанъ. Имъ никто, кромѣ палача, не угодитъ.

И еще одно скажу. Хорошій хозяинъ дюже рѣдко обѣщается. Власть, по моему разуму, обѣщать не должна, а дѣлать должна. У васъ это законопроэктами зовется. Слово длинное и пусть имъ занимается, кто долженъ. Но не Царево дѣло бумаги писать! Вотъ, когда Царева голова поспѣетъ къ какому закону, тогда и столбъ врыть. Царь свою фамилію давать долженъ, какъ въ день высокосный, подъ первѣющіе законы, отъ которыхъ, какъ отъ посѣва, ростъ пойдетъ. А по мелочамъ Царю своей головы утруждать не слѣдуетъ. Не даромъ пословица говоритъ: у него Царь въ головѣ, — это значитъ высшее до человѣка добралось, чего выше на землѣ не бываетъ...

Вся тяжесть черной работы съ головы Царевой должна спасть. Области то тутъ, какъ тутъ и будутъ. Какъ хозяинъ въ усадьбѣ, управлять будетъ Царь, и интересно ему будетъ, что хутора на дѣло направлены. Все какъ на картинѣ ему видно будетъ. А хозяинъ онъ, и имѣніе одно. Области другъ передъ дружкой соревновать будутъ, ну и изъ закона одна область другой выходить не дастъ. Народъ это пойметъ и изо всѣхъ силъ тянуться и гордиться будетъ, Царю - хозяину помогать имѣніе устроить, да такъ, чтобы сыну Государеву, сдать все въ порядкѣ... не ровенъ часъ!..

Смѣхъ сразу прервалъ свою рѣчь, вскочилъ съ земли и весь такъ и вытянулся, рослый, широкій.

— Простите, Государь, рѣчь мою. Нескладна она, и не смѣлъ я такого говорить... не обезсудьте...

— Наслѣдникъ тоже всталъ, и первый разъ, и перваго человѣка, обнялъ онъ крѣпко, крѣпко, какъ родного.

Смѣхъ схватилъ руку Наслѣдника и долго, горячо ее цѣловалъ... и потомъ говорилъ Наслѣднику на прощанье:

— Большія деньги истратилъ я, ваше Высочество. Очень большія. И истратилъ не зря. И это еще капля въ морѣ. Въ Москвѣ къ вамъ люди явятся и ни одна душа не узнаетъ какъ. И оттуда же помощь вамъ будетъ безграничная. Живите только, Государь. Да хранитъ васъ Господь, — и опять, не удерживая на этотъ разъ слезъ, Смѣхъ приникъ къ рукѣ Наслѣдника.

Акимъ Петровичъ, не желая стѣснять обоихъ, отвернулся и отошелъ, слыша, что Наслѣдникъ говоритъ что-то тихо Смѣху.

Онъ зналъ причину отъѣзда Смѣха: у него былъ ракъ, и ѣхалъ онъ на тяжелую операцію. Давно страдая, онъ перемогался, чтобы не смутить покоя Наслѣдника.

IX.

Поѣздъ Наслѣдника тронулся въ Москву ночью. На утро правитель объявилъ о имѣющемъ быть прибытіи Наслѣдника. Народная громада зашевелилась. Въ Москву отовсюду ѣхали поѣздами, усиленными нарядами которыхъ озаботился Уайтъ, а многіе люди изъ уѣздовъ тащились пѣшкомъ и на подводахъ...

За два дня до въѣзда Наслѣдника правитель бесѣдовалъ съ намѣченными выборщиками въ предсѣдатели Собора, Трофимомъ Михайловичемъ. Пермякъ, промышленникъ, бывшій лѣсоторговецъ, онъ никогда, ни въ какую общественную работу не вникалъ. Разоренный революціей, онъ скрылся въ Вятскія дебри и лишь въ 19... году появился на Камѣ и выбранъ былъ вождемъ очень сильнаго тайнаго Волжскаго союза.

Надо было быть русакомъ, хитрымъ, упорнымъ и ловкимъ, чтобы обойти евреевъ такъ, какъ онъ ихъ обошелъ, считаясь у нихъ дѣльцомъ и «спецомъ» по лѣсному дѣлу. Безпартійный, онъ увѣрился было, что народъ монархіи не приверженъ, и въ себѣ таилъ планъ республиканской конституціи по образцу Америки. Но послѣ недостойныхъ и неумныхъ маневровъ Европы въ 19... г. съ совѣтской властью, Трофимъ Михайловичъ началъ оглядываться. Народъ заговорилъ по другому. Безхозяйственная глупость, повальный грабежъ, насиліе, безтолочь большевиковъ, были таковы, что тамъ, гдѣ были комиссары и куда доходили приказы Москвы, всякое дѣло разлагалось и всякаго дѣлового человѣка охватывала жуть отъ неслыханнаго въ мірѣ рабства и насилія. . .

Но когда зашевелилась Сибирь, Уралъ, уѣзды на Волгѣ, и начались избіенія коммунистовъ, и когда поднялись кровавыя возстанія въ арміяхъ, Трофимъ Михайловичъ сталъ ко всему прислушиваться. О Царѣ народъ заговорилъ осторожно, съ опаской, но упорно, разбираясь, почему нуженъ Царь, а не республика. . .

— Чтобы не выбирать. Опять застрянемъ, выбираючи. Опять подлецы на верха пройдутъ. . . Нуженъ законный, какого не купишь, который безъ выбора. . . всѣмъ народомъ одного признать. . . Цари тысячу лѣтъ были! Царя! . .

А когда явилось имя и съ нимъ твердое условіе об-

ластного строя съ совѣтами и собственностью, Трофимъ Михайловичъ учуялъ стихійный гулъ народнаго говора и, объѣхавъ Приуральскую Россію, рѣшилъ начинать. Его «союзъ десятки» бросилъ по Волгѣ слова: «Царь, соборъ, области», — и слова эти какъ вѣтромъ понесло.

Найдя на Уралѣ правителя, онъ съ нимъ сговорился и началъ работать по выборамъ въ Соборъ.

Шумно, безтолково, мѣстами съ побоями, шли выборы. Мѣшали соціалисты. Увертывались и кое-гдѣ мутили коммунисты. . .

Гдѣ тычкомъ, гдѣ окрикомъ, гдѣ уговоромъ или шуткой, Трофимъ Михайловичъ то мирилъ, то отступалъ. Выборы пошли толковѣе. . . Впереди шелъ среднякъ и кулакъ и всякіе бывшіе собственники. Но пропускались и безлошадные. Властную фигуру, сметку и приказъ, появляющагося всюду Трофима Михайловича, стали признавать многіе. . .

Выборныхъ въ Москву прибыло 790 человѣкъ, а любопытныхъ изъ губерній прибавлялось день за днемъ множество. Первые дни шелъ хаосъ и начались сплетни. Пустили слухъ, что соборовъ будетъ много, что разгонять будутъ, что у мужиковъ землю отберутъ и сгонятъ всѣхъ въ Сибирь и что старые министры пріѣхали.

Шла колгота. . .

Задирать и подговаривать начали подгородніе тверцы, владимірцы и москвичи. При совѣтахъ они жили богато, накупили мебели, барской одежды, картинъ, и жалковали о совѣтахъ. Слушая подгороднихъ, заершились и пріѣхавшіе южане, зароптали было и казаки. А когда выборныхъ отвели въ манежъ, да солдатъ кругомъ поставили, то у соборянъ пошелъ совсѣмъ плохой

говоръ. Раздались голоса, что соборянъ въ тюрьму загнали, что молъ не лошади они и не солдаты...

Правитель прислалъ къ Собору Петренко. Онъ предложилъ самимъ выборнымъ пройти во дворецъ и выбрать вмѣсто манежа любую залу въ Кремлѣ. Уполномоченные осмотрѣли дворецъ и, проходивъ весь день, вернулись и объяснили, что во дворцѣ и всюду все разрушено и что другого подходящаго мѣста, какъ манежъ, нѣтъ.

Губернскія комиссіи приступили къ повѣркѣ полномочій. Безтолочь началась страшная. Не знали кому куда сѣсть и что дѣлать. Бились безъ толку еще день, слушая случайныхъ выборныхъ...

Часовъ въ 6 вечера выступилъ говорить Трофимъ Михайловичъ.

— Предлагаю, — началъ онъ, — скамьи разставить на 46 отдѣловъ. Предлагаю сѣсть по губерніямъ и немедленно начать выборы предсѣдателя и трехъ помощниковъ. Будетъ — совѣтъ Соборный. Коли выберете совѣтъ умный, будетъ порядокъ, а выберете глупыхъ, все пойдетъ по глупому!..

Смуглый, татарскаго типа, широкій въ плечахъ, онъ сразу былъ замѣченъ. Стоитъ твердо, ноги разставлены. Смотритъ спокойно и увѣренно...

Раздались голоса:

— Вѣрно... По губерніямъ... Начинать выборы...

А звонкій голосъ Трофима Михайловича покрылъ всѣ крики:

— А если слушать предсѣдателя не будемъ, да сутолоку творить станемъ, да сразу за всѣ дѣла, и въ которыхъ мало чего смыслимъ, будемъ хвататься, — толку не будетъ. Себя и людей разозлимъ и, если будемъ кругомъ слушать всякій вздоръ, такъ нечего было и выбираться, и Россію, и себя морочить и срамить. Своей головой надо рѣшать, а не съ чужого вѣтра. Коли не

сумѣемъ, не видать намъ, какъ солнца ночью порядка. Давайте-ка, попробуемъ, постоимъ за честь свою и своего землячества. Весь міръ на насъ смотритъ и ждетъ, что скажетъ Россія. За нее мы голосъ подавать будемъ. Понять это каждому надо.

И особаго не сказалъ, и важности въ немъ не было, а поняли всѣ, кромѣ глупыхъ и злыхъ, что говоритъ хозяинъ, и говоритъ дѣло, и что никому другому, а ему вести сборъ...

Смѣшно крутилъ этотъ человѣкъ указательнымъ пальцемъ, пристально глядя на выборныхъ, но злобно топала его нога о помостъ и силенъ былъ звукъ его голоса...

— Выборы!.. Сейчасъ выборы!.. — зашумѣлъ Соборъ.

Для строгаго законника или общественника той плеяды, которая создала когда то Думу-революціонную и трусливую, и безтолковую, съ «пленумомъ», «кворумами», «сеніоренъ-конвентъ» и прочимъ, веденіе дѣла Собора 19... г. казалось бы профанаціей парламентскихъ регламентовъ и этики. Многіе образованные выборные уже возмущались, называя Соборъ «сходомъ и гуртомъ».

И то былъ сходъ, огромный, народный, сѣрый, почти весь бородатый сходъ, рѣшавшій порывомъ людей, намаявшихся десятки лѣтъ слушать праздныя и безпутныя злыя рѣчи всякихъ собраній и отдѣльныхъ людей.

Это то и понялъ Трофимъ Михайловичъ. Онъ былъ и останется сухъ и рѣзокъ. Онъ не будетъ принадлежать толпѣ, а самъ завладѣетъ ею.

Синеватый свѣтъ электричества освѣщалъ огромный манежъ. Къ краю, разбившись на группы, толпятся выборные. Кто тихо, а кто горячо обсуждаетъ положеніе.

Трофимъ Михайловичъ избранъ 600 голосами. Собраніе проходитъ безъ апплодисментовъ и безъ знаковъ одобренія. Онъ встаетъ и говоритъ:

— Разговоровъ не къ дѣлу я не допущу. Прошу слѣдить другъ за другомъ по губерніямъ. Намъ дорога каждая минута. Во время полой воды, уха вѣшать нельзя. Когда будетъ время, дамъ высказаться каждой губерніи. Тогда скажутъ всѣ, что у кого на сердцѣ и на умѣ. Прошу вниманія къ тому, какъ я буду ставить вопросы и къ каждому моему слову.

И въ этомъ «я» слышалась сила. Тѣ, кто хотѣли смущать Соборъ, — опасливо переглянулись... Трофимъ Михайловичъ самъ предложилъ имена помощниковъ. Черезъ три часа всѣ трое были избраны. Около полуночи онъ заявилъ:

— Правитель именемъ Наслѣдника предлагаетъ Собору назначить день открытія. Предлагаю завтра же, съ 6 часовъ утра, приступить къ чтенію проэкта наказа.

Безъ рѣчей, единогласно, открытіе Собора было назначено на 9-ое мая...

Всѣ улицы кругомъ манежа, Моховая и Пречистенка и переулки были весь день запружены народомъ. Цѣпь войскъ охраняла порядокъ. Толпа все время волновалась, обступая каждаго выходящаго выборнаго, спрашивая о Соборѣ и Наслѣдникѣ.

Въ отдѣльныхъ кучкахъ слышались иногда выкрики:

— Не надо Царя!.. Республику!..

7-го мая выборные выразили желаніе выслушать правителя...

Не краснорѣчивъ былъ Василій Васильевичъ; говорилъ онъ мало и кончилъ такъ:

— Народъ выражаетъ радость избавленію отъ во-

ровской соціалистической власти, ни кѣмъ не избранной, управлявшей безъ законовъ, разорившей и мучавшей страну. Но есть еще люди, жалѣющіе этотъ хаосъ, насиліе и позоръ. Народные суды значительно очистили страну отъ приверженцевъ большевизма, но осталось ихъ еще не мало. Несмотря на это, мы, временная власть, считаемъ своевременнымъ ослабить внутреннюю карательную борьбу съ остатками коммунизма, будучи увѣрены, что самъ народъ и не помыслитъ никогда о возвращеніи къ строю крови и грабежа. Но если бунтовщики осмѣлятся еще разъ поднять голову, то я, вооруженной силой, положу этому конецъ, какъ бы жестоки ни были мои мѣры. Временная власть будетъ считаться лишь съ одной законной волей Земскаго Собора, со дня его открытія.

Наслѣдникъ преподалъ совѣтъ народу — законно, свободно и правильно избрать Земскій Соборъ. Вы избраны и присланы ни кѣмъ не стѣсняемой волей народа. Вамъ вручается участь страны, установленіе той или иной формы правленія. Наслѣдникъ престола повелѣлъ мнѣ передать вамъ, что онъ подчинится вашему рѣшенію и сообразно таковому или останется въ странѣ, или покинетъ ее, дабы не вносить смуты.

Правитель остановился и, безъ того огромный и худой, весь какъ-то еще выпрямился. Обведя всѣхъ взоромъ изъ подъ нависшихъ бровей, онъ продолжалъ:

— Но я предваряю Соборъ, что Наслѣдникъ, признавая его значеніе, никакихъ опытовъ волеизліяній и раскола не допуститъ. Ни второго собора, ни учредительнаго собранія онъ не созоветъ. Вы должны дать исчерпывающее рѣшеніе. Вы должны кончить подлую революцію. Вы должны смести самое воспоминаніе о уродливой власти, и искоренить злобный духъ бунта, ненависти, розни и грабежа. Вы не Дума, а соборъ людей всей земли, созванный рѣшать участь Россіи, и по-

литикѣ и болтовнѣ среди васъ нѣтъ мѣста. Окаянные годы прокляты и прошли. Пора дѣло дѣлать и подумать о Россіи...

— Если же опять и среди васъ будутъ распри, то по всей Россіи я введу военное положеніе и отмѣню его до полнаго усмиренія... Обдумайте все, и проникнитесь силой вашей соборности въ единеніи съ Наслѣдникомъ власти...

Молча, безъ перерыва и одобренія былъ выслушанъ правитель, и засѣданіе въ тотъ день кончилось рано...

Какимъ было и въ этотъ день «настроеніе» Собора — никто сказать не могъ...

Вечеромъ Трофимъ Михайловичъ былъ у правителя.

На первый вопросъ — будетъ ли рядомъ или послѣ Собора парламентъ — правитель отвѣтилъ, что объ этомъ и рѣчи быть не можетъ. На второй вопросъ Трофима Михайловича, организованно ли правительство и будетъ ли его выступленіе — онъ отвѣтилъ, что правительство будетъ образовано и выступитъ съ деклараціей только послѣ принятія власти Наслѣдникомъ...

Онъ объяснилъ: Собору надо рѣшить слѣдующіе вопросы: признаетъ ли Соборъ бывшій строй соціалистической республики гибельнымъ для страны, или же за этимъ строемъ признаются достоинства и какія? При рѣшеніи въ первомъ смыслѣ, Собору надлежитъ рѣшить, на какомъ строѣ должно остановиться Государство: на республикѣ ли федеративной или конфедеративной; на конституціи ли 17 октября 1905 года, или на Самодержавіи? . .

Прочтя обращеніе, Трофимъ Михайловичъ сталъ горячо доказывать, что въ редакціи вопросовъ о строѣ, хотя и прекрасно и кратко составленныхъ — есть про-

бѣлъ. Необходимо ввести въ органическій законъ о Самодержавіи, объ устройствѣ областныхъ самоуправленій, черезъ совѣты и соборы съ правами мѣстнаго законодательства...

Затрагивая самыя глубины вопроса о верховной власти, старики долго не могли согласиться. Василій Васильевичъ долго доказывалъ, что Царская власть не должна ничѣмъ обуславливаться и ограничиваться... Трофимъ Михайловичъ возражалъ, что никакого умаленія въ этомъ дополненіи къ закону нѣтъ, что самоуправленіе областей вытекаетъ изъ естественной потребности земли — думать о своемъ существованіи, но совершенно покоряясь верховной волѣ. Государь-правитель налагаетъ вето и на рѣшеніе любого губернатора, и на рѣшеніе Суда, и министра, и всякаго собора, не отчитываясь никогда и ни передъ кѣмъ.

— Мы вѣдь не дѣти, говорилъ Трофимъ Михайловичъ, не будемъ опять играть съ народомъ и вводить въ такую страну, какъ Россія, — парламентаризмъ, доводя централизацію до абсурда и безсилія, какъ это было. Не авантюристы мы, чтобы проводить и республиканскую доктрину — раскидать страну по кускамъ и разорить ее окончательно. Еще менѣе намъ подходитъ конституціонная формула Запада — безвластныхъ королей или демократическихъ церемонимейстеровъ. Вашъ законъ долженъ сказать — Царь и области, что равносильно — Царь и народъ...

Кончая споръ, Василій Васильевичъ высказался: «Государь въ одномъ этомъ вопросѣ тоже колеблется, но возможно, что спустя три года, созвавъ Соборъ, онъ введетъ областную форму въ органическій законъ».

— Значитъ, все-таки опытъ? Ну, а какъ рѣшитъ онъ дальнѣйшія работы Земскаго Собора?

— Не знаю; рѣшенія своего онъ не говоритъ, но думаю, что въ законъ онъ не войдетъ, оставаясь пра-

вомъ созыва Царемъ бытовымъ, буде онъ за благо сочтетъ совѣщаться съ землей.

— Съ землей, т. е. опираясь на цензовое крестьянство?

— На все цензовое, что работаетъ и производитъ...

— А каковы ваши выборные? — спросилъ на прощанье правитель.

— Не знаю, завтра все выяснится. Молчатъ. Другъ съ другомъ почти не говорятъ. Кажется поняли громадную отвѣтственность. Какъ стая птицъ передъ грозой, въ кучѣ всѣ. Затаились...

— А оппозиція?...

— О! Кипитъ, пѣнится, но поняли свое безсиліе, особенно, когда и вы отказались принять партійныя депутаціи...

— Еще бы. Ихъ записалось, однихъ эмигрантскихъ, 30 группъ, а если сосчитать всѣ внутреннія, да заграничныя, такъ наберется до трехъ сотъ. Особенно взбѣшены радикалы. Мы, говорятъ они, опираемся на общественное мнѣніе цивилизованнаго міра! Баламутятъ старые вожаки, а новые, какіе то... Господь ихъ знаетъ, какіе, и не пойму...

— А правые?

— Спокойны, но, кажется, сознали, что монархическая партія въ царской Россіи — если такая будетъ — анахронизмъ. Пусть разберутся въ будущемъ, по областямъ...

Депутацій никакихъ не примемъ. Не приметъ ихъ теперь и Государь. Партій политическихъ узаконенныхъ быть не можетъ. Интересы групповые профессіональные — это другое дѣло... въ будущемъ...

Правитель коснулся и войны...

— Грозитъ и интригуетъ Англія, мутя на Кавказѣ, на границѣ Персіи и въ Балтикѣ... гдѣ началось, какъ и въ южныхъ частяхъ Польши, серьезное движеніе за при-

соединеніе къ намъ. Не грозитъ еще, но сумрачно суетится Германія, узнавъ, что я объявилъ секвестръ всѣхъ занятыхъ нѣмцами земель и предпріятій. Ихъ ошеломило, что я секвестрировалъ всѣ заказы военныхъ снаряженій и химическихъ препаратовъ. Я захватилъ все заготовленное на нашихъ заводахъ... запасъ на цѣлую армію. И, вообще, Европа больше не страшна. Ей не до насъ!

А вотъ и радость Государю — широко улыбнулся усталый Василій Васильевичъ — Кавказъ успокоился и шлетъ 18 выборныхъ. О Туркестанѣ и говорить нечего, тамъ и въ Крыму ликованіе. Чудные эти мусульмане... и вся Азія, въ ней еще сохранились и честь, и вѣра, и благородство, и независимая, подлинная свобода духа. Государь глубоко вдумывается въ идею передового стоянія Россіи передъ странами Азіи. Не ему ли суждено вновь и окончательно перечертить карту материка, но, конечно, не на евразійскій ладъ.

Правитель дружески простился съ Трофимомъ Михайловичемъ. Оба поняли, что надо идти неразрывно вмѣстѣ...

— А про заговоры вы спрашиваете? Они были и опять изъ среды интеллигенціи. Покушеніе на меня, на Т., на Петренко, но Богъ миловалъ. Нашихъ убито всего сорокъ человѣкъ. Горе только имъ, если хоть слухъ дойдетъ о заговорѣ на Государя. Я кровью залью города. Боялись Дзержинскаго... такъ я покажу какіе бываютъ Василіи Васильевичи... и поведи себя Соборъ какъ Дума 1917.... немногіе вернутся домой!

— Надо дѣйствовать умненько... но оплошай, Трофимъ Михайловичъ!.. подумалъ хитрый и умный лѣсоторговецъ, и въ ту же ночь, снявъ копіи съ единственной записи будущаго закона объ областяхъ, полученной отъ правителя, — онъ выбралъ и позвалъ къ себѣ 20 лучшихъ по его мнѣнію выборныхъ, и обсудилъ съ ними

основанія всего вопроса о областяхъ... Всѣ согласились, что этотъ законъ встрѣтитъ сочувствіе всего народа и уже на другой день настроеніе Собора было бодрое. Расположеніе къ Наслѣднику и правителю росло. Люди поняли, чего отъ нихъ хотятъ, и опасеніе разгона отпало. Проэктъ областного хозяйства — раскололъ почти наполовину силы оппозицій...

Страннымъ и тяжелымъ было въ тѣ дни положеніе такъ называемаго общества. Остававшаяся часть его, какъ и прибывшія нѣкоторыя лица изъ заграницы — сходились группами по квартирамъ, совѣщались, но не находили себѣ мѣста и дѣла. Нѣкоторые изъ бывшихъ, человѣкъ пятнадцать, попали въ составъ Собора, но и въ составѣ его имѣли мало значенія. Организаціямъ адвокатовъ, профессоровъ, помѣщиковъ, промышленниковъ и прочихъ — представиться Наслѣднику не удалось. Онъ временно отказалъ въ пріемѣ всѣмъ, а правитель, не имѣя ни минуты свободнаго времени, поручилъ пріемъ одному изъ своихъ старшихъ офицеровъ. «Лидеры» разныхъ группъ вели съ этимъ офицеромъ безцѣльныя бесѣды и записывались въ очередь на «будущее». Общественники были сконфужены, не знали, что предпринять и прислушивались къ чьему - то благоразумному совѣту — ждать. «Моря нѣтъ, осталось въ Ниццѣ, господа, — будемъ ждать сѣренькой погоды»... грубовато острилъ одинъ изъ любимцевъ публики эмигрантскихъ газетъ. И общество — было, но до времени о немъ никто не говорилъ..

X.

Теплый, но пасмурный день смотрѣлъ въ окна вагона Наслѣдника. Кругомъ и по всей Россіи проходили благодатные дожди... Но не веселы были кругомъ виды. Еслибъ не яркая зелень всходовъ, озимыхъ и лу-

говъ — тоскливо было бы кругомъ. По пути — сѣрыя деревни. Кое-гдѣ попадались оставшіеся кусты разоренныхъ усадебъ. Радовали глазъ лишь бѣлыя церкви съ палисадниками... Неряшливыми были запущенные за долгіе годы уѣздные города... И раньше, ни особаго порядка, ни блеска въ провинціи не было, но не было печати омертвѣнія и захолустья, которая теперь лежала на всемъ.

Наслѣдникъ былъ въ вагонѣ почти одинъ. Накунунѣ, на аэропланахъ уѣхали въ Москву его помощники...

Поѣздъ приходилъ въ Москву на другой день, рано утромъ, 8-го мая, и утомленный встрѣчами на большихъ станціяхъ, Наслѣдникъ радовался одиночеству и покою.

Покою ли?

Онъ сидѣлъ у окна, бросивъ книгу, своего любимаго le Bon, и глядя въ сѣрыя дали, о чемъ-то думалъ.

О чемъ? Развѣ можно угадать думу? Развѣ можно знать человѣка и изучить его образъ мыслей?

Человѣкъ въ одиночествѣ часто бываетъ совсѣмъ не тотъ, когда онъ говоритъ и дѣйствуетъ на людяхъ... Да и мысли — развѣ удержишь ихъ бѣгъ? какъ тучи — приходятъ, таятъ, измѣняются и иныя безслѣдно уходятъ...

Лицо Наслѣдника было всегда задумчивое. Даже когда онъ слушалъ кого-нибудь, видѣлось, что его не оставляетъ какая-то безотлучная съ нимъ мысль...

Онъ говорилъ хорошо, всегда продуманно и ясно. Онъ часто повторялъ: «я подумаю», и лишь позже самъ подымалъ отложенный вопросъ...

Округленныхъ, длинныхъ фразъ онъ не любилъ... Онъ не любилъ, когда рѣчь уснащалась примѣрами, эпизодами или отходила отъ темы. Лаконизмъ его былъ иногда тяжелъ.

Внѣ дѣловыхъ вопросовъ онъ былъ привѣтливъ,

иногда шутилъ и рѣдко, но заразительно хохоталъ.

Онъ былъ некрасивъ. Вѣрнѣе лицо его было незамѣтное. Высокій, отлично сложенный, здоровый, онъ былъ великолѣпенъ въ своей походкѣ, мѣрной, четкой, неторопливой. Ни въ жестахъ, ни въ походкѣ, онъ никогда не стѣснялся. Смотрѣлъ въ глаза, фразъ не придумывалъ и какимъ былъ одинъ, такимъ и со всѣми.

Любятъ говорить про глаза. У иныхъ находятъ глаза чудесными. Такіе были у Государей — Николая I, Александра II и у покойнаго Государя.

Никакихъ особыхъ глазъ у Наслѣдника не было. Открытый, яркій былъ его глазъ. Смѣялось лицо и рѣдко смѣялись глаза, и тогда на него было радостно смотрѣть. А когда онъ былъ недоволенъ, то смотрѣть ему въ глаза было жутко, и это то было замѣчательной особенностью Наслѣдника... Взглядъ этотъ и былъ оружіемъ его нападенія и всѣ это и замѣчали. Его глубокія мысли видѣлись во взглядѣ и въ выраженіи тонко очерченнаго рта; упрямаго рта, особенно когда подымалась губа, показывая рядъ чудесныхъ зубовъ.

Что къ этому добавить? — у него были маленькія руки и ноги и весь онъ былъ породистъ. Въ чертахъ лица — угадывался монгольскій типъ. . .

Не будемъ, потому что не смѣемъ угадывать мыслей этого, безмолвно сидѣвшаго въ углу вагона человѣка. Очевидно онъ зналъ чего хотѣлъ. Зналъ себя, зналъ свой планъ и отдавалъ себѣ отчетъ, что его ждетъ.

Онъ помнилъ сравненіе, «что онъ несется на льдинѣ. Растаетъ ли, подойдя къ горячему берегу земли эта льдина, затрется ли?.. или дастъ ему выйти на берегъ, и тогда»...

Онъ зналъ, что жизнь сильнѣе воли, сильнѣе разума и желанія...

Еще вчера, Акимъ Петровичъ ему говорилъ: «вра-

говъ у васъ много, многіе общественники, республиканцы, соціалисты, западники, даже славянофилы... Все это злобствуетъ. Сурова и критика заграничной прессы... А захватчики земель? спекулянты? а евреи?.. Всѣ глухо, но злятся, и нечего скрывать, почти весь старый чиновный и придворный классъ и нѣкоторая часть эмиграціи...

— Вамъ не прощаютъ недовѣрчивости, равнодушія и брезгливости за прошлое, и что около васъ нѣтъ «бывшихъ» людей.

Наслѣдникъ, улыбаясь, отвѣтилъ:

— Я знаю. Не дѣло Царя искать друзей, и бояться враговъ. Если строй и Царь вѣрны — друзья найдутся... Но спасутъ ли они въ случаѣ бѣды, не знаю. Царь долженъ быть ровенъ со всѣми. Любимцевъ не должно быть, но никто не смѣетъ касаться дружескихъ чувствъ Царя. Я не понимаю аристкратіи по родовымъ заслугамъ. Выражая уваженіе къ прошлому, Царь не можетъ изъ-за него отличать потомство. Не Царь организуетъ классы, а сами люди ихъ организуютъ, если они жизненны. И пусть борятся! Царь безучастенъ въ этой борьбѣ. Лично я былъ бы радъ, если бы силой работы возродился бы помѣстный классъ — когда-то давшій многое государству. Возродиться, отъ нихъ самихъ зависитъ...

Но верхъ общества, численность окруженія, мѣстничество, чинность, — по счастью канули въ вѣчность и не я все это возстановлю. Отъ меня зависитъ назначать въ управленіе лучшихъ людей. Людей цѣнить я буду не по богатству и роду и національности, а по реальнымъ заслугамъ странѣ. Сформируется и новое общество...

Мнѣ ропотъ знатныхъ не интересенъ. Ихъ роль навсегда кончена — и эпилогъ ихъ печальный — по ихъ винѣ. Что касается партій? они всюду есть. Я стою за

свободу слова, въ предѣлахъ закона; но потребую такую отвѣтственность, которая не снилась ни одному обществу.

— А интернаціоналъ, а международные враги, Государь?

— Я надѣюсь, что Россія будетъ царствомъ, котораго будутъ... опасаться. Я исполню свой долгъ — если нація меня захочетъ и мнѣ повѣритъ и тогда не будетъ силы ни внутри страны, ни внѣ ея, которая одолѣла бы націю съ вѣрнымъ ей Государемъ.. И знаете? За неимовѣрный трудъ править такой громадой, какъ — Россія, я бы не взялся, если бы былъ Петербургъ и опять парламентъ

Долго не могъ заснуть Акимъ Петровичъ. У него сжималось сердце, вспоминая какъ въ 1917 г. Россію предалъ правящій классъ; сжималось — сомнѣніемъ что весь планъ реформъ недостаточно серьезно продуманъ. А ну какъ и это малое окруженіе, не сумѣетъ дать ничего, кромѣ словъ и теоріи и приведетъ къ неудачамъ?... «Завтра, завтра!» — шепталъ онъ... — каковъ окажется народъ?»... Поѣздъ грохочетъ, перебивая темпъ, совсѣмъ, какъ увертюра Вильгелмъ Телля. Въ купэ тьма... Луна высоко, высоко, скрыта летящими тучами; но эти тучи не грозовыя, онѣ мчатся, встрѣчаясь и собираясь для благодатнаго дождя...

XI.

Рано утромъ поѣздъ тихо подходилъ къ Курскому вокзалу. Путь былъ запруженъ нахлынувшимъ изъ пригородовъ народомъ.

На вокзалѣ и на площади Николаевскаго и Рязанскаго вокзаловъ — тянулись шеренги солдатъ. Не нарядно и сѣро они выглядѣли. Спороты были всѣ крас-

ныя нашивки. Наспѣхъ найдены были старыя фуражки вмѣсто уродливыхъ колпаковъ. Неприглядно одѣтые и плохо обутые солдаты тянулись. Выправка была хороша, оружіе — въ порядкѣ. Почетнаго караула не было...

Правитель и командующій войсками ,оба въ походной формѣ, встрѣтили Наслѣдника. Еще до прихода поѣзда, правитель объявилъ войскамъ, что до рѣшенія Собора, Наслѣдникъ здороваться съ войсками не будетъ...

Наслѣдникъ вышелъ одинъ изъ вагона. Подалъ руку правителю и командующему. Онъ былъ въ формѣ Семирѣченскаго казачьяго войска; въ свѣтломъ чекменѣ при шашкѣ и въ фуражкѣ стараго образца, въ бѣломъ чехлѣ. На правомъ плечѣ былъ тонкій золотой шнуръ. Ни одного знака отличія на немъ не было. ..

Онъ шелъ очень тихо, зорко глядя въ лица стоявшихъ на пути людей. У подъѣзда ему была подана отличная гнѣдая лошадь, на которую онъ сѣлъ безъ всякой помощи. Тронувъ коня нѣсколько шаговъ, онъ остановился и оглянулся.....

Кругомъ и сплошь, на площадяхъ, улицахъ, въ окнахъ и на крышахъ былъ народъ. Вся эта людская громада томительно и какъ-то жутко молчала, слѣдя за каждымъ движеніемъ Наслѣдника....

И онъ смотрѣлъ, и долго смотрѣлъ. Окружающіе, да и всѣ, увидѣли, какъ вдругъ радостно стало его лицо и какъ яркой мыслью метнули его глубоко впавшіе глаза....

Вотъ онъ снялъ фуражку и неторопливо осѣнилъ себя три раза широкимъ крестомъ... И тутъ же, все сразу задвигало руками, — крестясь и вдругъ какъ, залпомъ, на версты кругомъ заревѣло неудержимо властное, можетъ быть, дикое и угрожающее — «ура», а передніе ряды, начиная съ солдатъ, обнажили головы и всѣ опустились на колѣни, продолжая кричать и кре-

ститься и крестить, такъ просто и одиноко появившагося среди нихъ человѣка....

Лошадь Наслѣдника взвилась на дыбы и дала лансаду; но опытенъ и смѣлъ былъ всадникъ. Покорившись его рукѣ, вся дрожа, она встала, какъ вкопанная, и громко заржала....

Не накрываясь, Наслѣдникъ въѣхалъ въ толпу, держа путь на Мясницкую... За нимъ ѣхали правитель и командующій, и далеко сзади, справа по три, дежурный эскадронъ Смоленскихъ уланъ.

Ура перекатывалось, то росло, то затихало, и тогда въ разныхъ концахъ города слышалось пѣніе — «спаси Господи люди Твоя»....

Лубянская площадь была еще не убрана послѣ страшнаго послѣдняго взрыва, разрушившаго рядъ домовъ... Вся театральная площадь до Кремля и по Тверской была запружена. Отовсюду неслись крики, подымаясь перекатами, и въ этой несмѣтной толпѣ медленно подвигался Наслѣдникъ. Задумчиво было его лицо, но зорко, неотступно, въ лицо толпы, смотрѣли его глаза....

У «Иверской» правитель держалъ коня Наслѣдника. По его желанію выборные въ Соборъ его не встрѣчали, продолжая занятія. Лишь предсѣдатель съ товарищами встрѣтили Наслѣдника, когда онъ спѣшился у воротъ Кремля.

Наслѣдникъ пошелъ къ нимъ навстрѣчу, и не накрывая, какъ и они, головы, радушно съ ними поздоровался, сказавъ только: «завтра въ Соборѣ мы встрѣтимся. Вы рѣшать будете великое дѣло и твердо скажете, какъ надо возстановить Россію». И, смолкнувъ, повторилъ: «помните, Россія ждетъ отъ васъ вѣрныхъ рѣшеній»....

Въ Успенскомъ Соборѣ Наслѣдника встрѣтилъ Митрополитъ Московскій. Онъ благословилъ его и пе-

редалъ письмо отъ Святѣйшаго Патріарха. Никакихъ привѣтствій, какъ было установлено, не говорилось. Во время Ектиньи имени Наслѣдника не упоминалось....

Во время пребыванія Наслѣдника въ Кремлѣ, крики и пѣніе «Спаси Господи» прекратились, и съ этой поры городъ затихъ. Народъ расходился по домамъ ждать слѣдующаго дня....

Наслѣдникъ отбылъ съ правителемъ въ заготовленный ему флигель въ Нескучномъ. Онъ отпустилъ, назначенный для охраны нарядъ войскъ, оставивъ около себя, слѣдовавшихъ съ нимъ въ поѣздѣ сибиряковъ. . .

Молчаливый и медленный проѣздъ черезъ городъ одинокаго Наслѣдника произвелъ особенное, ни съ чѣмъ несравнимое впечатлѣніе. Всѣ ждали встрѣчи, помпы, войскъ, знаменъ, свиты, и никто не ждалъ ни такого въѣзда, ни такого Государя.... Его одиночество, спокойствіе, медленность движеній, неморгающій строгій взоръ, — если не покорилъ, то притянулъ къ себѣ чувства массъ. Во всѣхъ углахъ Москвы шелъ одинаковый говоръ: «чудное дѣло... вотъ онъ какой... ну ужъ и молчаливъ!.... а глаза то, видали?.... насквозь глядятъ.... этотъ шутить не будетъ». . . Весь день въ городѣ только и рѣчи было, что о Наслѣдникѣ. . .

Тихо было въ Москвѣ. Надъ городомъ, большими кругами, носились дежурныя эскадрильи аэроплановъ. Слухъ былъ, что они схватывались съ налетавшими съ сѣвера.

Кое-гдѣ по городу собирались и критики: — «видѣли такихъ-то!... и почище! ишь корчитъ изъ себя святошу!.. офицеръ... всѣ они таковы» — ораторствовалъ какой-то молодецъ на Сухаревой....

И кровавыми клочьями полетѣли части тѣла оратора и его друзей....

У Коровьяго вала собралась толпа и проходя Серпуховскими воротами запѣла интернаціоналъ. Ихъ окружили тысячи. Сжали кольцомъ, и дикое избіеніе разрослось бы въ побоище по всему городу, если бы не поспѣли конныя части...

То же самое начиналось у вокзаловъ и у Тріумфальныхъ воротъ. Разнесено было до сотни квартиръ. Ночью ватаги «охотниковъ» рыскали по городу...

Милиціи осталось на мѣстахъ меньше половины. Но конные разъѣзды не дали разгорѣться избіенію. Безпорядки ограничились сотнями убитыхъ...

Не спала въ ту Майскую ночь Москва, но и не гуляла. Поздно потухли въ окнахъ огни. Лишь церкви, послѣ всенощныхъ, стояли открытыя, и въ нихъ всю ночь поддерживался огонь. Всю эту ночь въ храмахъ молилось множество женщинъ. По улицамъ кучками собирались люди и тихо бесѣдовали....

Патріархъ исполнилъ просьбу правителя. Въ ту ночь запрещенъ былъ благовѣстъ до поздней заутрени...

Къ вечеру, по дорогѣ въ Нескучное, потянулись было толпы нищихъ, но старшина Москвы, собравъ вечеромъ торговцевъ побогаче, получилъ отъ нихъ крупную сумму, и роздалъ ее бѣднотѣ. Нищіе во всѣ эти дни были накормлены....

Съ яснымъ солнцемъ и небомъ встало надъ русской землей утро 9-го мая. Освѣтило и расцвѣтило солнце Москву съ церквами и бульварами, улицами и переулочками, съ садами и палисадниками. Какъ-то коротко, но дружно позвали колокола къ утренѣ. Запятнанная, опошленная, развращенная и окровавленная была та Москва — собирательница, Москва въ быломъ — мудрая и великая. Допустилъ ее до позора неслыханнаго

самъ русскій народъ, долгіе годы терпя наказаніе и всякое постыдство. Окаяннѣйшіе люди въ ней властвовали со временъ отверженной Богомъ общественной революціи. Но старая столица, какъ и сама Россія была ни въ чемъ неповинна и ждала часа избавленія....

И въ то утро, прозвонивъ, Москва опять затихла; затаилась лишь въ говорѣ людскомъ, и ждала, трепетно ждала, что-то эти съѣхавшіеся со всѣхъ концовъ люди, скажутъ новаго. Спасутъ ли? Освободятъ ли? Жить дадутъ ли? говорили одни и, хмурясь и сомнѣваясь, хоть и въ маломъ числѣ, качали головами другіе....

Спозаранку изъ всѣхъ домовъ повылѣзали люди, дознавать о новомъ, да взглянуть еще на пріѣхавшаго вчера на конѣ человѣка....

И какъ ни бѣденъ былъ народъ русскій, а въ тотъ день всѣ вышли на улицу въ лучшихъ одеждахъ, убранные и акуратные. Думалось людямъ разное; крестились многіе, вздыхали и двигались къ Кремлю....

А въ ту же ночь, въ умѣ стараго и чистѣйшаго душой, уже шестого замѣстителя Тихона, — Пресвятѣйшаго Патріарха, совершилось чудо. Сонъ видалъ онъ въ ту ночь — появленіе и повелѣніе Святителя Николая, разрѣшить Собору Земскому свои дѣла вершить — не въ темномъ манежѣ, а въ самомъ храмѣ Спасителя... И съ утра, сломя голову, понеслись гонцы къ Трофиму Михайловичу и къ правителю съ тѣмъ писаннымъ разрѣшеніемъ. . .

Выборные, уже два дня сидѣвшіе въ манежѣ, ошеломлены были этой новостью. Самый Соборъ становился съ этого часа какъ будто инымъ. Вся революціонная часть выборныхъ, въ числѣ около ста человѣкъ, теряла подъ ногами почву. Въ манежѣ они готовились прибѣгнуть ко всѣмъ парламентскимъ пріемамъ, къ крику,

брани, скандаламъ — . . . а въ Храмѣ все это было недопустимо. Еще вчера образовался «блокъ» въ духѣ 1917 г., съ нѣсколькими коммунистами. Осторожно, но въ какихъ-то группахъ начинался тайный подкупъ; работалъ иностранный капиталъ; и ничьихъ иныхъ денегъ быть не могло. . . Но не этого боялся и самъ, не менѣе чѣмъ соціалисты, дерзновенный, — Трофимъ Михайловичъ. Боялся онъ побоища въ самомъ Соборѣ; боялся, что большинство выйдетъ изъ себя и прибѣгнетъ къ кулачной или еще худшей расправѣ, и опозоритъ Соборъ, уронивъ его значеніе въ народѣ... Получивъ письмо Патріарха, онъ въ пламенной рѣчи объяснилъ, какое великое значеніе будетъ имѣть мірская работа въ приходскомъ и соборномъ единеніи съ Церковью. Поняли и оцѣнили эту волю Патріарха и выборные. Вѣсть разнеслась по городу и всюду несся гулъ одобренія. . .

А когда изъ манежа, по пути къ Храму, медленно и въ порядкѣ выступили выборные, — въ народѣ раздались восклицанія и привѣтствія. На это Трофимъ Михайловичъ, остановясь, громко крикнулъ: «Земскій Соборъ покорно проситъ до времени не нарушать тишину города и не безпокоить ни Государя Наслѣдника, ни Патріарха никакими восклицаніями».

Слова эти донеслись и волной передались по улицамъ. . . Въ народѣ устанавливался какой-то свой чинный порядокъ; росло сознаніе соучастія въ совершающемся. . .

Первымъ вошелъ въ Храмъ Спасителя весь Земскій Соборъ, занявъ лѣвую сторону Храма, куда безшумно вносились изъ дворца кресла и стулья. Къ семи часамъ вступила группа около трехъ сотъ человѣкъ — штабъ и оберъ-офицеровъ арміи, всѣ — въ походной формѣ. Слѣдомъ прибыли оказавшіеся на лицо, созванные правителемъ — 22 сенатора. Они встали направо. Нѣкоторые изъ нихъ были въ мундирахъ и орденахъ. . .

Отдѣльной, незамѣтной группой взошли помощники правителя, остановясь сзади военныхъ. . .

Съ разрѣшенія правителя въ Храмъ допущены были нѣсколько сотъ новыхъ членовъ губернскихъ и уѣздныхъ совѣтовъ, пріѣхавшихъ изъ провинціи. Прибывшіе представители иностранныхъ державъ были допущены по одному отъ представляемыхъ странъ. Всякіе же иностранные промышленники, тузы и репортеры газетъ, а равно и представители русскихъ партійныхъ группъ, пропуска не получили. . .

— Тутъ дѣло народной семьи, и чужимъ носа совать нечего, — оборвалъ правитель стараго дипломата, давшаго совѣтъ не обижать иностранцевъ. . .

— Vous payerez les pots cassés, — почему то по французски отвѣтилъ дипломатъ. . .

— Да что тутъ смотрѣть. . . нагнали мужичье рѣшать судьбы Россіи. . . Пойдемте, тутъ дѣлать нечего, — успокаивалъ пріятеля дипломата знатный эмигрантъ, имѣвшій игорный домъ въ Ниццѣ и «Bar» въ Парижѣ...

XII.

Наслѣдникъ прибылъ въ автомобилѣ. Онъ былъ въ томъ же чекменѣ и бѣлой фуражкѣ, безъ всякихъ знаковъ отличія, но при шашкѣ. . .

Народъ былъ тихъ, но при проѣздѣ Наслѣдника слышалось тихое, какъ шелестъ лѣса, сдержанное, но радостное привѣтствіе и одобреніе.

Войдя въ Храмъ, Наслѣдникъ перекрестился и потомъ, обернувшись къ Земскому Собору, склонилъ передъ нимъ голову. Низкимъ поклономъ отвѣтили ему выборные. Наслѣдникъ отошелъ въ право и всталъ отдѣльно, на посланный коверъ.

И вотъ, гулко, полно и пѣвуче, наливая звуками

Храмъ, раздался благовѣстъ. На это сразу стали отвѣчать перезвоны всѣхъ колоколенъ Москвы.

Въ простой каретѣ, шагомъ, сопутствуемый духовенствомъ, подъѣзжалъ Святѣйшій всея Россіи Патріархъ. Медленно и торжественно было его и бѣлаго и чернаго духовенства шествіе. Золотомъ и серебромъ сверкали ризы и облаченія. За Патріархомъ слѣдовали его намѣстники, десять архимандритовъ, восемъ протоіереевъ и десятки архи-и протодіаконовъ. Архіереи шли безъ жезловъ, въ мантіяхъ, а всѣ остальные, въ свѣтлыхъ ризахъ и митрахъ. Надъ процессіей колыхались хоругви Сергіевской Лавры. . .

Священники Храма вышли Патріарху навстрѣчу и, принявъ благословеніе, возложили на него мантію... Выборные и присутствующіе окружили Высокопреосвященнаго и, поднявъ его бережно, на рукахъ, внесли въ Храмъ.

Свѣтелъ и ярокъ былъ огромный бѣлый Храмъ. Великолѣпенъ былъ хоръ оперныхъ и любителей пѣвцовъ.

Когда Патріархъ медленно, старчески ступалъ по Храму, — Наслѣдникъ первый и всѣ за нимъ, преклонили колѣна. Молча, осѣнивъ крестомъ колѣнопреклоненныхъ, Патріархъ благословилъ и протоіереевъ на служеніе, длившееся до 10 часовъ.

По окончаніи обѣдни, Патріархъ, не сходя съ кафедры, обратился къ Наслѣднику и Собору съ словомъ:

— Привѣтствую васъ, люди Русской земли. Привѣтствую и тебя, Наслѣдникъ Государь, пожелавшій отозваться на призывъ народа и прибыть мъ Москву. Случилось такъ, что вы какъ бы позвали другъ друга. Съ людьми земли и съ нами, скромнѣйшими служителями Господа нашего будете вы рѣшать какъ намъ всѣмъ дальше жить, какъ исправиться, какъ искупить прошлое,

какъ укрѣпить колеблющуюся вѣру въ крестъ Господень и какъ поднять святое русское знамя.

Народъ — умученный, растерянный, не сознающій, что Россія гибнетъ и тонетъ въ мракѣ безвѣрія и безчестія, ждетъ отъ насъ всѣхъ забытаго слова правды, добра и чести. Да вселитъ Всеблагій въ сердца ваши силу и мужество. Да освятитъ Онъ наконецъ разумъ вашъ и народный. Сегодня, помните это, рѣшается вставанье и жизнь нашей Родины. Зажгите же свѣтильники мысли, молю васъ, отдайте себѣ отчетъ, для чего вы здѣсь! Не для торжества и ликованья, а для дѣла неимовѣрнѣйшей важности. Молите Бога осѣнить насъ; не учрежденія вы представляете, не классы, не партіи, — а говорить и вершить будете именемъ Россіи и во имя ея. Господи! И до чего же великое дѣло въ вашихъ рукахъ! Будьте кратки. Помните слова Спасителя: «да будетъ слово ваше: да, да; нѣтъ, нѣтъ, — а что сверхъ того, то отъ лукаваго. Взалкайте духа божественнаго и рѣшайте! Я съ вами... молитва моя смиренная... И молюсь я ему, Господу Вышнему и васъ люди-братья буду молить я, колѣнопреклоненно. Отзовитесь хотя вы, единые во всемъ мірѣ человѣческомъ, способные понять, какое страданіе и горе пережилъ народъ нашъ!

Помогите же, спасите нашу, немилосердно измученную, землю Божію — родину. . . Россію нужную міру!

Да снизойдетъ къ намъ лучъ свѣта Господа нашего, да поможетъ Онъ великій и милосердный. . .

Патріархъ сошелъ съ помоста и палъ ницъ, и вмѣстѣ съ нимъ духовенство, и за нимъ опустились на колѣни всѣ присутствующіе. Вставъ съ колѣнъ, Патріархъ сдѣлалъ знакъ Наслѣднику. Вотъ они сошлись. Сверкнувъ лучомъ, поднялся крестъ Владыки, осѣняя всѣхъ, а Наслѣдника онъ крѣпко обнялъ и замеръ на его плечѣ; слезы неудержимо лились по его старому лицу. Трепетъ прошелъ по толпѣ молящихся. Раздались рыда-

нья... слышались слова молитвы, и возгласы длились бы долго, мучительные и вмѣстѣ полные надежды и счастья, если бы тишину не нарушило чудное, тоже взволнованное и восторженное пѣніе хора...

Испуганные этимъ пѣніемъ, бѣлые голуби вспорхнули въ куполѣ. Патріархъ, держа руку на плечѣ Наслѣдника, замѣтилъ этихъ голубей и, обведя еще разъ всѣхъ взоромъ, жестомъ указалъ наверхъ и ласково и нѣжно отечески всѣмъ и всему улыбнулся...

Въ три часа, уже безъ постороннихъ, Соборъ былъ опять въ Храмѣ. Разстояніе отъ креселъ и скамей до алтаря было большое. Соборъ постановилъ уважить желаніе Патріарха, принявъ въ свой составъ десять представителей духовенства; разрѣшилъ и правителю допустить лишь присутствіе людей съ мѣстъ по десяти отъ губерніи...

Патріархъ прибылъ въ одно время съ Наслѣдникомъ... Настроеніе было напряженное. Въ группахъ по губерніямъ шли горячіе переговоры. Распредѣляли очередь ораторовъ. Ждали рѣчей правителя и тревожились, слыша угрожающій ропотъ среди волнующейся оппозиціи. Эта часть выборныхъ понимала, что наступила послѣдняя ставка и что Храмъ вяжетъ имъ руки. Всѣ прошедшіе дни они растравляли крестьянъ на земельномъ вопросѣ и доказывали, что безъ парламента, при областныхъ соборахъ голосъ и права народа будутъ задушены...

— Они васъ ловятъ, раздѣляя, будутъ властвовать! — раздавались голоса...

Выборные слушали молча и отходили...

Приказавъ запереть двери Храма, Трофимъ Михайловичъ далъ звонокъ и объявилъ засѣданіе открытымъ...

Всѣ насторожились...

Трофимъ Михайловичъ подошелъ къ сидѣвшему въ сторонѣ Наслѣднику, принялъ у него бумагу и, вернувшись на мѣсто, началъ громко и медленно читать.

Обращеніе Наслѣдника къ Собору было краткое:

— Присутствіе выборныхъ отъ всего населенія Россіи на Земскомъ Соборѣ есть выявленіе свободной воли народа, поручающаго своему Собору рѣшеніе вопроса объ установленіи государственнаго строя страны. Непрерѣкаемость установленія и историческое право и значеніе Собора признается высокимъ представителемъ тоже Соборной русской Церкви — Святѣйшимъ Патріархомъ, а равно и по соглашенію съ Патріархомъ, главами остальныхъ вѣроисповѣданій народовъ, населяющихъ Россію.

Первая часть обращенія кончалась сужденіемъ о правѣ Земскаго Собора опредѣлить форму государственнаго строя, каковая послѣ сего становится вновь незыблемой ,опредѣляя въ началахъ основного закона выраженіе воли всенародной.

Затѣмъ, въ порядкѣ изложенія, который былъ утвержденъ Наслѣдникомъ въ поѣздѣ, рѣшенію Собора были предоставлены въ редакціи, составленной сенаторами, — формы строя: народовольческая — она же республиканская. Затѣмъ — конституціонно - монархическая, согласно закону 1906 г. и третья форма, согласно дѣйствовавшаго ранѣе 1906 г. закона — самодержавная-неограниченная.

Предсѣдатель оговорилъ, что Сенатомъ представлена научно-изложенная записка, трактующая о томъ же предметѣ, но что онъ ставить будетъ эти вопросы въ простомъ и достаточно понятномъ для всѣхъ изложеніи. Не дѣлая перерыва, онъ прочелъ краткое законодательное предположеніе о непремѣнномъ установленіи строя областного самоуправленія. Въ заключеніе, слѣдовало выраженіе воли Наслѣдника: положеніе о иско-

рененіи всѣхъ началъ принудительнаго равенства состоянія гражданъ и о введеніи равенства передъ закономъ органическаго; о возвратѣ всѣхъ насильно отобранныхъ имуществъ, но безъ возмѣщенія убытковъ государствомъ за уничтоженныя и пропавшія...

Въ краткой формѣ излагалось предположеніе о аннулированіи всѣхъ договоровъ на имущества бывшихъ владѣльцевъ и казны, совершенныхъ какъ съ иностранцами, такъ и съ русскими капиталистами, причемъ возвращеніе внесенныхъ залоговъ Государство принимаетъ условно на себя.

Перечень важнѣйшихъ законопроэктовъ заключался установленіемъ права личной собственности на всѣ безъ исключенія имущества, какъ экспропріированныя государствомъ у прежнихъ владѣльцевъ, такъ равно и находящихся въ общинномъ владѣніи, а такъ же и во всѣхъ видахъ временнаго пользованія...

Чтеніе записки длилось часъ. Опять, не дѣлая перерыва, предсѣдатель предложилъ Собору приступить къ обсужденію поставленныхъ первостепенно - важныхъ вопросовъ о формѣ строя.

Наступила, наконецъ, минута оффиціальной встрѣчи Собора съ Наслѣдникомъ... Передъ выборными не было фоліантовъ законовъ, и сами они были не законники, а простые люди. Вопросы были ясны и изложены ясно. Надо было отвѣчать и отвѣчать скоро.

— Законенъ ли онъ, какъ Наслѣдникъ? — задавали себѣ многіе вопросъ...

Будто угадавъ эту мысль, Наслѣдникъ поднялся и передалъ предсѣдателю вторую бумагу. Въ ней заключалась краткая исторія его правъ на Престолъ...

«Слѣдомъ за рѣшеніемъ вопроса о формѣ строя, Собору надлежитъ вырѣшить мои права на Корону. Населеніе трехъ Сибирскихъ областей провозгласило меня Наслѣдникомъ, и я призналъ нужнымъ временно при-

нять на себя это право. Поступивъ такъ, я, черезъ своего правителя и его помощниковъ использовалъ движенiе крестьянъ, горожанъ и армiи противъ незаконной и никѣмъ не избранной власти. Эта власть — свергнута. Прошло шесть мѣсяцевъ подготовки движенiя и борьбы. Я призвалъ народъ созвать Соборъ. Народъ призывъ этотъ принялъ и Соборъ избралъ. За это время никто изъ могущихъ наслѣдовать Престолъ не предъявилъ въ Россiи своихъ правъ. Если такое лицо объявится и право такого лица будетъ признано неотъемлемымъ, я въ тотъ часъ слагаю съ себя званiе Наслѣдника, какъ одинаково сложу это званiе, если Соборъ отвергнетъ мои законодательныя предположенiя».

Наслѣдникъ говорилъ стоя. Всѣ тоже стояли во время его рѣчи. . .

Онъ сдѣлалъ движенiе покинуть Соборъ, но Предсѣдатель просилъ его выслушать нѣсколько привѣтственныхъ рѣчей. Двѣнадцать выборныхъ высказали отъ своихъ губернiй и Собора свои горячiя чувства. Привѣтствiя Наслѣднику и Патрiарху были прочувствованы, и настроенiе Собора съ каждой рѣчью поднималось.

Но вотъ, безъ очереди, поднялась высокая фигура не безъизвѣстнаго дѣятеля революцiй 1905 - 1917 годовъ, радикала, члена бывшаго блока. Въ числѣ друзей своихъ по партiи, онъ недавно прибылъ изъ за границы вводить республику. . .

— Все это прекрасно, — началъ онъ, — и трогательно, и мы благодарны новоявленнымъ спасителямъ и, сознаюсь, розовыя краски словъ и чувствъ, и голуби интересны. . . Но я хотѣлъ спросить, что эти поставленные намъ вопросы, ультимативны для вступленiя на несуществующiй престолъ глубокоуважаемаго претендента или это только его личное пожеланiе? . .

Негодующая, взволнованная масса выборныхъ вста-

ла, какъ одинъ, на эту выходку опытнаго политика эпохи революцій. . .

Трофимъ Михайловичъ не растерялся; онъ немедленно отвѣчалъ:

— Вамъ не удастся смутить настроеніе Собора. Отъ его имени, выражаю вамъ, старому человѣку, порицаніе и негодованіе за ваше грубое выступленіе. Соборъ позже обсудитъ, какъ съ вами поступить. Отвѣчу я и по существу. Царственныя особы ни ультиматумовъ, ни мнѣній не высказываютъ. Они выражаютъ свою волю. А я берусь высказаться за Соборъ: волю Наслѣдника мы знаемъ и выразимъ свою въ надеждѣ, что эти двѣ воли совпадутъ и приведутъ къ благу родины. . .

Не владѣя собой, всѣ присутствующіе двинулись къ невозмутимо стоящему Наслѣднику. Порывомъ рванулось «ура» и услышанное черезъ окна Храма, было подхвачено народомъ и опять загремѣло по всѣмъ концамъ Москвы.

Этимъ кличемъ Соборъ какъ бы перекликался съ народомъ и предрекалъ отреченіе отъ республики.

XIII

Съ уходомъ Наслѣдника и приглашенныхъ, Соборъ подошелъ къ часу рѣшенія будущаго строя Россіи. Какъ сказано было, оппозиція смѣшаннаго партійнаго состава имѣла болѣе ста голосовъ, но событія этого дня и выходка депутата откололa многихъ, и сплоченная группа радикаловъ-соціалистовъ насчитывала не болѣе сорока человѣкъ. Они рѣшили идти на скандалъ.

Но не дремалъ и Трофимъ Михайловичъ. Въ порядкѣ записей, онъ выпустилъ первыми, извѣстныхъ ему людей, въ томъ числѣ умнаго кіевскаго профессора К. и самарскаго, бывшаго земца Д.

Страстны и рѣзки были защитники республики. Лучшіе ораторы радикалы исчерпывали всѣ доводы, прибѣгали ко всѣмъ парламентскимъ пріемамъ, грозили, доказывали отсталость русскаго правосознанія, ссылались на авторитеты, приводили лозунги маститаго Милюкова и безтолково суетящагося гдѣ-то Керенскаго, говорили объ «абсурдѣ» въ XX вѣкѣ говорить о иномъ строѣ... Кто-то началъ съ грубостей и ругательствъ, но предсѣдатель, не давая ему объясненій, приказалъ ему оставить собраніе. . .

Чѣмъ рѣзче были такія выступленія, тѣмъ нетерпѣливѣе становился Соборъ и особенно крестьяне. На рѣчи раздавались голоса: «Красно говоритъ, а слушать нечего». . . «Изъ песка веревки вьетъ». . .

Рѣчи противъ республики вызывали гулъ одобренія. . .

Приподняли настроеніе нѣсколько простыхъ словъ Ярославца, крестьянина. Вставъ, онъ поклонился Патріарху и предсѣдателю, оправилъ бѣлокурую бороду и сказалъ:

— Въ первой въ такомъ собраніи говорю, господа посланцы отъ народа нашего. Но говорю себѣ, чего бояться, да еще передъ лицомъ Владыки и передъ своимъ народомъ, а еще того лучше передъ лицомъ самого Господа, въ Церкви Его. И скажу я: да развѣ не приняли мы разъ эту республику? Развѣ не запутались мы и въ крови то, и въ позорѣ, и въ дѣлахъ нашихъ и слѣда жизни не потеряли? Или проба легка была и не извела развѣ мучительствомъ тѣла и духа четвертую часть народа? И чего эти господа показываютъ, что у людей то больно хорошо? Ой, такъ ли хорошо, какъ сказываютъ? Не морочатъ ли, и не хороши что ли просторы наши, угодья наши, да солнце наше. . . И быль наша великая?

Или съ того клятаго, да страшнаго 17-го года, не навязло на зубахъ всякое скоморошество, потѣха то

надъ русской вѣрой, нравомъ и обычаемъ? Или не устали мы всѣ до послѣдняго? Развѣ не разбазарили добра нашего и Россійскаго, скопленнаго дѣдами нашими? Или слезы всѣ выплакали о убіенныхъ, и во первыхъ о мученикѣ Государѣ безвинномъ? Да и приличествуетъ ли этакой величайшей то, какъ Россія землѣ дѣлиться на ся и свое старое имя и силу терять?.. Вотъ и все... Господа и Владыку живота нашего передъ престоломъ его послушаемъ и рѣшимъ: бросить вздорное, да чуземное. Пора очухаться отъ бреда невыносимаго... И спросика ты насъ, господинъ предсѣдатель, всѣхъ спроси, какъ на сходѣ, — отвѣта, но не давай ты трепать языковъ, — знамо все, видано, и хорошо больно понято... И отвѣтимъ мы, имѣя гнѣвъ и молитву на душѣ... не томи сударь... а ты... спроси, нѣсколько насъ...

Гулко понеслось по храму тихое «спроси... просимъ голосовать...»

Трофимъ Михайловичъ рѣшился поставить вопросъ: «кто за республику, встаньте, кто противъ, — сидите»...

Изъ болѣе 900 выборныхъ встало — двадцать восемь...

Но съ этимъ столь неожиданно рѣшительнымъ концомъ «республики» борьба идеологій не кончилась...

Трофимъ Михайловичъ вдругъ, и самымъ нутромъ своимъ почувствовалъ вторую, худшую опасность слѣдующаго вопроса — о парламентѣ. Онъ зналъ лживое начало этого института, и онъ видѣлъ размѣръ разоренія страны, требующей неслыханнаго и безъ всякой помѣхи напряженія какой-то единой творческой силы; силы, которой парламентъ датъ бы не могъ. Передъ нимъ, въ картинѣ прошлаго, встала фигура измѣнника предсѣдателя Думы... Вспомнилась борьба Думы съ Ца-

ремъ. Въ памяти встала эпоха напряженнѣйшей при Думѣ централизаціи, съ придавленной, забытой, молчаливой провинціей и безсмысленно борющимися за право силами — Царской и парламента.

— Нѣтъ, только опять не это, не эта нелѣпость, — думалъ Трофимъ Михайловичъ и испугался своей отвѣтственности и мысли, что такая «конституція» можетъ, какъ компромисъ, «проскочить» какимъ-нибудь десяткомъ голосовъ...

Тревожно оглядѣлъ онъ собраніе...

Онъ понялъ психологію народа всѣхъ этихъ дней. Народъ нельзя было томить, но надо дать и высказаться. И не здѣсь, въ Храмѣ дастъ онъ послѣдній бой за судьбу Россіи, а на свободѣ, давъ волю страстямъ и ненавистямъ... Чортъ съ ними! — думалъ онъ, — пусть встанутъ другъ на друга, но вынесутъ мое рѣшеніе!..

А ораторы выступали. Ихъ прерывали, торопили...

Вечерніе лучи солнца проникали въ западныя окна Храма, заливъ розовымъ стѣны и образа иконостаса...

Патріархъ утомился и сказалъ: «Ну, пора, я усталъ, до свиданья, завтра утромъ»... и удалился.

Трофимъ Михайловичъ громко бросилъ:

— Засѣданіе продолжается въ манежѣ. Прошу Соборъ слѣдовать за мной...

Мраченъ и сѣръ казался манежъ, послѣ чуднаго бѣлаго Храма.

Было десять часовъ вечера. Москва спала, и лишь кое-гдѣ былъ свѣтъ, да кучками бродили любопытные. Звякая подковами и оружіемъ проѣзжали охранные разъѣзды...

Предсѣдатель открылъ собраніе словами:

— Прошу высказываться короче. Ночью надо дать рѣшеніе. Вамъ надо вспомнить прошлое. Опытъ Думы

за десять лѣтъ привелъ къ 1917 году. Доказывать долго пользу или вредъ для Россіи парламента — нечего. Строй самодержавный далъ тысячелѣтнюю исторію и пересказы объ этой исторіи излишни. Все прошлое — ясно. Заключайте по прошлому — будущее. Вы за этимъ призваны. . .

Тонъ и слова хлестали. Ослабѣвшіе сторонники самодержавія — оправились Малограмотная масса поняла по своему слова любимаго предсѣдателя — «что все, молъ, ясно», и рѣшеніе не за горами, и что Трофимъ Михайловичъ разсуждать долго не дастъ. Многіе привыкли къ его манерѣ говорить — «къ дѣлу, къ дѣлу». . .

Подкрѣпленная провалившимися республиканцами оппозиція боролась ожесточенно. Предсѣдатель не останавливалъ рѣзкостей, окриковъ и допускалъ все. Онъ видѣлъ, что конституціоналисты слабы, что доводы ихъ стары и что защищать, при наличіи событій 1917 года, парламентъ — трудно. По его подсчету, за парламентъ и за всѣ лозунги демократіи было не болѣе ста пятидесяти человѣкъ, но онъ не зналъ еще, куда сдвинется молчаливая масса.

То рѣзкимъ, то какимъ то покоряющимъ голосомъ, а то на распѣвъ и на «о», заговорилъ самарскій выборный, врачъ, жившій въ деревнѣ до послѣднихъ лѣтъ.

Сдѣлавъ обзоръ свала народнаго духа съ 1917 года и подавъ счетъ «убытковъ» своей губерніи въ людяхъ, инвентарѣ, производствѣ, уронъ въ смертности и болѣзняхъ, онъ предложилъ множить свои цифры недочета на число губерній. Полъ часа его рѣчи мелькнули мгновеніемъ, и онъ уже рисовалъ другую яркую картину — богатства страны въ прошломъ и всѣхъ возможностей этого прошлаго, при пробужденіи народа и общества отъ лѣни.. И опять цыфры, сводки, бьющія не фантазіей трибуна, а реальностью.

Въ 180 милліардовъ старыхъ рублей оцѣнивалъ онъ вывезенное и награбленное добро, — въ золотѣ, драгоцѣнностяхъ, картинахъ, платинѣ ,лѣсѣ, щетинѣ, льнѣ, кожѣ, пушинѣ, мѣхѣ, углѣ, нефти и всякомъ сырьѣ. Одно украдено, а другое продано Англіи, Швеціи, Америкѣ и другимъ странамъ за четверть цѣны. ,

Потомъ — два сопоставленія: былая сила... и въ щепы разбитое корыто!

— Во имя чего же все это разбито?.. И злой самарецъ не щадилъ никого, но не входилъ въ подробности. Все прошедшее до одури скучно и извѣстно... а «они виновники» сами все записали въ своихъ эмигрантскихъ лѣтописяхъ, но не сознались до сихъ поръ. — И ораторъ сорвался съ серьезной рѣчи на полемику, вбивая слова, какъ гвозди: — Что - же, или хотите вы опять идти къ пятому и семнадцатому году, продолжая прерванное большевиками? — и съ того же мѣста, и для той же цѣли мы будемъ опять строить лѣса парламентаризму, общественности, демократіи, еврейству и западу? Или хотите вы, по словамъ Столыпина, новыхъ потрясеній и насъ еще не достаточно потрясъ Ленинъ? Терпѣливы мы, коли такъ! Не хотите ли вы опять нырнуть во всю грязь и ложь и новую измѣну новому Царю и опять убійства его и народа? Какъ, опять слушать Милюкова, Гучкова, Керенскаго, Бубликовыхъ и Пуришкевичей? Опять партіи съ похотью власти? Оплеваніе власти одними и защита ея какими-то другими..., когда власть должна покоиться на ревнивомъ любовномъ береженіи всего народа, т. к. власть и есть выраженіе разума, и чести, и совѣсти народной. И опять расхищеніе власти и плѣненіе Монархіи — сегодня бюрократіей, а завтра парламентскими блоками? Этого вы хотите?

Такъ неужели для новой Думы Россія была исполосована кровью и огнемъ? Для повторенія Думы принять

позоръ Бреста, новое безславіе, голодъ и терзаніе? И что же, для такого возрожденія по заграничному рецепту мы присланы сюда народомъ? .. И еще днемъ, охваченные восторгомъ и проливая слезы... мы разрѣшимся... англійской конституціей? .. Подъ колокольный звонъ и клики народа... Это мы дадимъ народу? То или другое, но мы обязаны ему что-то дать? Наша задача, поставить Россію на ноги на долгіе годы или на вѣка. Если вамъ по силамъ, рѣшайте какъ самой жизни быть, какъ опереться на области, а не какъ вмѣсто себя позвать партійныхъ милостивыхъ государей на старыя кресла Думы и бюрократіи! Игранными картами хотите играть? .. Что-жъ, играйте!

Разберемся и въ другомъ: кровью своей прошли вы школу соціализма, убѣдились, что вся его діалектика и всѣ его основы гроша ломаннаго не стоятъ; его злобное лицо показало, что рычагъ его, — ненависть! Какъ ученіе соціализмъ — ложь. Какъ режимъ — жестокость! Пробовали вѣдь допускать хвостики свободы — и тогда вся соціалистическая постройка дрожала! Почему? Да потому, что это единственный строй, который отрицаетъ свободу, существуя насиліемъ партіи надъ личностью и надъ народомъ. Такого равенства опять хотите вы, или не поняли вы, что равенство исключаетъ свободу и свобода такая исключаетъ равенство?

Въ Христіанствѣ все основано на личномъ подвигѣ. Въ соціализмѣ — на принужденіи уравниваемаго въ кабальный ранжиръ народа.

Оглянемся, что осталось: деревенскія школы разрушены. Инвентаря — нѣтъ. Работы — нѣтъ. Народъ изъѣденъ сифилисомъ и наканунѣ полнаго вырожденія. Вотъ къ чему привели 1905, 1917 годы и соціализмъ. Планъ реформаторовъ былъ: въ политикѣ — республика. Въ экономикѣ — коммунизмъ. Въ религіи — атеизмъ. Въ дѣторожденіи — сифилисъ. Въ семьѣ — раз-

вратъ. Все проведено кровью, желѣзомъ, голодомъ, заразой... И народъ платитъ дань интернаціоналу!

Соціализмъ — Каинъ, во имя товарищества и грабежа, не щадящій брата. И вышло, что нѣтъ клочка земли, не дымящагося кровью братьевъ.

Но кто же къ этой крови привелъ? Какое событіе? Какой годъ? Какіе люди? Къ соціализму, въ странѣ собственниковъ и рабочихъ, не знавшихъ нужды и безработицы и буржуазіи и крестьянства, не знавшихъ горя, привелъ парламентъ. Сбросивъ власть, парламентъ открылъ двери пролетаріату; оттолкнувъ народъ и не умѣя стать властью, онъ пустилъ впередъ вора, палача и иностранца. Все было послано къ чорту и не распредѣлилась только общественная власть; она, убивъ невиннаго Царя, какъ и при Думѣ сохранила рабскую централизацію и бѣшенный бюрократизмъ.

Такъ куда же мы сегодня **опять** пойдемъ? Къ тому же истоку — Думѣ, революціи, республикѣ, соціализму? Вернуться и начать опять съ той же конституціонной монархіи, чтобы отдохнувъ, все съизнова начать? Я не хочу вѣрить въ это безуміе, въ эту новую глупость!

Вы — крестьяне, и миновать вашего голоса и уменьшить ваше природное большинство нельзя. Грамотны ли вы или нѣтъ, развиты или нѣтъ — безразлично. Вы обязаны понять, что произошло и должны выразить — не рѣчами: вы ихъ говорить не умѣете, — а простымъ словомъ — да или нѣтъ, — спросивъ себя, что вамъ дала Дума 1905 г. и что дало его дѣтище —революція 1917 г. и отвѣтить, можно ли лѣзть опять въ старые хомуты, или же пора добиваться наконецъ свободы и порядка, и права.

Землю, скажете, далъ вамъ 1917 годъ? Это ложь! На 23 деревни всего одна деревня получила урѣзки земли и захватившіе выкинутъ за эту землю деньги, за документъ, за полное на нее право владѣнія. Такъ что зем-

лей мнѣ очки не втирайте, и она не ваша, а государственная! Что же другое вы получили? Ничего? Нѣтъ, — вы получили рабство, голодъ, сифилисъ и развратъ. Вы обязаны смыть позоръ съ себя, и пора крестьянину скинуть кличку насильника и вора. Серпу нечего дѣлать съ молотомъ. Вся исторія парламента и всей эпохи съ 1905 года до сегодня — позоръ. А кто этого не сознаетъ, пусть откажется отъ областного самоуправленія и начинаетъ съизнова...

Но, скажу я вамъ, я угадалъ стоявшаго сегодня передъ нами Наслѣдника. Головы своей онъ ни передъ кѣмъ не склонитъ. Онъ знаетъ, что надо дать народу власть и рядомъ самоустройство — иначе народъ никогда на ноги не встанетъ и не ощутитъ права собственности и свободы, если мы осмѣлимся закрѣпить захваты революціи... И сегодня ей конецъ! Если хотите опять парламента, — ищите себѣ другого Царя — Англія и Германія вамъ найдутъ уступчиваго!

Дальше ораторъ перешелъ къ опредѣленію существа самодержавія въ единеніи съ землей, отвергъ возможность всякаго сравненія съ западомъ и требовалъ перейти къ голосованію.

Кончилъ онъ такъ:

— Нѣтъ, великій Богъ нашей родины не оставитъ ее. Наша былая слава — не бредъ, а быль. Властно и грозно подымалась надъ міромъ держава Россійская. Повержена она, доколѣ Царская рука вмѣстѣ съ народной силой не подыметъ ее. Мы — посланцы земли, и выбора у насъ нѣтъ: или вновь отречься отъ нея, или дать ей встать во весь свой великій ростъ.

Въ отвѣтъ ему Соборъ такъ и загудѣлъ требованіемъ вопроса и баллотировки.

Отчаявшаяся оппозиція выходила изъ себя:

— Мы аппелируемъ къ народу! Мы оповѣстимъ объ этихъ безобразіяхъ весь міръ! Мы сорвемъ Соборъ!

Это не Соборъ, а сборище насильниковъ и хулигановъ! — раздавались крики.

Услыхавъ послѣднія слова, собраніе рванулось къ группѣ оппозиціи и, обступивъ ее, грозило побоями. . .

Трофимъ Михайловичъ успѣлъ прорваться въ толпу и обладая огромной силой, грудью защитилъ кучку людей. Какъ матка спасаетъ свой улей, отстоялъ онъ честь Собора. Все опять утихло и выборные разошлись по губерніямъ. Было 3 часа утра. Въ тусклыя окна манежа брезжило утро. Нѣкоторые выборные были такъ истомлены, что спали, кто на скамьяхъ, кто на пескѣ. . .

Звонко раздались слова предсѣдателя:

Еще одно такое движеніе,и я введу войска. Мы не парламентъ, а Соборъ народный. А вамъ, позволившимъ себѣ порочить собраніе, я выражаю негодованіе и предлагаю или снять съ себя званіе выборныхъ или воздержаться отъ голосованія. Собору приличествуетъ выносить свое рѣшеніе единогласно. Вѣрно ли я говорю? — обратился предсѣдатель къ Собору, отвѣчавшему ему:

— Вѣрно, рѣшать единогласно!

На послѣдній вопросъ, желаетъ ли Соборъ голосовась сейчасъ или высказать рѣшеніе утромъ, въ Храмѣ Спасителя, — вся масса поднялась, прося произвести голосованіе въ храмѣ. . .

Уже совсѣмъ на зарѣ, усталый Трофимъ Михайловичъ заѣхалъ въ домъ, гдѣ жилъ Акимъ Петровичъ. Старикъ не спалъ, онъ что то писалъ и былъ бодръ и веселъ.

— Ну, батенька, поздравьте съ побѣдой. Всю ночь работалъ съ пріятелями. Смѣту бюджета дѣлали, а такъ же будущаго торговаго и расчетнаго баланса по Волжскимъ областямъ. Получается любопытное. Хоть и разорены наши области, а работу могутъ начать почти безъ

займовъ! И не фантазія это, а близко къ истинѣ! Есть надъ чѣмъ подумать... Попробуемъ, не обойдемся ли безъ Европы?..

— Ну, а вы какъ?.. — улыбнулся Акимъ Петровичъ, — скоро это сборище разгоните? Ничего, не унывайте, созовемъ второе и третье, коли надо...

Трофимъ Михайловичъ зналъ недовѣріе стараго земца къ Собору, и отвѣтилъ серьезно и вѣско:

— Напрасно думаете, никакихъ скандаловъ нѣтъ, я надѣюсь, въ два дня всѣ вопросы вырѣшить... Что, не вѣрите?

— Чудесъ не бываетъ. Соборъ вашъ сходъ, и мнѣ не вѣрится, что воздухъ такъ очистился, чтобы сіе сборище могло рѣшить что нибудь твердое... — Акимъ Петровичъ запнулся, увидавъ что-то недоброе въ глазахъ своего гостя. И оба вспомнили старое: вѣчный споръ, отрицаніе важности работы «другого», критику, недоброжелательство. Старый земецъ всталъ и крѣпко пожалъ руку этому «другому».

— Ну, простите меня, не буду. Въ исторіи людей все комедія, и мы ее оба дѣлаемъ. Но я вѣрю и по глазамъ вашимъ вижу, что народъ почуялъ новое и что въ мужикѣ и вашемъ Соборѣ скажется русская сметка. Простите, я не хотѣлъ васъ обидѣть... И вы, именно вы, съ этимъ сходомъ можете порѣшить русское дѣло...

Еще добрый часъ длилась бесѣда между этими «бывшими» людьми, и разошлись они друзьями...

Труднѣе же всѣхъ въ тѣ дни было Василію Васильевичу. Онъ тоже не спалъ и, отпустивъ докладчиковъ, собиралъ свои мысли въ порядокъ.

Москва на видъ была спокойна, но по донесеніямъ, на окраинахъ, было до трехсотъ убитыхъ.... Яростно было нападеніе коммунистовъ на Пятницкую Церковь,

на Конной площади и у вокзаловъ. Партіи ихъ набрасывались на народъ съ бомбами и газами. Но и расправа съ ними была безчеловѣчная.

Но страшнѣе всего готовилось покушеніе на Земскій Соборъ. Въ университетѣ, на чердакахъ, засѣла партія съ запасомъ бомбъ и адскихъ машинъ. На 10-ое мая готовилось нападеніе на храмъ Спасителя. . .

Открылъ заговоръ Петренко, и вся шайка закована была въ кандалы. Въ заговорѣ участвовало до 600 человѣкъ. . .

— Всѣхъ казнить до рѣшенія Собора, — настаивалъ Петренко.

— Я доложу Наслѣднику, — отвѣтилъ Правитель.

— Зачѣмъ? . . Неужели по старому?. . . Возлагать на Наслѣдника? . . Простите, Василій Васильевичъ, сорвалось! . . Но нельзя же простить эту сволочь? . . Тогда зачѣмъ арестовывать? . .

— Вы правы, оставьте меня подумать. Государю я не скажу. . . Возьму все на себя. . .

Правитель остался одинъ. Онъ нервно ходилъ по комнатѣ. . .

На столѣ — вороха бумагъ и депешъ. Походная канцелярія завалена дѣлами. Его помощники — молодежь: есть и бывшіе эмигранты, и бывшіе большевики. Послѣднихъ — больше. Всѣ молодцы.

За день, выслушавъ доклады пятидесяти начальниковъ, онъ теперь читалъ вѣдомость дня; затихъ погромъ въ Кіевѣ, но начался въ Одессѣ; волновался и жестокъ былъ расправой Нижній: тамъ сожгли пароходъ съ засѣвшей бандой. Изъ Петербурга доносили, что борьба населенія принимаетъ неслыханные размѣры, но приходитъ къ концу. Сердце сжималось, читая объ убійствѣ молодца генерала, усмирявшаго въ Житомірѣ погромы... Дальше — было описаніе убійства самар-

скаго старшины и о жестокой за это расплатѣ съ большевиками. Пожары и взрывы продолжались. . .

Но вотъ и улыбка на омраченномъ лицѣ правителя: радіо-телеграмма сообщала: «на границѣ Финляндіи захвачены 18 членовъ совѣта народныхъ комиссаровъ и 89 различныхъ комиссаровъ. Совмѣстно съ ранѣе арестованными — 130, въ томъ числѣ Керенскій. Согласно распоряженія вашего превосходительства, всѣ посажены въ поѣздъ; вагоны запломбированы и направлены транзитомъ франко въ Германію. Распорядился, буде грузъ принятъ не будетъ, оставить въ мѣстѣ прибытія пять вагоновъ съ содержимымъ. Конвою приказано вернуться назадъ».

Чтеніе прервалъ телефонъ отъ Петренко: «арестованные за покушеніе на Земскій Соборъ были перевезены въ Бутырскую тюрьму. Только что, взрывомъ, разрушена ея часть ,въ числѣ жертвъ сказанные арестованные». . .

Въ вихрѣ событій все еще витали ужасы преступленій и казней. . .

— Смерть кругомъ, все еще смерть! — думалъ онъ. — Ждали худшаго, суды деревенскіе спасли, а то была бы поголовщина. . .

Онъ вспомнилъ, что въ Петербургѣ и Псковѣ рѣзня еще идетъ, что все каторжное, злобное, собралось тамъ и сдается только желѣзу. И онъ, старый, до нельзя усталый человѣкъ, даетъ приказъ за приказомъ — казнить и душить революцію!

— Задушу-ли? — спросилъ онъ себя вслухъ. . . И ему представилась вся Россія. Всюду наступалъ покой. Въ Сибири и въ степяхъ — тишина, по Волгѣ — тоже, и югъ послѣдніе дни усмирился. . . Только столицы не сдаются. . . Еще день, недѣля, — усмирю! — выкрикнулъ Василій Васильевичъ и улегся, не раздѣваясь, на походную кровать. . .

XIV

Опять на площадяхъ ,улицахъ и на крышахъ неисчислимыя массы людей. Опять — день ясный и безвѣтренный. Городъ тихъ. Благовѣста нѣтъ. Лишь дальнія Церкви какъ-то осторожно отзвонили къ утренямъ. Запущенный, неряшливый послѣ разбоя красныхъ Кремль былъ издали величественно красивъ. Онъ пустъ. Его безмолвіе мрачно. Про покои дворцовъ ходятъ легенды. Люди боятся въ него заглядывать, и его площади выметены, но пусты. . .

Есть и новое: около Храма Спасителя толпятся пестрыя группы. То вновь прибывшіе депутаціи и выборные отъ казачьихъ станицъ. Пестрѣютъ чекмени, набойки папахъ, наборные ремни, штаны въ очуркахъ. Еще тутъ и нарядные халаты и малахаи депутацій калмыковъ и киргизовъ, а поотдаль стоитъ большая группа съ Кавказа. Всѣ нарядны, подтянуты и впереди всѣхъ стоятъ восемь выборныхъ отъ Кавказа. Они привезли грамоты Наслѣднику и Земскому Собору о подчиненіи Кавказа общимъ законамъ страны и о неразрывной связи съ Россіей. . .

Храмъ былъ окруженъ множествомъ допущенныхъ правителемъ офицеровъ.

Изъ манежа, въ 9 часовъ утра, попарно, прошли въ Храмъ выборные. Тщательно прибрались и пріодѣлись они къ этому дню. Особо щеголеваты кажутся сибиряки и степняки. Нарядны, бѣлые съ пестрыми кушаками чуйки на малороссахъ. Много работы досталось въ эти дни женщинамъ: все, что нашлось въ складахъ синей, красной и бѣлой матеріи было скуплено, а то и расхватано. Пошиты были тысячи флаговъ, и этими флагами и массой вѣтокъ была наконецъ убрана Москва. . .

Патріархъ оставался въ алтарѣ, пока разставляли урны и провѣряли списки.

Трофимъ Михайловичъ волновался. Онъ допустилъ бы можетъ быть пренія еще нѣсколько дней, но вмѣстѣ съ тѣмъ угадывалъ настроеніе Собора. По его мнѣнію, даже молчаливые знали въ этотъ разъ, что рѣшать. Надо было спѣшить, пока настроеніе не упало и ничего плохого не случилось. У всѣхъ было одно желаніе, перейти скорѣе къ какой то новой жизни и работѣ. Когда предсѣдатель роздалъ по губерніямъ связки привѣтственныхъ депешъ, волненіе выборныхъ еще увеличилось.

Наконецъ, по выходѣ Патріарха изъ алтаря, началось засѣданіе. На столахъ, для каждой губерніи и области, стояли ящики; на серебряныхъ тарелкахъ бѣлѣли шары.

Медленно, но внятно, Трофимъ Михайловичъ прочелъ два вопроса. Сущность ихъ была: установленіе формы государственной власти Россійскаго Государства, на основаніи: или закона 1906 г., или по силѣ и смыслу основного закона, дѣйствовавшаго до этого годы... Ясная и краткая редакція вопросовъ была изложена правителемъ и Святѣйшимъ Патріархомъ...

Предсѣдатель спросилъ Соборъ, желаетъ ли кто-либо сдѣлать возраженіе по редакціи вопросовъ. Выборные отвѣтили сдержанно: «нѣтъ, все ясно, понятно»...

Съ кресла поднялся Патріархъ и произнесъ слово.

— Вмѣстно ли въ такую великую минуту, при рѣшеніи избранныхъ людей земли, прибѣгать къ механикѣ, къ закрытымъ ящикамъ, къ сокрытію чувствъ своихъ? Существуетъ старый, освященный исторіей, обычай рѣшенія вопросовъ — міромъ. Мы — въ Храмѣ Божьемъ. Онъ видитъ души наши. Не скрывайте же своихъ думъ и воли передъ Богомъ и людьми. Не таитеся. Я предлагаю вамъ сдѣлать такъ: тѣ, кто хотятъ Царя сво-

боднаго и единаго во власти — идите на право, а тѣ, кто хотятъ ограничить власть его — людьми частными и по найму — идите ошую. Сіе будетъ достойно честныхъ побужденій всего народа русскаго. . .

Выборные переговаривались, и послѣ минуты раздумья, многіе отвѣчали: «согласны, такъ и желаемъ, по Божьи, по старинѣ!»

Но не даромъ судьба выдвинула впередъ Трофима Михайловича. Онъ понялъ опасность такого естественнаго и красиваго жеста Патріарха. «А потомъ что? — спохватился онъ: — а протесты въ будущемъ, а что скажетъ все вражеское, всегда готовое ко всему придраться? Онъ далъ знакъ, что будетъ говорить.

— Не сомнѣвайтесь, великій отецъ нашъ Духовный, въ готовности исполнить волю вашу, но не прогнѣвайтесь на слова мои. Ошибемся мы, проведя наше рѣшеніе открыто. Правда, прятать Собору нечего и не отъ кого, но мы — Соборъ — вмѣстѣ одно, а каждый человѣкъ въ отдѣльности имѣетъ свои убѣжденья, свои мысли, и въ вопросѣ, гдѣ идетъ рѣчь о чистотѣ и всей силѣ власти Монарха, у каждаго въ мысляхъ можетъ быть свой оттѣнокъ. Этой то мысли и доброй волѣ надо дать полную свободу и не стѣснять совѣсти каждаго ничѣмъ. Дѣло наше великое, но оно мірское, и мы просимъ Бога наставить насъ. Благоволи же, Святѣйшій, внять моимъ словамъ и разрѣшить каждому въ отдѣльности вложить мысль свою въ этотъ шаръ бездушный, глазъ на глазъ съ своей совѣстью и разумѣніемъ.

Патріархъ задумался и потомъ, мягко улыбаясь, сказалъ:

— Ну, быть, видно, по твоему, Трофимъ Михайловичъ. Правъ ты. Свѣтла голова твоя. Оцѣнилъ ты вѣрно и время, и духъ, и совѣсть человѣческую. . . Идите дѣти, къ рѣшенію, а я молиться буду за васъ и Россію. . .

Тишина въ Храмѣ наступила полная. Лишь звукъ

шаговъ, шелестъ одежды, да осторожное откашливаніе нарушали эту тишину... Выборные, одни торопливо, другіе спокойно, подходили къ ящикамъ и совали въ правую или лѣвую сторону ящиковъ костяной шарикъ судьбы Россіи.

За весь этотъ томительный часъ былъ одинъ перерывъ. Въ сторону выступило двадцать человѣкъ, изъ которыхъ крестьянъ было трое. Выборный ярославецъ, бывшій адвокатъ, заявилъ, чтобы ихъ отмѣтили въ спискахъ, какъ не желающихъ баллотировать.

— Совѣсть наша намъ такъ велитъ. Мы не признаемъ полезной власть Царскую, — угрюмо сказалъ этотъ выборный.

Остановка длилась минуту, и затѣмъ такъ же чинно и тихо продолжалось голосованіе...

А на улицахъ въ это утро происходило необычное. Когда прошелъ слухъ, что въ Соборѣ рѣшалось, какой будетъ Царь, волнующіяся и двигающіяся по городу массы, будто по приказу, остановились.

Усталый отъ ночной работы, Акимъ Петровичъ видѣлъ эту минуту остановки. Онъ забрелъ во дворецъ, посмотрѣть на его разрушеніе и изъ окна верхняго этажа видѣлъ все происходящее. Легкій туманъ стелился дымкой надъ Москвой - рѣкой и Замоскворѣчьемъ. Сквозь эту прозрачную завѣсу поблескивали вдали купола и кресты Церквей. Небо было ясное и въ немъ, какъ огромныя птицы, тихо кружило множество аэроплановъ. Бѣлѣлъ городъ, и лишь на площадяхъ и на набережныхъ передвигались сотни тысячъ народа, среди котораго кое-гдѣ проѣзжали, поблескивая обнаженными шашками, конные отряды. Было тихо. Ѣзда и грохотъ колесъ прекратились.

И вдругъ, всѣ эти массы замерли на мѣстахъ. Прекратился гулъ голосовъ, все движеніе остановилось и черные потоки народа будто приросли къ землѣ. Стало совершенно тихо и только наверху жужжали машины. . .

Акимъ Петровичъ зорко оглянулъ окрестности: всюду была та же неподвижность, — и его, скептика и позитивиста, все это поразило и страшно взволновало...

Какіе то вставшіе рядомъ два нарядные господина разговаривали:

— Банально все это. . . Нѣтъ торжества. . . Нужна бы музыка, войска, процессіи. . . Что бы это было заграницей? А это что? Сѣрый народъ, здѣсь и порядочнаго то не встрѣтишь!

— Захотѣли вы порядочности! Это, мой другъ продолженіе царства торжествующаго хама. . .

Акимъ Петровичъ усмѣхнулся. Эти бывшіе люди не могли ни говорить иначе, ни понять происходящаго. За минуту до того, онъ самъ равнодушно оглядывался и не вѣрилъ никакой толпѣ. Но то, что вся эта громадина народная, вдругъ, какъ по уговору, затаилась и смолкла, затронуло его душу. Онъ понялъ громадность и осязаемость происходящаго. Понялъ, что не только въ цыфрахъ и системахъ укладывается понятіе о жизни государства, но и въ дѣйствіяхъ, какъ отдѣльныхъ вождей, такъ и самихъ массъ, дѣйствіяхъ, имѣющихъ духовный смыслъ какого-то предопредѣленія. И эти затихшіе люди, бывшіе столько лѣтъ, — одни озвѣрѣлыми, другіе приниженными. . . проявляютъ вдругъ, и сразу, однимъ жестомъ, однимъ движеніемъ — духъ народный! . .

И глаза Акима Петровича видѣли, и уши слышали для него новое. И онъ, теоретикъ, экономистъ, затаившій — за убійство родныхъ, за разореніе, за позоръ и за все. . . ненависть, — мыслью обнялъ весь народъ и сразу простилъ его, и полюбилъ, и повѣрилъ ему. . .

Слезы струились изъ его старыхъ глазъ, и сквозь

слезы оглядывалъ онъ родное небо, горизонты, всю страну и остановилъ взоръ на Храмѣ Спасителя, гдѣ совершалось таинство преображенія и успокоенія родины. . .

— Вольнолюбцами зародились мы, вольнолюбцами и останемся ,— думалъ онъ. . .

А въ Храмѣ кончилась длительная, но важная процедура. Шары были положены. . .

Предсѣдатель просилъ занять мѣста и приказалъ парнымъ секретарямъ начать со счета шаровъ, — за Монархію конституціонную.

Выдвинулись ящики, и въ чашки, стукая, начали падать шары. . . Толпа замерла въ ожиданіи. . .

Шары стукали: тридцать девять, сорокъ. . .

— Сорокъ одинъ шаръ! — громко объявилъ товарищъ предсѣдателя.

Не дожидаясь второго счета, несмотря на поднятую руку предсѣдателя, весь Земскій Соборъ двинулся къ паперти, къ Патріарху и, какъ наканунѣ, Храмъ дрогнулъ неудержимымъ страстнымъ крикомъ « ура» за самодержавіе.

И въ ту же секунду, послѣ тишины и за стѣнами Храма Собору отвѣтило потрясающее, несмолкаемое «ура». . .

Громовые крики неслись изъ конца въ конецъ Москвы, и толпа неудержимо двинулась съ мѣста, стремясь къ Кремлю и Храму Спасителя. . .

И потомъ, все смолкло и на полъ часа наступила опять тишина. Производился второй подсчетъ звонко падавшихъ въ серебряныя тарелки шаровъ.

За Самодержавіе Соборъ подалъ 878 голосовъ. . .

И вновь, порывомъ, зарокотало оглушающее «ура»...

Гонцы неслись отъ Патріарха къ Государю и Прави-

телю. Къ первому никто не посмѣлъ обратиться по телефону. Узнали, что Государь былъ въ Успенскомъ Соборѣ, и на встрѣчу ему Патріархъ выслалъ Митрополита Московскаго со Епископами.

Государь шелъ среди толпы изъ Кремля, одиноко, съ непокрытой головой...

Изъ Храма, когда онъ поднимался по лѣстницѣ сквера, кромѣ духовенства, ему на встрѣчу медленно и стройно двинулся весь Земскій Соборъ и, составивъ проходъ, выборные встали по обѣ стороны его пути...

Молчали всѣ. Молчала и толпа кругомъ...

Въ вратахъ Храма Государя встрѣтилъ Патріархъ и, осѣнивъ его крестомъ и сказавъ нѣсколько словъ, шествовалъ рядомъ къ алтарю, а затѣмъ оставивъ Государя одного въ серединѣ Храма, Владыка прошелъ въ алтарь, пока Храмъ опять наполнялся выборными, сенаторами и офицерствомъ и пріѣхавшими людьми изъ губерніи...

Выйдя на амвонъ, Патріархъ поднявъ крестъ и обратясь къ Государю, произнесъ:

— Соборъ земли русской, именемъ всего населенія нашей страны, всею совѣстью и радѣніемъ своимъ о участи возлюбленнаго нашего отечества, установилъ необходимость сохраненія во всей полнотѣ нашего извѣчнаго государственнаго строя — Самодержавнаго. Къ нему, этому народному праву возсоздать свою свободную Власть, вернулись мы сегодня, послѣ пережитыхъ несказаемыхъ бѣдствій и горя. Сенатъ, въ лицѣ оставшихся его законныхъ несмѣняемыхъ представителей, совмѣстно со мной и призванными мною митрополитами, имѣлъ сужденіе о правахъ твоихъ, Государь, на Престолъ Царскій. Передъ Сенатомъ всталъ вопросъ основного закона о престолонаслѣдіи, по точному его смыслу прямого наслѣдованія или необходимсти изданія новаго закона. Послѣдняя необходимость оправдывается раз-

мѣромъ пережитыхъ бѣдствій въ истекшіе кровавые годы революціи, и явно выраженнымъ требованіемъ народа, безъ всякаго замедленія, избранія законнаго носителя верховной власти.

Въ виду того, что твое имя, Государь, твой родъ и твои дѣйствія отвѣчаютъ правдѣ, закону и требованію земли нашей, Земскій Соборъ, подготовленный для твердаго рѣшенія, опредѣлилъ неотложность изданія закона о твоихъ, Государь, правахъ и постановилъ избрать и утвердить тебя на Царство Россійское и выразить тебѣ отъ всей земли свою радость и свои, вѣрныхъ и подданныхъ, чувства. Прими же власть, Государь! Вкупѣ съ Соборомъ и всѣмъ народомъ я возношу молитвы къ Престолу Всевышняго, да ниспошлетъ онъ Россіи очищеніе, народу — прощеніе и будущее — въ великомъ покоѣ, трудѣ и счастьѣ. . .

Не дрогнувъ ни однимъ мускуломъ лица, какъ изваянный, стоялъ въ серединѣ Храма Государь. . .

Онъ отвѣтилъ Патріарху короткой рѣчью, занесенной дословно въ лѣтопись. Конецъ ея заключался въ отвѣтственности, которую онъ на себя принимаетъ передъ Богомъ и страной; отвѣтственности, наравнѣ и безъ всякаго исключенія со всѣми подданными Россіи передъ законами, изъ коихъ онъ намѣренъ одни утвердить и начертать другіе совмѣстно съ Соборомъ.

— Власть и народъ обязаны служить странѣ, и я исполняя этотъ основной законъ Государства, призову всѣхъ проникнуться этимъ сознаніемъ, — кончилъ рѣчь Государь и, смолкнувъ, обвелъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ. . .

Потомъ, пройдя впередъ, онъ всталъ на колѣна и земно поклонился Патріарху. . .

Хоры и всѣ стоявшіе начали пѣть «Спаси, Господи, люди Твоя», но, минуя церковный порядокъ, отдаваясь чувству, въ перерывъ пѣнія, всѣ перешли на «Боже Царя храни!»...

Долгіе годы никто не слышалъ гимна, и могучіе и родные звуки его величаво и грозно понеслись и передались за стѣны Храма. Потрясенные, взволнованные люди, стоя на колѣняхъ, то прорывались громовымъ «ура», то повторяли гимнъ, въ словахъ и кличахъ, выражали свой восторгъ и ни съ чѣмъ не сравнимое чувство умиленія... А когда загудѣлъ колоколъ Храма Спасителя и ему отвѣтилъ Успенскій Соборъ и зазвонили всѣ Кремлевскіе колокола, а за ними, всей силой мѣди и серебра запѣли всѣ сорокъ сороковъ московскихъ, то кличи и хоры, сливаясь съ плавнымъ перезвономъ, великолѣпно и величественно понеслись по окрестностямъ Москвы...

Задвигалась неисчислимая шумная, радостная лава людская, тѣснясь потоками къ Кремлю, изъ котораго, послѣ заѣзда въ Успенскій Соборъ, выѣзжалъ Патріархъ, а рядомъ съ нимъ, опять верхомъ, ни кѣмъ не сопровождаемый, ѣхалъ Государь, направляясь въ Лавру, въ Трифоновскую Церковь къ обѣднѣ...

Море обнаженныхъ головъ, бурные клики, развѣвающіяся тысячи простенькихъ, но новыхъ знаменъ въ рукахъ людей и въ окнахъ; звоны колоколовъ и дальніе орудійные салюты съ Ходынки, гдѣ были лагери, — выразили все то въ чувствахъ народа, что никакими словами не передается...

Ясное было небо. Ласкало и грѣло солнце, играя въ миражахъ далей Воробьевыхъ горъ. Только на востокѣ, далеко за Москвой, крыли черно-лиловыя тучи, да ла-

сково-ворчливо погромыхивалъ громъ и высокими полосами проливались желанные дожди...

Совершилось важное дѣло. Совершилось просто и неожиданно быстро.

Въ народѣ шелъ говоръ о чудѣ... И понималось — чудо въ какой то особой ясности происшедшаго...

А ждали-то и не вѣсть чего! И покушеній, и борьбы партій и раздѣла народа на части, и несогласій Собора, и разгона его, и созыва новыхъ. Ждали распрей и налетовъ аэроплановъ, и бунтовъ въ арміяхъ, и выступленія Польши, Германіи, Англіи и ея флота въ Петербургѣ и Черномъ морѣ... Тысячи языковъ на тысячу ладовъ судили, пророчили, клялись, что «подлинно знаютъ, что сами молъ видѣли и слышали»... Ждали и особыхъ торжествъ, парадовъ, мундировъ, рѣчей, манифестовъ, иллюминацій...

И ничего этого не было... Все прошло тихо и истово. Будто чьи то огромныя свѣтлыя крылья взяли подъ свою защиту и, все собою обвѣвая, покрыли городъ и людей и не дали совершиться ничему злому, ни подлому.

Подлое — ушло... Но люди подлые были и въ толпѣ, но прятались, какъ съ замкомъ на рту ходили, и угрюмо перешептывались.

Зато всѣ остальные, и нищіе, и оскорбленные, и измученные, и люди съ кое какимъ достаткомъ — веселы были, радовались, и плакали, и пѣли, и ликовали... Много просвѣтленныхъ лицъ было, взволнованныхъ улыбокъ и добрыхъ ласковыхъ словъ... И молились всѣ дни, прося у Бога покоя и отдыха...

— Чудо, чудно... чудно... — говорили на всѣ лады въ народѣ и не углубляясь въ сужденіе, что, да отчего, — крестились...

На сѣверѣ довершалось кровавое дѣло междуусобныхъ боевъ. Загнанные въ Новгородскую губернію большевики удержали остовъ арміи съ сотней батарей и аэроплановъ. Этотъ хвостъ арміи включалъ самыхъ упорныхъ людей, знавшихъ, что сдайся они, пощады не будетъ. По рядамъ ихъ прошелъ духъ единства — желаніе не сдаваться и уйти къ границѣ Эстоніи.

Наканунѣ боя 7-го, предположеннаго командующимъ войскъ правителя генераломъ Д., аэропланы красныхъ сдѣлали отчаянный ночной налетъ, забросавъ штабъ и обозъ этого генерала снарядами. Убиты были генералъ Д. и нѣсколько сотъ разныхъ чиновъ. Въ войскахъ правителя началась паника, и въ безпорядочныхъ перестроеніяхъ противнику удалоь отступить. И эта смѣлая часть ушла бы, если бы въ направленіи слободы Софьинской не былъ доставленъ отрядъ въ 25 тысячъ штыковъ и сабель бывшихъ добровольцевъ съ полковникомъ С. Сгрузивъ ночью батальоны, не давая людямъ передышки и имѣя развѣдку, что колонны противника идутъ по берегу болотистой долины, безъ резерва. С. атаковалъ. Глухою ночью, въ проливной дождь, освѣщая мѣстность прожекторами, артиллерія начала бой. Строясь въ боевой порядокъ, большевики приняли бой.

Стремительно, надѣясь смять бѣлыя части, большевики начали наступленіе. Разгорѣлся не регулярный, а безпорядочный остервенѣлый бой, въ которомъ люди понимали задачу уничтоженія другъ друга: одни — во имя спасенія, другіе — во имя мести. Командиры частей бились въ рядахъ и на флангахъ. На пятиверстномъ разстояніи, въ темнотѣ, озаряемой свѣтомъ прожекторовъ, не зная, что дѣлается въ центрѣ и на флангахъ, не зная какія части наступаютъ и какія отступаютъ, — батальоны сходились, отступали и вновь атаковали. Гулъ аэроплановъ, ревъ орудій, стоны и вой бьющихся неслись изъ долины. Вплоть до зари ни-

кто не зналъ, на чьей сторонѣ былъ перевѣсъ. А когда сѣрое утро освѣтило мѣстность, у участниковъ боя кровь застыла, увидавъ происшедшее ночью. Сѣрые, измокшіе люди еще бились: стрѣляли въ упоръ, дрались штыками, схватывались грудью... Но многіе еле двигались и падали на земь. Склоны долины были усѣяны трупами и шевелящимися, стонущими людьми.

Конецъ бою положила кавалерія. Эскадроны врубились въ красныя части; началось послѣднее крошево.

Псковскія земли напились послѣдней кровью.

С. телеграфировалъ правителю:

— Послѣдняя красная армія разбита. Тщетно стараемся укротить ожесточеніе людей. Подходятъ 8 и 12 дивизіи съ Тверского фронта. Намѣстникъ области сообщаетъ успокоеніи Петербурга.

— А говорятъ, нѣтъ чудеснаго? Развѣ въ простотѣ того, что видѣли мы, не было чудеснаго? — спрашивалъ собравшихся къ нему друзей, Акимъ Пертовичъ...

— Прошло все прекрасно, но, признаюсь, чуда особаго я не видѣлъ, — отвѣтилъ Дмитрій Сергѣевичъ.

— А я нахожу чудо. Ему мы обязаны, конечно, высшимъ силамъ, но обязаны и Владыкѣ и Трофиму Михайловичу, а главное Государю. Они всѣ были чудесны, — горячо отозвался Яковъ Валерьяновичъ.

— А народъ? А Земскій Соборъ? А улица? Развѣ кто-нибудь ожидалъ такой выдержки и патріотизма? — сказалъ кто-то.

— Ну-съ, о народѣ говорить трудно, — вмѣшался Петренко. Толпа всегда страшна. Народъ же, какой былъ, такой и остался. Развѣ его разберешь? А эти дни съ нимъ произошло, какъ съ гуртомъ овецъ, котораго

послѣ зимы выпускаютъ изъ кашары на траву и на солнце. Упрется гуртъ и не идетъ изъ воротъ, — столбенѣетъ! Вотъ такъ и народъ, ошалѣлъ отъ быстроты совершившагося и отъ разницы съ тѣмъ, что было, а дайте ка ему...

Акимъ Петровичъ рѣзко остановилъ своего скептика пріятеля:

— Довольно, довольно, не навѣвайте на насъ старую пѣсню сомнѣній и недовѣрія и къ народу, и ко всему. Довольно было отрицанія и охаиванія всѣхъ и вся. Народъ замѣнить нельзя: его надо умѣть направлять и имъ управлять. Да, онъ остолбенѣлъ отъ громадности событія и понялъ свою роль. Онъ рѣшалъ, и если бы не хотѣлъ, все было бы иначе. Онъ принялъ власть и добровольно подчинился ей, какъ желанной...

— А я добавлю и скажу больше, — вставилъ Александръ Валерьяновичъ, — воображаю, что было бы, если бы сегодня во главѣ всего были бы господа Милюковы, Гессены, Керенскіе!.. Вы видите эту картину, по сравненію съ сегодняшней?

Присутствующіе съ улыбкой переглянулись, — картина такъ и встала въ глазахъ у всѣхъ...

Въ наступившемъ молчаніи раздались слова Акима Петровича:

— Вспомнимъ, господа, всѣми забытаго, покойнаго друга нашего Ивана Сидоровича Смѣха, не онъ ли первый началъ вить ту бичевку, которая привела насъ всѣхъ сюда?.. «Какъ веревочкѣ не виться, а кончику быть»... Мнѣ передавали, что передъ смертью онъ сказалъ: не во снѣ, а на яву, передъ вами встанетъ Россія!..

И, не ожидая отвѣта, старикъ продолжалъ:

— Ну, а теперь къ дѣлу. Государь рѣшилъ объявить о принятіи народомъ присяги завтра, послѣ смотра войскъ. Затѣмъ онъ безотлагательно проводитъ черезъ

Соборъ законъ объ областяхъ. Въ іюнѣ начинаются выборы въ областные Соборы и черезъ мѣсяцъ открытіе ихъ дѣйствій, какъ и Совѣтовъ. Области ждутъ пріѣзда Государя. А мы, господа, перестанемъ-ка судить другихъ и прошлое и посмотримъ на себя, да прижмемся хорошенько другъ къ кругу. Вдумайтесь, какого напряженія ждетъ отъ насъ страна и Государь. Будемъ ли мы достойны? — и взглядъ старика досказалъ его сомнѣнія уже не въ народѣ, а въ силахъ новой «общественности»...

Отвѣчалъ Александръ Васильевичъ:

— Насъ мало. По сравненію съ прежнимъ составомъ общества, нѣтъ и десятой части. Сговоримся ли мы съ раскаявшимися большевиками и будетъ ли дружной хоть здѣсь въѣзжающая эмиграція, среди которой много свѣжихъ силъ, сказать трудно. Будемъ вѣрить, что новое общество подчинится рѣшенію Собора и полюбитъ и строй, и Государя... главное, полюбитъ...

А завтра, господа, Государь, послѣ смотра, созываетъ насъ въ Нескучное. Онъ поручилъ правителю образовать министерство и 12-го потребуетъ его выступленія. Готовы ли всѣ?

Всегда спокойный Дмитрій Сергѣевичъ сказалъ:

— Завтра начинаются будни. Мы видѣли выявленіе силы Царя и народнаго собранія. Начнемъ ли мы, отрекаясь отъ старыхъ навыковъ бюрократіи, пререканій и откладыванья, настоящую работу? Я отвѣчу за всѣхъ: да, начнемъ. Мы готовы и узнали, и полюбили Государя и другъ друга. Финансовый и экономическій планъ, по мѣрѣ разума нашего заготовленъ. Предметы вѣдѣнія областныхъ соборовъ — выяснены. Мы бодры, Акимъ Петровичъ, готовы къ дѣлу, доложите Его Величеству, что онъ можетъ намъ вѣрить...

— Хорошо, я доложу. Я радъ это слышать. Будемъ зализывать раны. Много ихъ. Все тѣло Россіи больное,

паете вы, новое поколѣніе, — кончилъ бесѣду Акимъ
но живое. А теперь, мы старики, сдѣлали свое дѣло, всту-
Петровичъ, весь еще взволнованный событіями дня...

Въ то же время, въ Нескучномъ, въ небольшой комнатѣ флигеля, Государь кончалъ бесѣду съ предсѣдателемъ Собора и Васильемъ Васильевичемъ.

— Передъ вами, до 9-го іюля два мѣсяца работы. Къ уборкѣ хлѣбовъ надо кончить. Сохранитъ ли Соборъ свое настроеніе?

— Сохранитъ, Государь, уже въ силу того, что черезъ мѣсяцъ откроются дѣйствія областныхъ Собраній. Земскій Соборъ пожелаетъ привѣтствовать объединеніе двѣнадцати Соборовъ. Это событіе вѣдь будетъ незаурядное. Земскій Соборъ желаетъ дождаться полнаго единомыслія областей съ сегодняшнимъ рѣшеніемъ.

— Я такъ бы этого хотѣлъ, — осторожно сказалъ Государь.

— Оно будетъ, ваше Величество. Въ собраніяхъ будетъ порядокъ. Газеты и публика допущены не будутъ. Еще вчера это предрѣшено Соборомъ. Болтовня надоѣла. Затѣмъ, ваша воля по вопросамъ — финансовому, земельному и прочимъ — всѣмъ извѣстна. Законы эти мы проведемъ скоро. При этомъ вѣдь разгрузка законодательства на область будетъ огромная. За порядокъ въ Соборѣ — я ручаюсь...

Государь взглянулъ на правителя.

— Порядокъ въ странѣ наступить скоро не можетъ, — медленно заговорилъ старикъ. Народъ спокоенъ, но общество и города будутъ еще бродить. До окончанія сессіи всѣхъ Соборовъ необходимо сохранить военное положеніе и необходимо, Государь, сохранить еще надолго должность диктатора...

— Конечно, такъ и будетъ... — и, подумавъ, Государь спросилъ: — а амнистія?

И правитель, и Трофимъ Михайловичъ въ одинъ голосъ отвѣтили:

— Ее нельзя дать, Государь... Виновники должны отвѣтить. . .

— А я даю амнистію, — послѣдовалъ рѣзкій отвѣтъ. — Заготовьте указъ. Если Царская власть должна помочь жизни народа, то ея первое движеніе — дать эту жизнь всѣмъ. А потомъ? Учетверите, если нужно, силу защиты порядка этой жизни. Я первый отъ васъ этого требую.

Оба совѣтника Государя склонили головы

— Какъ намѣчаются отношенія къ намъ державъ? — послѣдовалъ вопросъ Государя.

— Лукавятъ, ваше Величество, — отвѣтилъ правитель. — Принятое Самодержавіе подыметъ противъ насъ всѣхъ. Но — обойдутся. У всѣхъ свои злобы дня. Интернаціоналъ выходитъ изъ моды, прячется и заговоры отступаютъ. А, главное, что нужда запада въ сырьѣ и въ экспортѣ, и заводское перепроизводство такъ велики, что никто не скрываетъ надежды, что откроется нашъ рынокъ. Никакихъ и никому уступокъ, Государь.

— А угрозы Германіи и Англіи?

— Германія, Государь, наткнется сначала на Сербію, Польшу и остальныхъ, а затѣмъ мы пригласимъ ее опять зайти поглубже. Время то вѣдь не Скоропадскаго. И, знаете, ваше Величество, негодованіе народа за Брестъ такъ реально, что въ этотъ разъ вся нація встанетъ подъ ружье. . . А Англія? Мнѣ кажется, что она теряетъ всякое значеніе и ни во что не вмѣшается. Ей не до насъ. Съ Америкой намъ спорить не о чемъ, съ Японіей отношенія отличны и весь востокъ — дружелюбенъ. . .

— Осмѣлюсь доложить, Государь, — сказалъ Трофимъ Михайловичъ, —я слышалъ отъ всѣхъ выборныхъ о необходимости возстановленія прежнихъ Бал-

тійскихъ и южно-русскихъ въ Польшѣ и Румыніи — границъ.

Государь, подумавъ, отвѣтилъ.

— Ну, это вопросъ будущаго. Эстонія и Латвія сами выскажутся. Будемъ собираться съ силами и разумомъ дома. А теперь, еще благодарю васъ и желаю доброй ночи. Увижу васъ скоро, — простился онъ,но задержалъ еще Василія Васильевича.

Положивъ старику на плечо руку, Государь сказалъ:

— Не за себя, а за Россію благодарю васъ. Мы вамъ обязаны быстротой событій. Отъ того и супѣхъ. Вѣрите-ли вы въ его прочность?

— Вѣрю, Государь. Природа взяла свое. Народъ нашелъ свою власть и разумъ беретъ верхъ. Всюду служатъ молебствія; шлютъ привѣтствія вамъ и Собору. Правда, есть еще выступленія соціалистовъ, но они слабы. Отпоръ даютъ крестьяне. Рабочихъ тоже не жалуютъ. Россія невыносимо устала и желаетъ покоя.

— Щадите моихъ личныхъ враговъ, но не щадите враговъ строя. Допускайте писать и говорить, но не допускайте никакихъ заговоровъ и выступленій. Покажите народу, принявшему сегодня строй, что на его сторонѣ законъ и правительство. Я буду отвѣчать народу и исторіи ,но и мнѣ будутъ отвѣчать и съ лихвой. . .

Для обычно сдержаннаго Государя эти слова были знаменательны, и Василій Васильевичъ убѣждался, что этому Государю не страшна ни бюрократія, ни иностранцы, ни бомбы, и что онъ будетъ самъ править и установитъ самъ отношенія и съ обществомъ, и съ державами. А Государь въ это время окидывалъ мысленнымъ взоромъ всю Россію и спрашивалъ себя, можно ли охватить все происходящее? Событія онъ схватывалъ минутами, но знать и все видѣть и предвидѣть не могъ.

Помочь народу освободиться отъ революціонной

мороки, вернуть его къ сознанію порядка и укротить желающихъ вернуться къ 1917 году, такова была ближайшая задача власти. Правитель угадывалъ его мысли и понималъ, что одинъ онъ всего не осилитъ, что помогутъ области и что ему нужны люди, и еще надолго помощникъ исключительной силы и дарованія...

— Я старъ, мнѣ удалось возбудить народъ, и я сдѣлалъ черновую работу, но на творчество я не способенъ, Государь, — вымолвилъ правитель... — И, я повторяю, надо вызвать «Вѣкового». Онъ молодъ, уменъ, онъ меня смѣнитъ. У него орлиный полетъ. Онъ ждетъ въ Иркутскѣ.

— Вызывайте... Я ему вѣрю... А вы, старый другъ, оставите меня? — ласково обнявъ правителя, спросилъ Государь.

— Нѣтъ, ваше Величество, ни я, ни Акимъ Петровичъ, не оставимъ васъ. Тѣнью вашей будемъ, если нужны еще мы старики.

— Оба, оба, вотъ это хорошо. Что бы я дѣлалъ безъ васъ стариковъ? — шутилъ Государь, провожая его до двери...

Правитель остановился у дверей и, извиняясь, что еще безпокоитъ, сказалъ:

— Насъ всѣхъ одно безпокоитъ, ваше Величество, откуда мы получимъ средства, хотя бы на годъ?

Государь, улыбаясь, обнялъ его еще разъ и сказалъ ему на ухо нѣсколько словъ...

Лицо Василія Васильевича просіяло.

— Ну, этого хватитъ, Государь, на пять лѣтъ. О, какъ Дмитрій Сергѣевичъ будетъ счастливъ... И министръ земледѣлія! Мы вѣдь начнемъ съ введенія системы промышленнаго сельскаго хозяйства! И портъ, и флотъ въ Владивостокѣ начнемъ строить... и въ одинъ годъ образуемъ Туркестанскую армію....

— Довольно, довольно, — перебилъ его Государь;

— да, теперь, когда средства обезпечены, мы многое можемъ сдѣлать. Помогъ бы Богъ!.. А теперь, прощайте. Утро вечера мудренѣе...

Москва спала. Большинство народа увѣровало, что на завтра начнется новая жизнь.. Тревожнѣе протекала эта ночь для жителей остальныхъ городовъ: они ждали извѣстія, что рѣшитъ Земскій Соборъ...

Не умѣя выразить своихъ чувствъ, въ тишинѣ проводили эти дни тысячи деревень...

— Слышь, Царь будетъ опять.. Говорятъ хорошъ для нашего брата... Безъ подмоги, чать, не оставитъ... Хуже того, что есть, не будетъ.. При царяхъ то жилось много лучше, забота была, — судачили на всѣ лады сельскіе люди. Людей вѣдь уравнять нельзя; всякъ по своему думаетъ. А бабамъ такъ и говорить было некогда; огороды, да полка, да стрижка, — день деньской по горло были заняты.

— Знатоки увѣряли, что мужики стали совсѣмъ другіе, сознательные молъ, да политически образованные... И увѣряли тѣ знатоки — глупо. Крестьяне оставались тѣ же, что были, только у иныхъ бодраго духа прибавилось, у другихъ поубавилось.

Они же, эти сѣрые, кто въ лаптяхъ, кто босой изъ-за «коммуніи», съ ней же и покончили. Повѣрили было большевикамъ, а на дѣлѣ и земли «сумежной» оказалось — чуть, и нисколько не прибавилось, а остальное все стало на много хуже прежняго.

Навязъ на зубахъ «спекулянтъ и сицилизмъ». Трудно жить стало до нельзя. Рыли землю до глины, а ѣли мякину. И скинувъ всю эту ложь и господскую затѣю, терпѣливый, но изведенный до крайности поборами и недостатками, народъ возьмется за дѣло; авось,

порядкомъ начнетъ пахать, авось скотиной обзаведется, авось и все, что по домашности нужно, явится въ городахъ въ волю.

И проснется завтра народъ, и хоть и медленно, и въ развалку, а опять начнетъ шагать впередъ и впередъ. И въ правду, куда и торопиться то очень и кого догонять то? Отъ Бога всему положено мѣсто и время, и Россіи тоже. Была бы она сыта, сильна и богата. А отъ Бога сказано ей — быть великой.

Было далеко за полночь. Отпустивъ правителя, Государь ходилъ долго по комнатѣ. Открывъ окно, онъ смотрѣлъ въ тьму весенней ночи. Въ разныхъ концахъ города поблескивали еще кое-гдѣ огни и по небу играли сполохи. Не прекращавшійся весь день благовѣстъ, продолжался и ночью, наполняя ее переливами звоновъ. Съ этими рѣдкими переговорами сотенъ Церквей, тишина каазлась особенно важной и таинственной. Надъ Россіей носилась молитвенная мысль, и Государь къ ней пріобщился. Необъятная глазу Россія, со всей ея природой, съ ея людьми — спала, но жила, и вѣроятно ощутила происшедшее, такое простое и новое. Россія навсегда останется Россіей, и ни съ кѣмъ другимъ не сравнится. На завтра начнется та же жизнь, но потечетъ она въ какое-то исходящее изъ стараго, новое, болѣе глубокое и просторное русло.

Такъ думалось Государю, и ему отчетливо видѣлось направленіе и ясность будущаго пути. Но сердце его все еще сжималось при воспоминаніи о потокѣ крови, которая пролилась за проклятые годы безсмысленной войны и революціи. Думалось о мукахъ, которыя приняли милліоны людей. Сколько талантовъ, сколько силъ похоронено!.. И передъ нимъ проплылъ чудес-

ный, любимый образъ Царя Великомученика и его невиннѣйшей Семьи.

Бои съ нѣмцами, побоище русскихъ съ русскими, всѣ событія, пронеслись передъ мысленнымъ взоромъ новаго Государя, и его сердце больно дрогнуло жалостью и ужасомъ передъ страшной, неописуемой картиной прошлаго, передъ сборищемъ людей зла, убійцъ, палачей и глупцовъ, дѣлавшихъ эту конченную сегодня революцію. . .

И жалость, и ужасъ, и ненависть къ насильникамъ, и надежда, и умиленіе отъ прожитого дня — мѣшались въ чувствахъ Государя.

Взволнованный, но полный страстной любви къ родинѣ, онъ взглянулъ въ звѣздныя очи тихой, чудной ночи. . . Взглянулъ въ величіе неба, и тутъ же передъ небомъ этимъ палъ на колѣни и громко взмолилъ:

— Господи, помоги мнѣ! Спаси родину, кончи испытаніе, сохрани насъ отъ бѣдъ!

Брезжили, чуть освѣтивъ облака, блѣдные отсвѣты зари. Въ кустахъ стараго сада загомонили пернатые. Вѣтеръ шелохнулъ листьями деревьевъ, пахнувъ душистой влагой земли и зелени.

Не прекращая молитвы, Государь вдохнулъ въ себя всю чудную, оживающую жизнь и шепталъ слова благодарности жизни.

Онъ плакалъ и не останавливалъ слезъ. . .

А судьба простого чувства и человѣческаго сердца? Неужели забыты они были въ эти напряженные дни исторіи? Нѣтъ, родное чувство озарило его. Онъ поднялся съ колѣнъ, подошелъ къ столу и быстрымъ движеніемъ написалъ на листѣ бумаги адресъ, имя и слова: «принялъ на себя царственный долгъ передъ Бо-

гомъ и родиной. Жду тебя, драгоцѣннаго спутника жизни. Обнимаю дорогихъ. Отецъ».

На звонокъ явился дежурный офицеръ. Красивый, стройный, звякнувъ шпорами, онъ вытянулся и шагнулъ взять протянутую ему бумагу. . .

Встрѣтивъ смущенно улыбающійся, чудесный взоръ юноши, Государь тоже ласково улыбаясь, сказалъ:

— Отправьте сейчасъ, это моей женѣ...

St.-Germain en Laye.

Іюнь. 1926 г.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Слѣдуетъ
79	6 сверху	смѣхъ	Смѣхъ
125	9 сверху	загрлядывать	заглядывать
125	14 сверху	очуркахъ	очкурахъ

139 **строки 1-ая и 2-ая по недосмотру корректора переставлены. Онѣ должны читаться такъ:**

«но живое. А теперь, мы, старики, сдѣлали свое дѣло, вступаете вы, новое поколѣніе, — кончилъ бесѣду Акимъ»

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

1) **Записки землевладѣльца.** 1914 г. Изд. Суворина 2 т.

2) **Его Величество Государь Николай II.** 1927 г. очеркъ.

3) **«Земля и Воля»,** романъ. Изданіе «Мѣдн. Всадникъ» 1927 г.

4) **«Старыя пѣсни».** Разсказы 1928 г.

Готовятся: **Разсказы,** 2 т.; **Воспоминанія,** 2 т. и **Историческій романъ.**

Imp. L. Beresniak, 12, rue Lagrange, Paris.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Société «N. P. KARBASNIKOFF»
86, Avenue de la Muette — PARIS (16e)

2007340299